

ВИТАЛИЙ ГУБАРЕВ

КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

ЗАМОК ЧУДЕС

Фантастические и сказочные
повести для детей

ЗАМОК ЧУДЕС

Виталий Губарев

КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

Сказочные повести

КОРОЛЕВСТВО
КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

•
ТРОЕ НА ОСТРОВЕ

•
ПУТЕШЕСТВИЕ НА УТРЕНнюю ЗВЕЗДУ

•
ПРЕДАНИЕ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

•
ЧАСЫ ВЕКОВ

Москва АРМАДА
1994

Кто не любит таинственных приключений, когда от происходящего с героями книги захватывает дух и хочется спрятаться под подушку...

С героями сказочных повестей Виталия Губарева происходят невероятные приключения, такие, что даже на улицу выходить не хочется! Скорее, скорее прочитать, что же дальше произойдет с девочкой Олей и ее двойником из Зазеркалья Яло в стране кривых зеркал (повесть «Королевство кривых зеркал»), что случится с другой девочкой по имени Муха, попавшей в далекое прошлое нашей планеты в гости к мамонтам и первобытным людям (повесть «Часы веков»), а как поведут себя герои повести «Трое на острове», оказавшиеся в плену у жестоких пиратов?..

Прочитайте эти и другие замечательные повести В. Губарева «Путешествие на Утреннюю Звезду» и «Преданье старины глубокой» и поймете, что книги серии «Замок чудес» просто необходимы в вашей личной библиотеке.

Иллюстрации

Б. Калаушина, В. Алексеева, И. Ушакова

Г 4702010201-36 Без объявл.
903(03)-94

ISBN 5-87994-040-3

© Состав, художественное оформление,
АРМАДА, 1994

КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

ОБЪЕДИНЕНА НАУКА

**Иллюстрации
Б. Калаушина**

Часть первая БАШНЯ СМЕРТИ

Глава первая, В КОТОРОЙ ОЛЯ ССОРИТСЯ С БАБУШКОЙ И СЛЫШИТ ГОЛОС ВОЛШЕБНОГО ЗЕРКАЛА

Хочу рассказать вам о девочке Оле, которая вдруг увидела себя со стороны. Увидела так, как можно увидеть не себя, а совсем другую девочку — скажем, сестру или подругу. Таким образом, она довольно долго наблюдала самое себя, и это помогло ей избавиться от недостатков, которых раньше она в себе не замечала.

И знаете, что самое главное в этой истории? Оля убедилась, что даже, казалось бы, маленькие недостатки в характере могут стать серьезным препятствием на пути к цели. Она попала в одну сказочную страну, где ей пришлось пережить много опасных приключений, подобных тем, о которых она читала в старых сказках. Может быть, вы тоже читали эти старые сказки, где короли, разные принцы и придворные дамы так добры, справедливы, прекрасны и вообще так приторно-сладки, будто вымазаны медом. И вот однажды девочка Оля совершила путешествие в сказочную страну и увидела там... Впрочем, я лучше расскажу все по порядку.

...В то утро Оля вела себя из рук вон плохо. Она встала позже, чем следовало, а когда бабушка будила ее, брыкалась и, не открывая глаз, говорила противным скрипучим голосом:

— Отстань! Ну что ты ко мне пристала?

— Оля,— настойчиво говорила бабушка,— ты можешь опоздать в школу.

Голос у бабушки был спокойный и ласковый, потому что все бабушки очень ласковы. Они так любят своих внушек, что не сердятся даже тогда, когда капризные девочки говорят им дерзости.

— Опять читала в постели допоздна,— вздохнула бабушка, поднимая упавшую на пол книгу, на обложке которой было крупно написано: «Сказки».— А теперь вот подняться не можешь.

Оля села на кровати, свесив босые ноги, и сердито посмотрела на бабушку одним глазом, так как другой все еще был закрыт.

— Какая ты... недобрая... Никогда поспать не даешь!

Олино платье оказалось под кроватью. Одну туфлю она долго не могла отыскать и наконец обнаружила ее под книжным шкафом.

Потом, когда бабушка заплетала ей косы, она дергалась и говорила: «Больно!», хотя на самом деле больно ничуть не было.

А после завтрака Оля никак не могла найти свои учебники.

— Вчера я положила их на стол. Куда ты задевала их? — ворчала она на бабушку, топая ногой.

— Я никогда не теряю своих вещей,— спокойно отвечала бабушка.— Будь любезна и ты класть вещи на свое место.

— Нет, — кричала Оля,— я всегда кладу все на место! Это ты нарочно спрятала мои книги.

Тут даже бабушкиному терпению пришел конец, и она, немного повысив голос, проговорила:

— У, бесстыдница! Как только папа и мама вернутся с работы, я им все расскажу.

Угроза подействовала: Оля побаивалась папы и мамы. Она негромко проворчала: «Подумаешь!..» — и, надув губы, полезла под кровать. Конечно, под кроватью книг

не оказалось; не оказалось их в ванной и в кухне. Неизвестно, сколько времени продолжались бы поиски, если бы бабушка не заглянула в Олин портфель.

— Видишь, какая ты рассеянная, Оля! Ведь ты же сама вчера положила все свои учебники себе в портфель. О, как бы я хотела, чтобы ты посмотрела на себя со стороны! Вот стыдно тебе стало бы...

Оля, которой уже и так было стыдно, что она понапрасну обидела бабушку, чмокнула старушку в щеку, взяла портфель и пошла в переднюю одеваться. В передней стояло большое зеркало, перед которым она любила вертеться.

— Одевайся поскорее, Оля! — крикнула ей вслед бабушка. — До звонка осталось десять минут.

Но Оля и не думала одеваться. Из зеркала на нее смотрела девочка в черном переднике, с красным галстуком на шее. Девочка как девочка — две русые

косы с бантом и два больших голубых глаза. Но Оля считала себя очень красивой и поэтому, очутившись перед зеркалом, долго не могла оторваться от него. Так было всегда.

— Как, ты еще не ушла? — вскрикнула бабушка, появляясь в передней. — Нет уж, сегодня я непременно расскажу все папе и маме!

— Подумаешь!.. — ответила Оля и начала одеваться.

— Учишься в пятом классе, а ведешь себя, как маленькая. Ох, если бы ты могла посмотреть на себя со стороны!

— Подумаешь!.. — повторила Оля, помахала бабушке рукой и, еще раз украдкой взглянув на себя в зеркало, скрылась за дверью...

В этот день Оля вернулась из школы злая-презлая: она поссорилась с подругами. Вообще она часто ссорилась с подругами и почти всегда была виновата во всем.

— Какая ты капризная! — сказали ей подруги. — Больше мы не будем с тобой дружить!

— Подумаешь!.. — выпятила Оля нижнюю губу и сделала вид, что несколько не огорчена. Но на самом деле на душе у нее было прескверно.

Кончался декабрь, на улице темнело рано. А так как после школы Оля не могла удержаться от соблазна заглянуть в кино, где шла новая картина, то, когда она пришла домой, в морозном небе уже светились звезды. И тут, к своему ужасу, Оля увидела, что на лестнице не горят лампы. А темноты она боялась больше всего на свете.

Пугаясь шума собственных шагов, Оля стремительно взбежала на свой этаж и подняла такой звон, что у бабушки тряслись руки, когда она открывала дверь.

— Что случилось? — испуганно спросила старушка. — А где твой ключ?

— Бабунечка, я потеряла свой ключ, — тяжело дыша, сказала Оля.

Бабушка всплеснула руками:

— Это уже в третий раз! Ну что теперь делать? Свой ключ я отдала слесарю домоуправления. Ах, Оля, Оля, какая ты растеряшка! Беги к слесарю, он, наверно, уже сделал новый ключ.

— Бабунечка... на лестнице так темно... Наверно, перегорели пробки.

— Боишься?

— Я просто... не люблю темноты...

— Ах ты трусишка! Ну ладно уж, схожу сама.— Бабушка оделась, погрозила Оле пальцем: — Шоколадку в буфете до обеда не трогай! — и скрылась за дверью.

Оля стала раздеваться на ходу. В одном месте она оставила калоши, в другом — шапочку, в третьем — пальто. Затем, после небольших колебаний, она достала из буфета шоколадку и съела ее. Ей было скучно. Она взяла книгу, на обложке которой было написано «Сказки», и начала листать ее. Одна картинка привлекла внимание Оли. С высокого холма открывался вид на удивительный город со множеством разноцветных зданий с высокими шпилями. Нарядные люди гуляли на площади вокруг фонтана. «Вот бы и мне погулять там!» — подумала Оля и вдруг услышала какой-то странный звон в передней.

Она побежала в переднюю. Но все было тихо.

«Наверно, слышалось», — подумала Оля и, бросив взгляд на зеркало, как обычно, стала вертеться перед ним.

Она оглядела себя с головы до ног, несколько раз повернулась кругом, потом сощурила глаза и высунула язык. Потом Оля рассмеялась и начала выбивать ногами дробь.

И тут ей показалось...

Нет, этого не может быть! Чутко прислушиваясь, Оля снова стукнула каблуками об пол и теперь уже вполне отчетливо разобрала, как в глубине зеркала стеклянным мелодичным звуком отзывалось эхо. Да, эхо отзывалось в зеркале, в той самой передней, кото-

рая в нем отражалась, а не в той, настоящей, в которой стояла Оля.

Это было так странно, что Оля онемела, широко открыв свои голубые глаза. И в тишине она ясно услышала, как кто-то вздохнул длинно и печально. Оле стало страшно... Она выждала минуту и негромко спросила:

— Кто это вздыхает?

— Я,— негромко ответил красивый звенящий голос, словно ударились друг о дружку хрустальные стеклышки.

— Кто ты? — перевела дыхание Оля.— Здесь никого нет.

— Это я, зеркало,— снова зазвенел голос.

Оля отскочила в сторону и, помедлив, сказала:

— Но ведь вещи не умеют разговаривать...

— А ты представь, что находишься в сказке,— ответил голос.

— Все равно это очень странно... Я боюсь тебя, зеркало.

— Напрасно, девочка... Я доброе волшебное зеркало. Я не причиню тебе никакого зла. Не правда ли, я тебе нравлюсь? Ты так любишь смотреть в мое стекло!

— Это правда,— сказала Оля, осмелев и делая шаг к зеркалу.

А голос звучал:

— Бабушка часто говорит, что хотела бы, чтобы ты увидела себя со стороны...

— Но разве это возможно? — удивилась Оля.

— Ну конечно, возможно. Только для этого тебе нужно побывать по ту сторону зеркала.

— Ах, как интересно! — воскликнула Оля.— Разреши мне, пожалуйста, побывать по ту сторону зеркала!

Голос ответил не сразу, как будто зеркало погрузилось в задумчивость.

— С твоим характером,— произнес наконец звенящий голос,— опасно очутиться по ту сторону зеркала.

— Разве у меня плохой характер?

Снова раздался вздох:

— Видишь ли, ты, конечно, хорошая девочка... Я вижу добрые глаза — значит, и сердечко у тебя доброе. Но у тебя есть недостатки, которые могут помешать тебе в трудную минуту!

— Я ничего не боюсь! — решительно махнула косичками Оля.

— Что ж, пусть будет по-твоему, — произнес голос.

И передняя вдруг наполнилась звоном, словно разбились тысячи хрустальных стекляшек. Оля вздрогнула, и книга, которую она держала под мышкой, полетела на пол.

**Глава вторая,
В КОТОРОЙ ОЛЯ ЗНАКОМИТСЯ
СО СВОИМ ОТРАЖЕНИЕМ
И ПОПАДАЕТ В СКАЗОЧНУЮ СТРАНУ**

Хрустальный звон все усиливался. По гладкому стеклу зеркала пробежали голубые волны. С каждой секундой они становились все голубее и голубее, и теперь уже зеркало ничего не отражало.

Затем голубые волны рассеялись, словно туман, и хрустальный звон затих. Оля снова увидела в зеркале переднюю и свое отражение. Однако стекло исчезло. Осталась только одна рама от зеркала, через которую — Оля отчетливо почувствовала это — повеяло ветерком.

Набрав в легкие воздуха и зажмурив глаза, будто она собиралась нырнуть в воду, Оля быстро подняла ногу, переступила через раму и, столкнувшись с кем-то, полетела на пол. Она схватила за ушибленный лоб, открыла глаза и села. Перед ней, схватившись за лоб, сидела девочка с русыми косами и большими голубыми глазами.

— А ведь мы обе виноваты, что столкнулись, — сказала девочка, смущенно улыбаясь. — Ты слишком быстро сделала шаг вперед. И я сделала шаг вперед. Ведь я привыкла делать то же, что и ты! Я не догадалась сразу, что теперь мне нужно уступать тебе дорогу.

Вот и
пришла
королева
к замку
девицы
Вальды
Королевы
Золушки

— Ничего, мне не очень больно,— проговорила Оля, потирая лоб,— только, наверно, вскочит шишка.

— Там, в своей передней, ты обронила книжку,— сказала девочка Оле,— вот она.

И девочка протянула книгу, на которой было написано «икзакС». Оля усмехнулась и внимательно оглядела отраженную переднюю, в которой она находилась. Все в ней было наоборот. То, что дома стояло справа, здесь оказалось слева, а то, что там стояло слева, здесь оказалось справа.

Вдруг хрустальный звон привлек ее внимание. Оля увидела, что в зеркальной раме снова появились голубые волны. Она торопливо подбежала к зеркалу, но его поверхность уже успокоилась. Оля прислонила к зеркалу лоб и почувствовала холодок стекла. «Как же я теперь попаду домой?» — подумала она. Ей вдруг стало тревожно и грустно. Она видела в зеркале переднюю своей квартиры, которая была так близко и в то же время так далеко теперь. Какой милой ей показалась эта передняя! Вон на полу лежит ее любимая книга, на которой написано: «Сказки». А вон на вешалке висит папино летнее пальто, которое мама вынула из сундука, чтобы оно проветрилось: от пальто пахло нафталином.

Оля оглянулась.

Здесь, в отраженной передней, тоже висело пальто, такое же, как у папы, но сколько Оля ни тянула носом воздух, она не почувствовала запах нафталина.

— Я не хочу здесь оставаться,— сказала Оля и сердито посмотрела на девочку.— Я хочу домой.

— Нельзя,— серьезно проговорила девочка, поднимаясь с пола.— Голубые волны не могут появляться так часто.

— А если я... разобью стекло?

— Тогда будет еще хуже. Ты на всю жизнь останешься по эту сторону зеркала.

Слезы брызнули из Олиных глаз и закапали на пол. «Дзинь, дзинь!» — зазвенели слезинки; ударившись об

под, они превращались в стеклышки и разбивались на сотни крошечных частей.

— Зачем же ты огорчаешься? — ласково заговорила девочка. — Нам с тобой не будет скучно.

— Как тебя зовут? — всхлипывая, спросила Оля.

— Меня зовут Яло. А тебя зовут Оля?

— Правильно! — воскликнула удивленная Оля. — Как ты узнала?

— Это очень просто. Ведь я твое отражение. Значит, имя у меня такое же, как у тебя, только наоборот: Оля наоборот будет Яло. Видишь, у меня все наоборот: у тебя родинка на правой щеке, а у меня на левой.

— Это очень забавно, — улыбнулась Оля сквозь слезы. — Если ты мое отражение, значит, ты...

— Что?

— Ты не обидишься, если я тебя спрошу?

— Конечно, нет, — ответила девочка. — Что тебя интересует?

— Если ты мое отражение — значит, ты должна быть левшой?

— Так и есть. Я все делаю левой рукой. И это значительно удобнее, чем правой.

— Здесь все очень смешно, — сказала Оля и вдруг пожелилась: — Скажи, пожалуйста, откуда так сильно дует?

— Не знаю, — пожала плечами Яло и вдруг указала на книгу. — Посмотри, страницы твоей книжки шевелятся.

Девочки склонились над книгой, страницы которой действительно трепетали под ветром. Откуда он? Оля открыла книгу как раз на той странице, где был нарисован сказочный город с разноцветными домами со шпилями. Как это ни странно, но ветер дул с этой картинки!

— Bravo! — вдруг захлопала в ладоши Яло. — Оля, давай погуляем по этому городу.

Олины глаза от изумления расширились.

— Ты в своем уме? Это же... книга. Картинка такая маленькая. — Яло, посмеиваясь, приставила открытую книгу к стене, и картинка вдруг на глазах у девочек выросла до самого потолка.

Оля тихонько ахнула.

— По эту сторону зеркала все может быть,— сказала Яло.— Ты ведь попала в сказку, Оля. Пойдем посмотрим город, а завтра ты вернешься домой.

— Завтра?! — с ужасом вскрикнула Оля.— Да знаешь ли ты, что будет делаться дома? Меня будет разыскивать вся городская милиция... А мама, наверно, подумает... Бедная мамочка, она подумает, что я попала под трамвай, потому что я всегда очень неосторожно перехожу улицу!

— Ты напрасно беспокоишься. Дома никто и не заметит, что тебя нет. Даже если ты пробудешь здесь целую тысячу лет! Когда бы ты ни вернулась обратно, ваши часы будут показывать тот же час, ту же минуту и даже ту самую секунду, когда ты переступила через раму. Вот посмотри-ка на часы.

Оля подняла голову и увидела на стене часы точно такие, какие висели дома в передней. Только циферблат на этих часах был нарисован наоборот и стрелки двигались не вперед, а назад.

— Ну, если так, тогда пойдем! — рассмеялась Оля.

Девочки взяли за руки и, обдуваемые легким ветерком, без всякого труда вошли в сказочный город.

Глава третья,
В КОТОРОЙ ОЛЯ ПУТЕШЕСТВУЕТ
ПО СКАЗОЧНОМУ ГОРОДУ
И УБЕЖДАЕТСЯ, ЧТО НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО,
ЧТО БЛЕСТИТ

Девочки вышли на вершину холма, с которого открывался удивительный вид. У их ног начиналась огромная стеклянная лестница. Она уходила далеко вниз, и там внизу, у ее подножия, раскинулся город. Он был весь из разноцветного стекла, и его бесчисленные башни и шпили отражали солнце и слепили глаза.

Держась за руки, Оля и Яло начали спускаться по лестнице. Ступени, словно струны, зазвенели под их ногами. По бокам лестницы стояли широкие зеркала. Заглянув в одно из них, Оля увидела двух очень толстых и широколицых девочек.

— Неужели это мы? — растерянно спросила она.

— Да. Кажется, мы.

Девочки достигли подножия лестницы и остановились. Перед ними расстиралась площадь, которую окружали красивые дома из желтого, красного, синего, зеленого и белого стекла. Красивые дамы в длинных шелковых платьях и кавалеры в расшитых золотом пышных костюмах гуляли вокруг фонтана, из которого высоко в небо взлетали прозрачные струи. Падая на землю, эти струи превращались в стекло, разбивались на миллионы сверкающих осколков и наполняли воздух музыкальным звоном. От фонтана веяло приятной прохладой. Все искрилось в ярком солнечном свете.

Там и тут на площади проезжали коляски с какими-то важными надутыми людьми. Звонко стучали по мостовой подковы лошадей. И повсюду на площади,

так же как и на лестнице, были расставлены кривые зеркала.

Оля и Яло с любопытством рассматривали необыкновенных людей. Вот мимо прошел высокий худой старик в парчовом камзоле и в черных чулках, обтягивающих его тонкие ноги.

— Дедушка, — обратилась к нему Оля, — скажите, пожалуйста, как называется эта страна?

— Я не дедушка! — сердито огрызнулся прохожий. — Я церемониймейстер его величества короля Топседа Седьмого. Противные девчонки! Разве вы забыли, что наша страна называется Королевство кривых зеркал?

Высоко вздернув голову, надменный старик удалился. Девочки переглянулись, едва сдерживая смех.

— Яло, он сказал, что короля зовут Топсед, — сообщила Оля. — Если здесь, как ты сказала, все наоборот, значит, он... Деспот?

— Деспот, Оля!

— Вот какой это король!

Девочки обогнули площадь и вошли в маленький, тесный переулочек. Чем дальше они шли по этому переулочку, тем ниже и беднее становились дома. Вот перед ними стена длинного строения из черного стекла, освещенная изнутри какими-то мерцающими огнями. Из широкой двери клубами вырывался дым.

— Там, кажется, пожар?! — воскликнула Оля.

Они вошли в дверь и спустились по скользким ступеням в подвал.

— Как трудно дышать! — закашлялась Яло, прикрывая рукой рот.

Девочки увидели темное, наполненное дымом помещение.

В полумраке вспыхивали огни каких-то печей. Едва различимые в дыму, как призраки, двигались полуобнаженные мужчины и юноши, занятые непонятной работой. Они были худы и измучены.

И вдруг жалобный крик раздался в мастерской. Худенький подросток, покачнувшись, упал на землю. И сейчас же к нему подошел человек в разноцветной одежде, с кнутом в руке.

— Опять этот Гурд не хочет работать! — сказал человек.

И Оля услышала, как в воздухе свистнул кнут.

Раз! Кнут опустился на обнаженную спину мальчика, оставив на ней красную полосу. Мальчик даже не пошевелился: он был без сознания. Человек снова взмахнул кнутом, но тут Оля бросилась вперед и, задыхаясь от волнения, крикнула:

— Что вы делаете? Не смейте! Вы же убьете его!..

Человек повернул к девочке разъяренное лицо.

— Я главный надсмотрщик министра Нушрока! Кто смеет делать мне замечания?

— Неужели вам не жаль его? — задыхаясь, проговорила Оля. — Смотрите, какой он слабый и маленький.

— Отойди прочь! Иначе, клянусь королем, тебе придется плохо, девчонка!

Вокруг Оли и надсмотрщика столпились зеркальщики. Они смотрели на Олю с такой благодарностью, что это придавало ей смелость.

— Вы не должны его бить! — твердо сказала Оля. — Посмотрите, посмотрите, он, кажется, уже умер... Помогите ему!..

— Вынесите это чучело на воздух! — крикнул надсмотрщик. — Не думаешь ли ты, девчонка, что министр Нушрок станет беспокоить королевского врача ради этого мешка с костями?

Мальчика подняли, вынесли на руках из подвала и положили на мостовую лицом к солнцу. Веки его слабо задрожали.

— Ну вот, я же говорил, что мальчишка притворяется! Он просто не хочет работать! — прорычал надсмотрщик. — Нет, Гурд, теперь тебе не миновать королевского суда!

Кто-то тронул Олю за локоть. Она оглянулась и увидела бледную Яло, протиснувшуюся сквозь толпу.

— Сумасшедшая! — взволнованно прошептала Яло. — Бежим скорее отсюда! Я так боюсь этого человека с кнутом!

— Я никуда не пойду, пока не узнаю, что будет с мальчиком, — упрямо тряхнула косичками Оля.

Раздался звон подков.

— Кажется, катит Нушрок, — тихо проговорил сгорбленный старик с глубокими морщинами на лице.

Оля шепотом спросила его:

— А что здесь надо Нушроку?

Он взглянул на нее удивленно:

— Вы, девочки, наверно, чужестранки? Нушрок — хозяин всех зеркальных мастерских в нашем королевстве... Вот и этих мастерских. Мы делаем здесь наводку зеркал. Видишь, какие мы все худые? Это оттого, что мы отравлены ртутными парами. А посмотри-ка на наши руки. Видишь, они покрыты язвами. Это потому, что мы отравлены ртутью. Скупой Нушрок не хочет заменить оловянно-ртутную амальгаму серебром. Серебро ему дороже, чем жизнь людей!

— Нушрок — это значит Коршун! — тихонько пояснила Яло.

— Тише!.. — прошептал старый рабочий. — Он подъезжает. Не смотрите ему в глаза, девочки! Его взгляда никто не выдерживает.

На вороных лошадях в толпу въехали стражники с длинными копьями. Все торопливо расступились.

А еще через несколько секунд к мастерским подкатила сверкающая карета. Слуги распахнули дверцы, и Оля увидела выглянувшего из кареты человека, лицом похожего на коршуна. Нос у него был загнут книзу, словно клюв. Но не нос поразил ее. Девочка вздрогнула, увидев глаза Нушрока. Черные и хищные, они словно пронизывали всех насквозь. Оля заметила, что

с Нушироком никто не хочет встречаться взглядом и все смотрят в землю.

Хищные глаза министра медленно осмотрели толпу, скользнули по неподвижно лежащему мальчику и остановились на надсмотрщике.

Надсмотрщик опустил голову и снял шляпу.

— Что случилось? — пискнул человек с лицом коршуна.

Оля подумала, что голос у него такой же противный, как и глаза.

— Гурд снова не хочет работать, господин министр, — почтительно проговорил надсмотрщик, не поднимая глаз.

Гурд вдруг застонал и приподнялся, опираясь на руки.

Министр страшным, немигающим взглядом уставился на мальчика.

— Почему ты не хочешь работать?

— Господин министр,— еле слышно проговорил мальчик, — я голоден... Мне трудно работать.

— Ты лжешь! Каждый день ты получаешь хороший ломоть хлеба.

— Какой же это ломоть, господин министр? Это совсем маленький кусочек, величиной со спичечную коробку. Я отдал его своей больной матери,— тихо, но горячо говорил Гурд. Он с трудом поднялся на ноги, покачнувшись, оперся рукой о стенку.— У меня осталась только крошка хлеба... Вот она, на моей ладони. Видите? Я берег ее к вечеру.

— Ах, как изолгался народ! — покривил губы Нушрок.— Это, по-твоему, крошка? Ну-ка поднеси ее к зеркалу...

В черном развевающемся плаще Нушрок вдруг выскочил из кареты и подтолкнул мальчика к кривому зеркалу, одному из тех, которые повсюду стояли в этом странном городе.

— Подойди поближе к зеркалу! — завизжал Нушрок, брызгая слюной.— Что ты видишь в зеркале, мальчишка? Ну?

Оля увидела в зеркале толстого мальчика с огромной булкой в руке.

— В зеркале видна целая булка! — усмехнулся надсмотрщик.

— Целая булка! — вскрикнул министр.— И после этого ты говоришь, что тебе нечего есть?

Гурд внезапно выпрямился. Его усталые глаза блеснули.

— Ваши зеркала врут! — гневно проговорил он, и его щеки даже слабо порозовели.

Гурд нагнулся, подхватил с земли камень и с силой швырнул его в зеркало. С веселым звоном осколки стекла посыпались на мостовую. Толпа ахнула.

— Я рад, что разбил это кривое зеркало! Хоть одним лживым зеркалом будет меньше на свете! Вы для того и расставили по всему городу эти проклятые

зеркала, чтобы обманывать народ! Только все равно вашим зеркалам никто не верит! — выкрикивал Гурд в лицо Нушроку.

— Взять его! — завизжал Нушрок. — В Башню смерти!

Два стражника подхватили мальчика и потащили его по переулку.

— Прощай, Гурд! — крикнул кто-то. — Прощай, мальчик.

— Братья! — раздался другой голос. — Долго ли мы будем еще терпеть все это?!

Кто-то в толпе запел, и песню подхватили десятки голосов:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает.
Но знайте, наши палачи,
Все ярче правда расцветает!

Нас ждут великие дела,
Вы нашей правде, братья, верьте!
Долой кривые зеркала!
Сожжем, разрушим Башню смерти!

— Прекратить!.. — бесновался Нушрок, бегая от одного к другому.

Полы плаща, словно черные крылья, метались за его спиной.

Наклонив копыя, стражники ринулись на зеркальщики и оттеснили их в подвал.

Нушрок нырнул в карету и махнул перчаткой. Дверцы захлопнулись, лошади рванулись, и окруженная стражей карета со звоном укатила. На улице остались лишь девочки да одинокий стражник у входа в мастерскую.

— Скажите, зачем этого несчастного мальчика отвезли в башню?

Высокий стражник посмотрел на Олю сверху вниз, усмехнулся:

— Как зачем? Смешная ты девчонка. Как только королевский суд вынесет приговор, мальчишку сбросят с Башни смерти, и его тело разобьется на тысячи осколков.

Оля вскрикнула:

— А кто может отменить этот приговор?

— Только сам король. Но он никогда не отменяет приговоров своего суда.

Яло потянула Олю за рукав.

— Оставь его, Оля. Нельзя быть такой неосторожной. Еще немного, и мы попали бы с тобой в большую беду.

Оля взяла Яло за руку.

— Пойдем, Яло!

— Куда?

— Во дворец короля.

— Что-о?..

— Я не успокоюсь до тех пор, пока Гурд не будет свободен!

— Гурда больше ничто не спасет. Ты слышала, что сказал стражник?

— Все равно мы пойдем во дворец короля! Его надо спасти, Яло! Обязательно!

— Но тебя... тоже могут казнить.

— Все равно! Идем!

Яло смотрела на Олю округлившимися от изумления глазами. Яло не подозревала в ней столько решимости и бесстрашия. Ведь она, Яло, частенько видела Олю и ворчливой, и капризной, и такой ленивой, что даже становилось скучно ее отражать.

Почему же сейчас такой смелостью сверкают глаза Оли?

Читатели, конечно, догадались почему. Потому что, несмотря на свои недостатки, Оля была справедливой девочкой. И теперь она была полна только одним чувством — тревогой за жизнь увезенного мальчика.

— Пойдем! — повторила Оля.

— Что ж,— вздохнула Яло,— пойдём.

Девочки пошли по переулку.

— В этой стране так много блеска,— помолчав, сказала Оля.— Сначала мне здесь даже понравилось. Но, видно, бабушка права, когда говорит, что не все то золото, что блестит!

Глава четвертая,

В КОТОРОЙ ОЛЯ И ЯЛО ПОПАДАЮТ ВО ДВОРЦОВУЮ КУХНЮ

На небе уже искрились звезды, когда Оля и Яло добрались до королевского дворца. В залах дворца горели свечи, и его хрустальные стены и окна переливались всеми цветами радуги. За дворцовой оградой звенели фонтаны, а на деревьях сладко пели невидимые птицы.

— Как красиво! — вздохнула Оля.— Но как тяжело живется людям в этой стране!

— Вон, наверно, главный вход во дворец,— сказала Яло, показывая на решетчатые ворота.— Только нас с тобой во дворец все равно не пустят... Да я больше и не могу идти. Я сильно натерла себе ногу.

— Какую? — спросила Оля.

— Левую.

— А я правую... Как удивительно!

— Ничего удивительного нет,— проворчала Яло,— ведь я твоё отражение. И должна тебе сказать, что отражать тебя не очень-то приятно.

— Вот как? — рассердилась Оля.— В таком случае я тоже должна тебе кое-что сказать. Меня очень удивляет, что ты моё отражение, а нисколько не на меня не похожа!

— Не похожа? Чем же это? Разве тем, что я левша и родинка у меня на левой щеке, а не на правой?

— Не в родинке дело. Я заметила, что ты... не обижайся, пожалуйста, Яло... что ты труслива. Но это я простила бы тебе, если бы в твоём характере не было ещё одной черты...

— Скажите пожалуйста, она бы простила мне! Ты говоришь со мной так, будто бы я у тебя в подчинении. Хотя я и твое отражение, не забывай, что я такая же девочка, как и ты. Интересно, какая это у меня еще неприятная черта?

— Ты можешь оставить человека в беде, Яло. Неужели тебе не жалко Гурда?

Яло промолчала.

— Прости меня, Оля,— в смущении заговорила наконец Яло.— Я не понимаю, почему я такая... Мне очень хочется быть хорошей, но как я ни стараюсь, у меня ничего не получается. Ты знаешь, о чем я даже думала? О том, что эти мои недостатки — это твои недостатки. Но теперь я вижу, что ты такая добрая. Тут, верно, какая-то ошибка.

Оля почувствовала, как горячо стало ее щекам. «Бедная Яло,— подумала она,— никакой ошибки тут нет. Ты привыкла отражать мои недостатки и никак

не можешь от них избавиться. Когда заболела одна девочка из нашего класса и мы пошли навестить ее, я всю дорогу ныла, что она живет очень далеко. Я думала не о больной подруге, а только о себе самой. Вот так же, как Яло теперь!»

Оля положила руку на плечо Яло и тихо сказала:

— Знаешь, Яло, о чем я вдруг подумала, когда увидела Гурда? Я подумала, что настоящая пионерка не может заботиться только о себе, когда другие нуждаются в ее помощи.— Она порывисто протянула спутнице руку.— Давай больше никогда не будем ссориться, Яло! Я знаю, что ты хорошая девочка и непременно освободишься от своих недостатков. Нужно только по-настоящему захотеть! Я это знаю по себе...

Прихрамывая одна на левую, а другая на правую ногу, девочки подошли к дворцовым воротам. Два стражника скрестили перед ними алебарды.

— Уважаемые стражники, — вежливо сказала Оля, — нам очень, очень нужно видеть его величество короля Топседа!

— Что-о-о?..

Стражники расхохотались так громко, что девочки испуганно отскочили в сторону.

— Девчонки, кажется, рехнулись! — сказал один из них.

— А ну-ка, проваливайте подобру-поздорову! — взмахнул алебардой другой.

Девочки побрели вдоль ограды.

А дворец сверкал. Из распахнутых окон доносилась музыка и веселые голоса. Было видно, как в огромном зале кружатся танцующие пары. Должно быть, король давал во дворце бал.

— Я говорила тебе, что нам во дворец не попасть,— вздохнула Яло, со страхом оглядываясь на стражников, которые все еще громко смеялись.

Оля стиснула ей руку.

— Никогда не нужно терять надежды, Яло! Так говорил мне папа. Только раньше я как-то не задумывалась над этими словами.

— Никакой надежды больше нет. Я очень устала. У меня болит нога, и я хочу есть,— хныкала Яло.

— Давай попробуем обойти вокруг дворца и найти другой вход.

— Это значит, нам придется пройти еще несколько километров.

— Пусть даже сто километров! Мы должны сделать все, чтобы спасти Гурда! — сказала Оля и подумала: «Вот так же ныла и я, когда шла с девочками к больной подруге. Как была права бабушка, когда говорила, что мне нужно посмотреть на себя со стороны!.. И вот теперь я смотрю на себя со стороны. Какой стыд!..»

Яло начала отставать.

— Больше я не могу идти, — жалобно простонала она и села на землю.

— Яло, милая, ну потерпи еще немного!

— Не могу.

Из глаз Яло закапали слезы и зазвенели о плиты мостовой.

В это время мимо девочек проезжала какая-то подвода, покрытая блестящим брезентом. Две мужские фигуры виднелись наверху. Девочки слышали, как глуховатый голос сказал:

— Послушай, приятель, неужели король все это съест один? — и человек похлопал по брезенту рукой.

— Наш король на аппетит не жалуется,— ответил другой голос, и оба рассмеялись.

— Что это везут? — спросила Яло.

— Кажется, провизию в королевскую кухню, — ответила Оля и вдруг оживилась: — Яло, я все придумала! Скорей бежим! — Она потянула подругу за рукав.— Давай попробуем попасть во дворец на этой подводе

Прихрамывая, девочки догнали подводу, вскочили на нее и забрались под брезент. Там они нащупали несколько корзин с чем-то пушистым и мягким и влезли в одну из корзин.

Через некоторое время подвода остановилась. Девочки почувствовали, что корзину, в которой они спрятались, сняли с подводы и куда-то несут. И оттого, что потянуло горячим воздухом и запахло жареным, они поняли, что их принесли в кухню.

— Что в этой корзине? — раздался чей-то резкий голос.

— Двадцать фазанов, господин главный повар, — хрипло ответил другой. — И такие тяжелые, что оборвали нам руки!

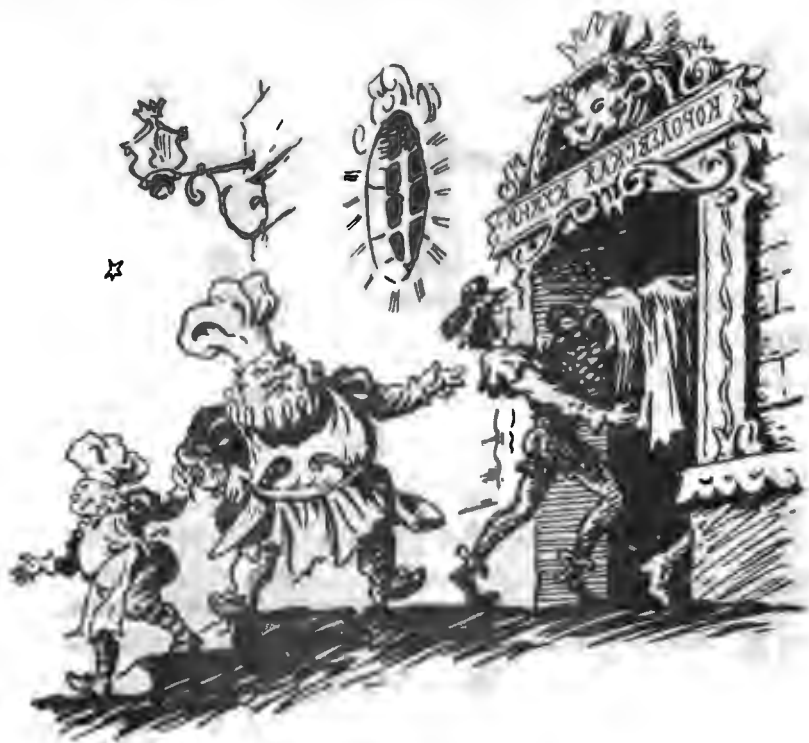

— Охота была удачная, жаловаться не приходится, — добавил кто-то.

— Поставьте корзину вот здесь у стены, — последовало приказание, и корзина стукнулась об пол.

В кухне кто-то сновал взад и вперед, звенела посуда, стучали ножи, было слышно, как на плите дребезжали крышки кастрюль и что-то шипело. Девочки не

видели, как по кухне сновали озорные поварята в халатах и белых колпаках, размахивая половниками, но зато они слышали их веселую песенку:

Аппетит у короля,
Ох, велик, тра-ля-ля!
Очень любит кушать он,
Целый день на кухне звон!

Целый день мы варим, варим,
Целый день мы жарим, жарим,
И цыпят, и поросят,
И утят, и индюшат!

И соленья и варенья
Королю на объеденье!
Ох, скорей бы, тра-ля-ля,
Разорвало короля!

— Ах вы, пострелята! — зазвучал женский смех. — Вот услышит главный повар вашу песенку — не миновать вам Башни смерти!

Мало-помалу все стихло. Издалека донесся голос:

— Тетушка Аксал!

— Да, господин главный повар, — ответил женский голос.

— Разбери фазанов, тетушка Аксал, и вынеси их на лед.

— Слушаю, господин главный повар.

— А я пошел спать.

— Спокойной ночи, господин главный повар.

Возле корзины раздались шаги, и фазаны над головами девочек зашевелились.

Глава пятая,

В КОТОРОЙ ОЛЯ И ЯЛО ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ПРИДВОРНЫХ ПАЖЕЙ

— Вот так фазаны! — изумленно воскликнула тетушка Аксал. — Клянусь всеми кривыми зеркалами королевства, я, старая кухарка, никогда не видела дичи с бантами в косах!

Перепаханные, сконфуженные девочки встали перед женщиной в белом колпаке, который горой поднимался над ее красным добродушным лицом.

— Ах вы, фазанята! Да как же вы попали в эту корзину? Недаром, видно, сказали, что охота была удачная!

— Мы... мы... — сказала Яло, облизывая пересохшие губы, — мы заблудились.

— Заблудились? — насмешливо перебила кухарка. — Однако шутки плохи. Знаете ли вы, фазанята, что вам будет за то, что вы непрошеными явились во дворец?

— Знаем.

— Они говорят «знаем» так спокойно, как будто я их спрашиваю, знают ли они свою маму.

Оля нерешительно выступила вперед.

— Вы добрая женщина. Вас, кажется, зовут тетушка Ласка?

— Тетушка Аксал, девочка.

— Это одно и то же. Ну, хорошо. Пусть будет тетушка Аксал. Дорогая тетушка Аксал, вы поймите нас... Мы пришли во дворец... Ах, у нас такое горе! Мы пришли, чтобы...

— Никогда не видела, чтобы люди ходили в корзинах,— усмехнулась кухарка.— Какое же у вас горе, фазанята?

Оля не успела ответить, потому что за стеклянными колоннами раздались чьи-то шаги и эхо звонко повторило их в огромной пустой кухне.

— Кажется, возвращается главный повар,— сказала тетушка Аксал, и ее лицо стало озабоченным.— И какая блоха его укусила? Вот что, фазанята, вам лучше не попадаться ему на глаза. Пойдемте-ка в мою каморку, а там будет видно, что делать.

По узенькой винтовой лестнице девочки поднялись вслед за тетушкой Аксал в ее крошечную комнатку, которая не блистала дорогой мебелью, но была очень опрятна и чиста.

— Вот вода и умывальная чашка. Помойтесь как следует. А в шкафчике есть что покушать. Ведь вы, наверно, голодны?

— Ужасно! — воскликнула Яло.

Кухарка ласково провела рукой по ее волосам и сказала:

— Отдыхайте, фазанята, а я скоро вернусь.

Когда тетушка Аксал снова появилась в своей комнате, девочки уже вымылись и поели. У Яло слипались глаза, и она с ожесточением терла их кулаками.

— Ну, а теперь выкладывайте-ка мне все,— сказала кухарка Оле.— Ты, я вижу, будешь покрепче сестренки. Смотри, как ее разморило. А ведь, если меня не обманывают глаза, вы близнецы?

Выслушав рассказ о мальчике Гурде, тетушка Аксал задумчиво подперла подбородок ладонями.

— Доброе у тебя сердечко, девочка,— наконец проговорила она.— Только Гурда спасти трудно. Слышала я, что его уже отвезли в Башню смерти и заковали в кандалы на самой ее вершине. Завтра король утверждает приговор суда.

— А если я очень-очень попрошу короля?

Тетушка Аксал грустно улыбнулась.

— Разве ты не знаешь, что наш король сам ничего не решает? Он подписывает то, что сочиняют министры. А министры всегда сочиняют то, что им выгодно. Они только о том и думают, как бы ту же набить золотом свои мешки да утешить людей. Ах, девочка, как хорошо все это я знаю! Ведь мой брат работает в зеркальных мастерских Нушрока, а я сама когда-то добывала рис на зеркальных болотах Абажа.

— Абаж? — удивленно приподняла брови Оля.— Это значит... Жаба?

Кухарка расхохоталась.

— Есть у нас такой министр. О, он такой же жестокий и злой, как Нушрок! Абаж владеет всеми рисовыми полями нашего королевства. Ты права, девочка: он действительно похож на толстую жабу!

— Я все-таки хотела бы, тетушка Аксал, поговорить с королем.

— Как же это сделать, девочка? — развела руками кухарка.— Даже я не имею доступа в королевские покои. Как же пройдешь туда ты? Впрочем, постой... Может быть, я что-нибудь и придумаю. А сейчас ложитесь-ка поскорее спать. Утро вечера мудренее.

Девочки очень устали и поэтому даже не заметили, что добрая тетушка Аксал уступила им свою постель,

а себе постелила на полу, на старом коврике. Они сразу уснули и не чувствовали, как старая кухарка укутывала их одеялом и ласково шептала что-то, склоняясь над ними. Оле приснились зеркальщики, Гурд и чело-
век с лицом коршуна. Во сне она снова услышала песню зеркальщиков:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает.
Но знайте, наши палачи,
Все ярче правда расцветает!

Голоса становились все громче и громче. И Олино сердце замирало от волнения.

Нас ждут великие дела,
Вы нашей правде, братья, верьте!
Долой кривые зеркала!
Сожжем, разрушим Башню смерти!

Оля проснулась первой. Тонкие солнечные лучи, словно шпаги, пронизывали стеклянные стены ком-
натки. Все сверкало вокруг. В распахнутое окно из ко-
ролевского парка доносилось пение птиц.

Тетушки Аксал в комнате уже не было. Оля потянулась, зевнула, легко соскочила с постели и вдруг рассмеялась, услышав, как мальчишки-поварята где-то внизу распевают:

Аппетит у короля,
Ох, велик, тра-ля-ля-ля!

Она быстро оделась, умыла лицо холодной водой и сразу почувствовала себя бодрой. Потом она пошла к постели и начала тормошить Яло. Брыкнув ногой и не открывая глаз, Яло проворчала:

— Отстань! Ну что ты ко мне пристаешь?!

— Яло, пора вставать!

Яло села на кровати и сердито посмотрела на Олю одним глазом.

— Какая ты противная, Оля, даже поспать не даешь!

Она долго ходила по комнате и никак не могла отыскать туфли и платье. Туфли почему-то оказались под умывальником, а платье — под кроватью.

— Скорей, Яло,— торопила ее Оля.— Сейчас придет тетушка Аксал.

— Подумаешь!..— буркнула Яло.

— И не стыдно тебе будет перед этой доброй женщиной? Посмотри, какой разгром ты устроила здесь!

— Подумаешь!

— Что за глупое слово!

— Это твое любимое слово.

— Мне противно смотреть на тебя!

Яло насмешливо фыркнула:

— Вот как! А ведь ты смотришь на самое себя.

Оля покраснела.

— Я уже... давно не такая,— потупясь, сказала она.

На винтовой лестнице раздались шаги. Тяжело дыша, в комнату вошла тетушка Аксал. В руках у нее был большой сверток.

— Ну, девочки,— проговорила она, отирая пот с красного лица,— задали же вы мне хлопот, клянусь всеми зеркалами королевства! Но не будь я тетушка Аксал, если вы сегодня же не будете говорить с королем!

Девочки тихо ахнули.

— Да, да, фазанята! — весело продолжала она.— В этом свертке костюмы придворных пажей. А пажам, как известно, дорога во дворец открыта. Ну-ка переодевайтесь!

— Мы будем пажами?! — всплеснула руками Яло.— Ты подумай, Оля, как это интересно! Ты слышишь? О чем ты задумалась, Оля?

— Мне не очень нравится эта затея,— сказала Оля, смущенно взглянув на кухарку.— Вы только не сердитесь, тетушка Аксал. Жаль, что мы доставили вам столько хлопот, но... это получается какой-то обман.

— Что ты говоришь, деточка?! Где ты видишь обман? Скажи-ка толком, а то я никак не могу понять тебя.

— Ну, вот все эти костюмы. Ведь мы обыкновенные девочки, а все будут думать, что мы эти, ну — как они называются? — пажы.

— Да какой же это обман, деточка?! Это всего-навсего маленькая хитрость. И потом, кто в нашем королевстве не врет? Может быть, ты думаешь, что не врет король или его министры? Да они самые большие вруны!

Оля передернула плечами.

— Но я не король и не министр, тетушка Аксал. Я пионерка!

— Не знаю, что означает это слово, деточка, но вижу, что тебя воспитали очень хорошие люди, — расстроганно сказала старая женщина.

— Оля, — зашептала Яло, — ты ведь любишь читать старые сказки, а ведь в этих сказках очень часто переодеваются и вообще хитрят.

Оля подумала.

— Ну, уж если я попала в старую сказку, то пожалуй... Нет, Яло, все равно это как-то ужасно некрасиво!

— Но Гурд, Оля! Мы должны спасти его!

— Гурд... — вздохнула Оля. — Да, мы должны спасти его во что бы то ни стало! Хорошо, тетушка Аксал, давайте ваши костюмы.

Глава шестая,

В КОТОРОЙ ПАЖ С РОДИНКОЙ НА ПРАВОЙ ЩЕКЕ ДАЕТ КОРОЛЮ УРОК АРИФМЕТИКИ

Два маленьких пажа в бархатных костюмах с пышно завитыми светлыми волосами вошли в пустынный зал дворца. В зале никого не было. Позвякивая сверкающими тифельками по хрустальному паркету, пажы подошли к огромному обеденному столу и стали по бокам королевского кресла.

— Неужели король будет завтракать один? За этим столом могут усесться пятьсот человек! — сказал паж с родинкой на правой щеке.

— Тсс... кто-то идет, — шепнул паж с родинкой на левой щеке. — Мне так страшно, что даже коленки подгибаются.

Из-за колонны вышел старец в парчовом камзоле и в черных чулках. Он ступал на своих тонких ногах торжественно и медленно.

— Яло, смотри, смотри, — быстро зашептал паж с родинкой на правой щеке, — это тот самый старик, которого мы встретили на городской площади возле фонтана. Помнишь, он рассердился, когда я его назвала дедушкой?

— Помню, Оля, — закивал паж с родинкой на левой щеке. — Он, кажется, назвал себя це... церемониймейстером.

Старик между тем подошел к пажам, остановился и молча осмотрел обоих. У него слегка тряслась голова.

— Послушайте, пажи, — заговорил церемониймейстер дребезжащим голосом, — вы не видели министра Абажа? Ему срочная депеша.

— Я... я не видела, — пробормотала Оля.

— Я тоже, — замотала головой Яло.

— Пажи должны все знать! — недовольно сказал старик. — Погодите, погодите, я вас никогда не видел во дворце. Вы новые пажи его величества?

— Да, новые, — пролепетала Яло, сжимаясь от страха.

— Кто же вас сюда поставил?

— Нас? — растерянно спросила Оля.

— Да, да, вас. Так кто же?

— Вы! — вдруг выпалила Яло.

Это было так неожиданно, что Оля прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Я?!

— Совершенно правильно, вы, господин церемониймейстер, — кивнула Яло.

— Хм... не помню. Какая отвратительная стала у меня память! Хм, ну конечно, это я вас поставил! Что же вы спорите?

— Мы не спорим.

— Молчать! — взвизгнул церемониймейстер и, услышав, как где-то мелодично начали бить дворцовые часы, закричал: — Главный повар! Главный повар!

Откуда-то выскочил маленький толстенький человек.

— Его величество сейчас должен завтракать. Что приготовлено на завтрак его величеству?

— Господин церемониймейстер, на завтрак его величеству королю Топседу Седьмому приготовлены три жареных кабана, пятнадцать копченых индеек, десять маринованных осетров, двести яиц всмятку, двадцать фаршированных фазанов, тридцать жареных уток, сто печеных яблок, пятьдесят килограммов винограда, полтонны мороженого и десять ящиков заморского вина.

— Это все?

— Все, господин церемониймейстер...

— Вы с ума сошли! Его величество останется голодным! Прибавьте еще что-нибудь!

В зале замелькали бесшумные слуги, уставляя стол яствами. Церемониймейстер ушел, вероятно, чтобы встретить короля. И в это время в зал вошли два человека.

— Нушрок! — с ужасом шепнула Яло.

Главный министр шел в своем черном плаще, из-под которого виднелся кончик шпаги. Рядом с ним двигалось что-то шарообразное. Это был толстый и словно бы состоящий из двух шаров человек, одетый в зеленый костюм, расшитый золотом. Большой шар был туловищем с четырьмя конечностями, а маленький шар — лысая голова с пухлым лицом. Выпуклые зеленоватые прищуренные глаза его прикрывали темные и сморщенные, как у жабы, веки. Но когда он медленно поднимал их и широко открывал глаза, в них можно было увидеть ум и хитрость. И тогда казалось, что он вот-вот сделает молниеносный прыжок, словно жаба, высмотревшая на листке зазевавшуюся муху. Он посмотрел на стол, потом на Нушрока и сказал рокочущим грудным голосом:

— Король пригласил нас на совещание по какому-то важному государственному делу, а сам, оказывается, еще не завтракал. Послушайте, главный министр, не смотрите на меня! Вы же знаете, что я не переносу вашего взгляда.

— Никто не переносит моего взгляда, Абаж! — усмехнулся Нушрок.

— Вы очень любите хвастаться своими глазами, главный министр, — раздраженно пророкотал человек-жаба. — Не лучше ли нам поговорить о деле? Не кажется ли вам, что кривые зеркала перестали действовать на наш народ?

— Да, кажется, министр Абаж. Вчера мальчишка зеркальщик даже разбил одно кривое зеркало!

— Жители королевства обнаглели, Нушрок! Чтобы держать народ в повиновении, пришло время почаще прибегать к устрашению.— Абаж вынул из кармана большой ключ.— Вот что нужно нашему народу!

Черные глаза Нушрока сверкнули.

— Что это? Ключ?

— Да, ключ от цепей для моих сеятелей риса. На моих болотах стало очень беспокойно, Нушрок, и я приказал сделать цепи и замок по вашему образцу.

Нушрок внимательно рассматривал ключ.

— Да, он действительно совершенно такой же, как ключ от цепей на Башне смерти. Это мое изобретение, Абаж! — с достоинством проговорил главный министр.

— Это ваше лучшее изобретение, Нушрок! Башня смерти известна всему королевству.

— Плохо только то, Абаж, что теперь есть второй ключ, которым можно отпирать цепи на Башне смерти.

— Пусть это вас не беспокоит, Нушрок. Мой ключ всегда находится при мне, а ваш висит над тронном короля.

— Все равно мне не нравится, Абаж, что в королевстве есть второй ключ,— сухо сказал Нушрок.

Оля и Яло настороженно прислушивались к разговору министров.

— Ты слышала? — шепнула Оля.— Один ключ висит над тронном короля.

— Слышала,— едва шевельнула губами Яло.

Из-за колонн снова вышел церемониймейстер и, вытягивая шею, торжественно объявил:

— Его величество Топсед Седьмой!

Где-то зазвучали фанфары, и все склонили головы. Окруженный свитой, к столу приближался Топсед Седьмой.

Король не торопился завтракать. Его короткие ножки медленно шаркали по полу. Он шел, опустив приплюснутую голову на темно-зеленый, усыпанный

драгоценностями камзол. Толстые, растянутые почти до самых ушей губы Топседа Седьмого шевелились, как будто он разговаривал сам с собой. И, словно в такт своим мыслям, он то и дело взмахивал короткой ручкой с пухлыми маленькими пальцами. Низенький уродец шел неуклюже покачиваясь: слабым ножкам трудно было нести тяжелое тело.

У своего кресла король остановился и поднял голову. У него были бесцветные, ничего не выражающие рыбы глаза.

— На ста площадях по сто зеркал,— сказал Топсед Седьмой.— Сколько же это будет всего зеркал?

Все вокруг почтительно замерли, и король начал по очереди опрашивать своих придворных.

— Вы знаете?

— Запомню, ваше величество. Мне в детстве трудно давалась арифметика.

— А вы?

— Двести зеркал, ваше величество.

— Дурак! А сколько по-вашему?

— Триста, ваше величество.

— Тоже дурак! А что думаете вы?

— Триста пятьдесят, ваше величество.

— Почему триста пятьдесят?

— Я думаю, что если триста неправильно, ваше величество, то, может быть, будет правильно три с половиной сотни.

— Вы дурак с половиной!

— Хи-хи-хи! — захихикал придворный.— Вы так остроумны, ваше величество!

— А сколько будет по-вашему, церемониймейстер?

— Три, ваше величество.

— Почему три?

— Ваше величество, простите меня. Когда я был маленьким, меня уронила няня, я ударился головой о паркет...

— Но ведь голова цела? — спросил король.

— Кажется, цела, ваше величество. Но с тех пор я могу считать только до трех.

— Гм... Это забавно. Сколько будет два и два?

— Три, ваше величество.

— А от пяти отнять один?

— Три, ваше величество.

— Гм... Вы, кажется, самый большой дурак во всем королевстве.

— Совершенно правильно, ваше величество!

Король в глубокой задумчивости пожевал губами, рассеянно сбросил мантию на руки пажу с родинкой на правой щеке и передал шпагу пажу с родинкой на левой щеке. Затем он со вздохом опустился в кресло. Но ел король мало: мысли его были заняты решением сложной задачи.

— На ста площадях сто зеркал! — раздраженно сказал король, бросая на стол салфетку. — Кто же мне скажет наконец, сколько будет всего зеркал?

Оля слышала, как Нушрок прошептал, наклоняясь к Абажу:

— Может быть, сказать ему?

— Зачем? — таким же шепотом ответил Абаж. — Пусть занимается своими глупыми подсчетами и поменьше вмешивается в наши дела.

Король поднялся и потряс над головой руками:

— Кто мне скажет?

— Десять тысяч, — раздался тонкий голосок.

Все удивленно огляделись по сторонам.

— Кто это сказал? — спросил король.

— Я...

Все глаза устремились на пажа с родинкой на правой щеке.

— Клянусь красотой своего отражения, — сказал король, — я впервые слышу, чтобы мальчишка решал такие трудные задачи.

— Но это совсем нетрудная задача.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверена... то есть уверен!

— Глупости! — поморщился король. — Это очень трудная задача, и я не сомневаюсь, что ты решил ее неправильно. Ведь надо было сложить все сотни, а у тебя на это не было времени.

— Я не складывал сотни. Я просто умножил сто на сто.

— Вот как! Но ведь умножение еще труднее сложения.

— Ничуть! В этом случае к сотне надо прибавить два ноля. Если бы вы мне дали бумагу и карандаш, я мигом показал бы вам, как это делается.

— Эй, слуги! Дайте карандаш и бумагу моему пажу! — хлопнул в ладоши король. — Слушай, мальчишка, если ты лжешь, я велю тебя высечь стеклянными розгами!

— Я думаю, вам не придется утруждать себя таким неприятным приказанием. Сейчас я решу эту задачу. Пусть только кто-нибудь подержит это пальто.

— Какое пальто? — В глазах короля мелькнуло недоумение.

— Ну, вот это, которое вы сбросили мне на руки со своих... королевских плеч.

— Ах, мантию, — снисходительно усмехнулся король. — Слушай, паж, ты говоришь на каком-то странном наречии. Эй, примите кто-нибудь королевскую мантию у пажа!

Король и паж, отодвинув тарелки, склонились над столом. Разогнулись они не скоро, когда члены королевской свиты уже устало дремали, прислонившись к колоннам, а церемониймейстер всхрапывал так зычно, что можно было подумать, будто в зале ржет лошадь. Только Нушрок и Абаж бодрствовали. Они сидели в конце стола и о чем-то горячо спорили.

Лицо Топседа Седьмого сияло.

— Прекрасно! Превосходно! — запищал он, возбужденный открытием. — Поразительно! Это действительно очень просто! Теперь я могу умножать любые числа. Эй, послушайте!..

Со всех концов зала, протирая глаза, к королю спешили придворные.

— Слушайте, вы! — кричал Топсед. — Знаете ли вы, сколько будет, если умножить... если умножить... ну, хотя бы сто семнадцать на двести четырнадцать?

Придворные безмолвствовали.

— Молчите? А я, ваш король, знаю! Будет одиннадцать тысяч семьсот!

— Гражданин король, — зашептал паж с родинкой на правой щеке на ухо королю. — Вы решили эту задачу неправильно.

Король заморгал рыбьими глазами.

— Что-о? Какой гражданин?

— Простите, я хотела... я хотел сказать... ваше величество, что вы решили задачу неправильно.

— Как неправильно? Я велю тебя высечь! Ты мне сам только что говорил, что к умножаемому нужно прибавить два ноля!

— Ваше величество, — упавшим голосом проговорил паж, — я три часа объяснял вам, что к умножаемому нужно прибавлять ноли в том случае, когда оно умножается на десять, на сто, на тысячу и так далее.

— Гм...

— Я готов повторить урок вашему величеству.

— Хорошо, — зевнул король, — только, пожалуй, после обеда. Ты действительно великий математик. Я подпишу королевский указ о назначении тебя... Как тебя зовут?

— Оля.

— Что-о?

— Его зовут Коля, ваше величество, — быстро заговорил паж с родинкой на левой щеке. — Уж вы, пожалуйста, извините его, видно, он так устал от математики, что стал заговариваться.

— А как зовут тебя, паж?

— Меня зовут Ялок, ваше величество.

— И ты тоже математик?

Въ то время, когда въ Москвѣ, въ Кремлѣ, въ
дворцѣ, въ царскихъ палатахъ, въ
дворцѣ, въ царскихъ палатахъ, въ
дворцѣ, въ царскихъ палатахъ, въ

— Да, ваше величество,— важно кивнул головой паж с родинкой на левой щеке. Но тут же спохватился.— Коля все-таки посильнее меня, ваше величество. Мы с ним братья и частенько вместе решаем задачи.

— Эй, слушайте все! — сказал король.— Я назначаю Колю главным математиком королевства, а его помощником будет Ялок.

Король собирался еще что-то сказать, но в эту минуту в зал вошел слуга с подносом и доложил:

— Депеша главному министру!

Сонный церемониймейстер вдруг схватился за голову:

— Господин Абаж, простите меня! Совсем забыл: вам тоже срочная депеша с ваших рисовых полей... Ах, какая память! — Он вынул из-за обшлага депешу и дрожащей рукой протянул Абажу.

Оля видела, что оба министра впились в поданные им бумажки.

— Ваше величество! — высоким, срывающимся голосом вскрикнул Нушрок.— Зеркальщики подняли бунт, избили надсмотрщика!.. Ваше величество, обстоятельства вынуждают меня срочно покинуть дворец.

Оля и Яло многозначительно и радостно переглянулись.

— Ваше величество,— зарокотал Абаж,— мои сеятели риса не вышли на работу! Они требуют хлеба!

Король пожевал губами и сказал глубокомысленно:

— Дайте вашим рабочим побольше кривых зеркал, и они успокоятся.

Абаж повысил голос:

— Ваше величество, нам нужны не зеркала, а солдаты!

Оба министра поклонились и вышли из зала. В наступившей тишине было слышно, как стучат по паркету их каблуки.

— И пусть уходят,— сказал король,— терпеть не могу моих министров!.. Коля и Ялок, я повелеваю вам обоим пойти в тронный зал. Я хочу вас посвятить в одно важное государственное дело.

Глава седьмая,
В КОТОРОЙ КОРОЛЬ ПОСВЯЩАЕТ ПАЖЕЙ
В «ОДНО ВАЖНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДЕЛО»

Золоченый трон был усыпан драгоценностями. Но не эти сверкающие камешки привлекли внимание Оли и Яло. Большой ключ висел над троном. Ключ от кандалов Гурда!

— Дело в том,— сказал король, поудобнее усаживаясь на троне,— дело в том, что никто не знает, сколько зеркал насчитывается в моем королевстве. Сегодня ты, мой паж, помог мне решить одну часть задачи. В моем королевстве сто площадей, и теперь я знаю, что они украшены десятью тысячами зеркал. Но ведь зеркала имеются не только на площадях — они во дворце, и на улицах, и в домах моих подданных. Каждый король должен чем-нибудь прославить и обессмертить свое имя. Постигаешь ли ты, паж, какую величественную задачу я призван решить? Потомки будут гордиться Топседом Седьмым, впервые в истории подсчитавшим все зеркала королевства! Готов ли ты принять участие в решении этой великой задачи?

Паж с родинкой на правой щеке смотрел на короля, с трудом удерживая улыбку.

— Я велю сегодня же отвести тебе и Ялоку лучшие покои во дворце,— продолжал Топсед.— Я назначу вам жалованье, как высшим придворным чинам.

Паж с родинкой на левой щеке хитро взглянул на другого пажа и сказал:

— А можно ли, ваше величество, чтобы жалованье нам платили шоколадом?

— Чем? — удивленно посмотрел король.

— Шоколадом, ваше величество.

— Гм... Ну, разумеется, сколько угодно шоколада, сколько угодно конфет, пирожных, мороженого и прочих сладостей.

Паж с родинкой на левой щеке незаметно толкнул ногой другого пажа и шепнул:

— Соглашайся, Оля. Ты ведь любишь сладкое!

Оля сердито оттолкнула подругу.

— Я считаю, ваше величество...— начала она.

Но Яло перебила ее:

— Ваше величество, вы предлагаете нам очень важное дело. Позвольте поэтому, прежде чем дать ответ, посоветоваться нам с братом.

— Да,— сказал король.

Яло отвела Олю в сторону:

— Что ты хотела сказать королю, Оля?

— Что я считаю его предложение глупым занятием, Яло! Лучше бы он подумал, как облегчить жизнь зеркальщикам.

— Если ты так скажешь, он прикажет заковать нас в кандалы.

— Но это на самом деле глупое занятие, Яло! Не могу же я кривить душой!

Яло качнула головой:

— Ты корчишь из себя такую честную девочку, как будто никогда в жизни не говорила неправды.

— Да, я никогда не говорила неправды, Яло!

— Ой, так ли? Я очень хорошо помню, как однажды ты читала сказки. А когда к тебе подходила бабушка, ты прикрывала сказки учебником географии и делала вид, что учишь урок.

Оля так сильно покраснела, что на ее глазах выступили слезинки.

— Так действительно было, Яло,— чуть слышно сказала она.— И мне очень стыдно, что я поступала так нехорошо.

— Что-то больно быстро ты исправилась,— проворчала Яло.

Оля вспыхнула:

— Уж не думаешь ли ты, что я исправилась оттого, что попала в это противное королевство? Если бы не Гурд, я ни на одну минуточку не осталась бы здесь.

— Странно, как только ты переступила раму волшебного зеркала, ты стала совсем другая.

— Потому что я посмотрела на тебя и...

— То есть ты хочешь сказать, что посмотрела на самое себя?

— Ну, пусть посмотрела на себя!.. И оттого, что я смотрю на тебя, то есть на себя, мне делается так стыдно.

— Но как же нам спасти Гурда? — задумчиво сказала Яло.

— Эй, пажи! — услышали они голос Топседа. — Вы что-то очень долго совещаетесь.

— Я приму предложение вашего величества при одном условии, — сказал паж с родинкой на правой щеке.

— Гм... ты осмеливаешься ставить мне условия?

— Совсем маленькое условие, ваше величество, и оно вам ничего не будет стоить.

— Я слушаю тебя, паж.

— В Башне смерти заключен маленький зеркальщик по имени Гурд. Завтра утром его должны казнить. Я прошу, ваше величество, помиловать этого мальчика.

Топсед Седьмой вскочил. В его рыбьих глазах сверкнула ярость.

— Ты вмешиваешься не в свои дела, паж! — махнул он короткой ручкой. — Я не могу миловать преступников по твоей прихоти. Я много их казнил! И я презираю всех этих зеркальщиков!

— Какой же он преступник, ваше величество? Он слабый, измученный мальчик!

— Не знаю! Такие пустяки меня не интересуют! Я верю тому, что мне докладывает министр Нушрок.

Оля, вспомнив, что говорила тетушка Аксал, горячо сказала:

— Я слышала, что Нушрок заботится только о том, как бы побольше притеснить народ да потуже набить золотом свои мешки! Нушрок — хозяин зеркальных мастерских, ваше величество, и в то же время министр. Вот он и придумывает такие законы, которые ему выгодны.

Король подозрительно взглянул на паж:

— Гм... Где ты все это слышал? А скажи-ка мне, паж, как называется город, в котором ты воспитывался?

— Этот город называется...— Олины щеки порозовели от волнения.— О, это замечательный город, ваше величество!

Лицо короля исказила гримаса злости, он спрыгнул на паркет и, покачиваясь, словно утка, забегал по тронному залу.

— Я объявляю войну вашему городу! А? Я очень люблю воевать, паж!

Увидев улыбку в глазах пажа, король вдруг остановился:

— Чему ты улыбаешься, паж?

— Я вспомнил одну басню, ваше величество.

— Какая басня? Я не знаю никаких басен!

— В этой басне рассказывается про слона и моську, ваше величество.

— И что же?

— Однажды по улице шел слон, и вдруг на него набросилась моська...

— Какая храбрая моська!

— Но слон все шел и шел и не обращал внимания, как она тявкает.

— Глупая собака, надо было укунить слона!

— Но тогда слон просто раздавил бы ее, ваше величество.

— Не понимаю, зачем ты мне болтаешь о собаках, паж, когда я говорю о войне. Война приносит славу и добычу!

— Война приносит горе и разорение! Все люди, кроме очень плохих, хотят жить в мире!

— Я обязательно объявлю войну вашему городу! — еще громче закричал король.

— Но это будет война моськи со слоном! — сердито сказала Оля.

— Как? Ничего не понимаю!

Но тут в спор вмешалась Яло:

— Ваше величество, мы отвлеклись от главного...
От зеркала.

Король заковылял к трону, грузно плюхнулся на него и заболтал в воздухе ножками.

— Я не намерен принять твое условие, паж.

Паж с родинкой на правой щеке задумался.

— Тогда, может быть, я могу просить ваше величество отложить казнь на несколько дней?

— Гм... Это все равно не спасет твоего зеркальщика. Впрочем, пусть будет по-твоему. Я готов отложить казнь на неделю. Он все равно умрет от жажды и голода. Итак, начинайте подсчет зеркал. Если хотите, можете взять для разездов по королевству одну из моих карет.

— Вы очень добры, ваше величество.

Король снисходительно потрепал пажей по щекам. Так как его руки были слишком коротки, ему пришлось подняться для этого на цыпочки.

— Какие вы, однако, симпатичные мальчишки! Вы, должно быть, ужасные лунишки и жулики! Я очень люблю таких мальчишек! Но, может, вы думаете, что вы красивее меня? А? Я по глазам читаю ваши мысли! А ну, пойдите-ка сюда! — Король подвел пажей к огромному вогнутому зеркалу.

Из зеркала на девочек смотрел преображенный король, а рядом с ним стояли два уroda в костюмах пажей.

— Ну, что скажете? — рассмеялся Топсед. — А теперь ступайте и никогда не думайте дурно о своем короле.

Оля и Яло двинулись к дверям.

— Одну минуту, — остановил их король. — Пока вы будете заниматься подсчетом зеркал, я бы хотел предаться своему любимому занятию. Цифры — моя страсть. Нет ли у тебя, паж, какой-нибудь не известной мне задачки? Только я хотел бы что-нибудь такое... в пределах двух десятков. Мне предстоят серьезные государственные дела, и я не могу утомляться.

— Пожалуйста, ваше величество,— подумав с мину-
ту, сказал паж с родинкой на правой щеке.— Один
глупец два дня считал и все никак не мог сосчитать
восемнадцать зеркал...

— Постой,— перебил король и подозрительно поко-
сился на пажа.— Зеркала считаю я! Почему же ты
сказал «глупец»?

— Ах, это просто так говорится в задаче, ваше ве-
личество. Но, если это вам не нравится, я могу глупца
заменить мудрецом. Итак, один мудрец два дня счи-
тал восемнадцать зеркал. В первый день он подсчитал
в два раза меньше, чем во второй. Спрашивается,
сколько зеркал он сосчитал в первый день и сколько
во второй? Записали, ваше величество?

— Да, очень любопытная задача... А теперь ступай-
те и требуйте все, что вам необходимо, у своих слуг.

— Нам не нужны слуги. Но, если вы разрешите, ва-
ше величество, мы просили бы, чтобы с нами была
кухарка вашей королевской кухни — тетушка Аксал.

— Никогда не слышал о такой. Не понимаю, зачем
вам нужна грязная кухарка? Но уж если хотите, пусть
так и будет.

...Вечером, когда девочки ужинали, тетушка Аксал с
тревогой сказала Оле:

— Ты что-то совсем ничего не ешь. Уж не заболела
ли ты, девочка? Посмотри, с каким аппетитом ест
твоя сестра.

— Я уже сыта, тетушка Аксал. А все, что лежит на
этом блюде, я возьму для Гурда. Он такой больной и
худенький!

— Милая моя, вот почему ты не ешь! — всплеснула
руками тетушка Аксал.— Уж не думаешь ли, что коро-
лю нечем будет позавтракать, если я возьму из кладо-
вой кое-что для мальчика? Клянусь всеми зеркалами
королевства, наш Топсед скоро лопнет от обжорства.
Сейчас же ешь! Слышишь? Ну, то-то!.. А когда вы от-
правитесь в Башню смерти?

— Сегодня же ночью... Только пропустит ли нас стражник?

— Ну еще бы! Ведь вы же королевские пажи.

— Пусть только попробует не пропустить,— сказала совсем расхраб्रившаяся Яло.— Я его так разделаю!..

Оля удивленно посмотрела на Яло, усмехнулась и покачала головой.

Глава восьмая, в которой оля и яло проникают в башню смерти

Глубокой ночью, наполняя умолкнувший город звоном, по улице промчалась карета, запряженная четверкой лошадей. Миновав окраину, она подкатила к огромной башне, темный силуэт которой вздымался над городом и исчезал где-то в облаках.

Из кареты выскочили две небольшие фигурки. Навстречу им из темноты вышел рослый стражник.

— Именем короля! — крикнул он, взмахивая алебардой.— Здесь запрещено ходить и ездить!

— Подумаешь!.. — раздалось в ответ.— Если бы ты и умом был так же велик, как ростом, ты бы давно понял бы, что перед тобой пажи его величества.

— Простите, господа королевские пажи! — испуганно забормотал стражник.— Кругом такая темень, что и мать родную не узнаешь. Одно мгновение, я сейчас засвечу факел.

Сгибаясь так, что тело его начало походить на букву «Г», стражник открыл перед Олей и Яло тяжелую дверь.

— В нашем глухом месте редко приходится видеть таких высокопоставленных особ. Только главный министр его королевского величества Нушрок и посещает нас,— продолжал оправдываться стражник.

— Пожалуйста, не кланяйтесь нам так низко,— сказала стражнику Оля.— А Нушрок часто бывает у вас?

— Присутствует при каждой казни.

— Зачем? Неужели ему интересно... это видеть?

— Да неужели вы не знаете? — Стражник огляделся по сторонам и понизил голос. — Он всегда сам последнюю команду подает... Весь трясется, глаза наливаются кровью. Известно, коршунская порода... А иной раз только смотрит на заключенного, и тот сам прыгает с башни. Вы-то небось лучше меня знаете, что его взгляда никто не выдерживает.

Девочки молча переглянулись.

— Скорее наверх! — шепнула Оля и протянула Яло руку.

Ступени винтовой лестницы гулко зазвенели под их ногами. Через полминуты они очутились в полной темноте.

— Мне страшно, Оля, — зашептала Яло. — Давай вернемся.

— Вперед, Яло, вперед!

Лестница круто уходила вверх. Вспугнутые шумом шагов и светом факела, во мраке заматались летучие мыши, наполняя воздух трепетом и шуршанием. Некоторые мыши проносились так близко, что задевали девочек своими невидимыми скользкими крыльями.

— Олечка, милая, вернемся!

— Ни за что!

— Я так боюсь темноты... Оля, ведь ты тоже боялась ходить по темной лестнице.

— Вперед, Яло, вперед!

В темноте блеснули и скрылись два зеленоватых глаза, кто-то дико захохотал и заплакал, и бесконечное эхо полетело по пролетам лестницы, повторяя эти страшные звуки.

— Кто это, Олечка?

— Наверно, сова, Яло. Мне тоже страшно. Очень страшно, Яло!.. Но мы должны идти! Мы должны спасти Гурда!

Гулко звенит лестница. Сколько ступеней осталось позади? Быть может, сто? А может быть, и тысяча... А вокруг свист и шелест невидимых крыльев, дикий хохот и тяжкие стоны.

— Хочешь, Яло, я расскажу тебе что-нибудь, чтобы нам не было страшно?

— Да, Олечка, расскажи, пожалуйста.

— Слушай... Однажды на сборе нашего отряда... Ох, мне кажется, что это было так давно, Яло! Мы беседовали о том, каким должен быть пионер. К нам на сбор пришел один старый человек. У него были совсем седые волосы, а лицо веселое и ласковое. Всю свою жизнь этот человек боролся, Яло, за счастье простого народа. Враги хотели убить его — и не могли. Его заковывали в кандалы, но он бежал из тюрем. Ему было очень трудно, но он шел к своей цели. И он нам сказал, что у каждого человека должна быть в жизни высокая цель. И к этой цели надо всегда стремиться, Яло, как бы ни было трудно! И потом, когда этот человек ушел, мы сочинили песенку о нашем отрядном флажке.

И Оля негромко запела:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперед, вперед!» — дала наказ
Любимая страна!

И копь отряд пошел в поход,
Не отставай, дружок,
Ведь нас всегда вперед ведет
Отрядный наш флажок!

Он, словно зорька поутру,
Горит над головой,
Он гордо реет на ветру
И манит за собой.

И сердце бьется горячей
У каждого в груди,
И мы шагаем веселей,—
Ведь флаг наш впереди!

IN THE YEAR 1848, a small party of explorers, consisting of a
man, a woman, and a child, were exploring the interior of the
Great Pyramid of Giza, when they discovered a secret passage
leading to a vast, underground chamber. In the center of the
chamber stood a large, circular, cross-like symbol, which was
the key to the treasure hidden within. The explorers were
about to enter the chamber when they were discovered by a
guard, who was a large, scaly creature, possibly a dragon or a
giant lizard. The guard was angry and tried to attack them, but
they managed to escape. The explorers returned to the surface and
told their story, but no one believed them. They were
discovered by a guard, who was a large, scaly creature, possibly a
dragon or a giant lizard. The guard was angry and tried to attack
them, but they managed to escape. The explorers returned to the
surface and told their story, but no one believed them.

Как наши деды и отцы,
Идем за рядом ряд.
Нам каждый скажет: «Молодцы,
Хороший ваш отряд!»

А если трудный час придет,
Не унывай, дружок!
Пусть тьма, пусть ночь,— шагай вперед
И помни наш флажок!

Оля пела все увереннее и звонче, и Яло начала робко вторить ей. С каждой секундой голоса их крепили, и веселое эхо понесло эту песню во все уголки башни.

— Как хорошо, Олечка! «Пусть тьма, пусть ночь,— шагай вперед!..» Мне совсем не страшно, Олечка!

— Мне тоже, Яло, не страшно! Мне уже совсем не страшно!

Как будто испугавшись песни, умолкла сова, забились в щели летучие мыши. Откуда-то вдруг потянуло ветерком, и над головами девочек блеснули звезды. Оля и Яло вышли на крышу Башни смерти. Рядом с ее вершиной проплывало легкое белое облако. Далеко внизу спал стеклянный город. Крохотные домики искрились в лунном свете.

Девочки оглядели площадку крыши и вскрикнули: в центре площадки лицом к звездам лежал закованный в кандалы мальчик. Оля и Яло бросились к нему, опустились на колени, склонились к его лицу, силясь услышать дыхание мальчика. Лицо и руки Гурда были холодные.

— Мы опоздали, Оля,— прошептала Яло.

Оля, не отвечая, торопливо открыла стеклянную фляжку и брызнула на лицо мальчика водой. У Гурда слабо дрогнули веки.

— Яло! Скорей! Подержи его голову.

Стеклянная фляжка застучала о зубы мальчика. Он сделал судорожный глоток и застонал.

— Гурд, милый, открой глаза... Ты слышишь нас?

— Гурд!

Не открывая глаз, мальчик едва слышно спросил:

— Вы пришли казнить меня?
— Мы твои друзья, Гурд!
— Это мне снится,— прошептал Гурд.— Не уходите только... Снитесь мне еще.

— Мы спасем тебя! Обязательно спасем, Гурд!

Мальчик с трудом открыл глаза:

— Кто вы?

— Нас зовут Оля и Яло. Только ты, пожалуйста, ни о чем не спрашивай нас сейчас. Ты очень слаб.

— Вы уйдете?

— Но мы непременно вернемся за тобой. Мы спасем тебя. Ты должен немного окрепнуть. В этом пакете пища для тебя.

Далеко-далеко на востоке посветлело небо. Девочки поднялись:

— До свидания, милый Гурд!

— Не уходите...

— Мы вернемся, Гурд!

— Я буду вас ждать,— прошептал мальчик.

Оля и Яло сбежали по лестнице. Они больше не замечали летучих мышей, не слышали хохота и стога сов.

Стражник снял перед ними шляпу. Девочки растолкали уснувшего кучера, и Оля крикнула:

— Во дворец!

Звения сбруей, лошади помчались по дороге.

Через час, укладывая девочек спать, тетушка Аксал ласково ворчала:

— Ах, фазанята, и откуда у вас столько смелости, добрые вы мои девочки! Все сердце у меня исстрадалось, пока я вас дождалась.

Оля устало потянулась в постели и, уже засыпая, проговорила:

— Тетушка Аксал... там у меня в кармане кусочек замазки. Я сняла слепок, как вы учили, с замка на кандалах Гурда. Пусть же ваш брат, тот, что работает в зеркальных мастерских, сделает ключ. Не забудьте, тетушка Аксал!

Глава девятая,

В КОТОРОЙ ОЛЯ И ЯЛО СЛЫШАТ РАЗГОВОР КОРОЛЯ С НУШРОКОМ

Поздно утром тетушка Аксал разбудила девочек:

— Король, наверно, скоро захочет узнать, сколько вы насчитали зеркал, фазанята. А мне нужно успеть еще завить вам волосы.

— Мы сейчас встанем, тетушка Аксал! — сказала Оля, чувствуя, что никак не может открыть глаза. — Ох, как мне хочется спать!

— Еще бы, не спали целую ночь!

— Еще несколько секундочек, тетушка Аксал, — умоляюще протянула Оля и вдруг рывком вскочила с постели, взметнув над собой одеяло, и рассмеялась: — Ну, вот и я! Доброе утро!

Она, улыбаясь, попрыгала по комнате, чтобы совсем прогнать сон, но ее глаза сейчас же стали озабоченными.

— Вы чем-то расстроены, тетушка Аксал?

— Нет, нет, ничего, девочка.

Яло поднялась вялая и ворчливая. Когда тетушка Аксал завивала ей волосы, она дергалась и вскрикивала: «Больно!» — а на лице у доброй женщины от волнения выступали красные пятна.

Оля поморщилась.

— Тетушка Аксал, пожалуйста, не обращайтесь на нее внимания, потому что на самом деле ей нисколько не больно.

— Откуда ты знаешь? — проворчала Яло.

— Уж я-то знаю!.. — вздохнула Оля и внимательно посмотрела на кухарку. — Тетушка Аксал, почему вы ничего не говорите нам о ключе? Сделал ли ваш брат ключ для замка на кандалах Гурда?

— Ох, девочки! — горестно покачала головой тетушка Аксал. — Не знаю, что вам и сказать. Ключа нет.

Зеркальные мастерские оцеплены королевскими войсками.

Девочки испуганно вскрикнули.

— Что же делать? —

Оля сжала руками голову и почувствовала, как у нее на висках под ладонями громко застучала кровь: «Тук-тук!.. Тук-тук!..»

— Гурд погибнет, тетушка Аксал!.. — прошептала Яло.

— Нет! — вдруг сказала Оля. — Он не погибнет! Мы возьмем ключ, который висит над тронном короля.

Наскоро позавтракав, девочки отправились в тронный зал. Топсед Седьмой сидел на троне, заваленном бумагами. Белые листы бумаги валялись и на полу. Все они были испещрены цифрами. Лицо короля было мрачным.

— Я все-таки решу эту задачу, если в ней нет какого-нибудь подвоха. — Он рассеянно посмотрел на вошедших пажей. — Послушай, паж, может быть, в этой задаче тоже нужно прибавлять к числам ноли?

— О нет, ваше величество.

— Хорошо, только не подсказывай мне решение. Я до всего люблю доходить сам, своим умом. Итак, один глупец два дня считал восемнадцать зеркал...

— Мы условились называть глупца мудрецом, ваше величество, — поправила Оля.

— Нет, паж, обдумав все, я пришел к выводу, что глупец все-таки должен быть глупцом. Ведь задачу решаю я, король! А всякий король — мудрец! Не могу же я допустить того, что в моем королевстве будет еще один какой-то мудрец!

— Значит, глупец считает, а мудрец решает, ваше величество?

— Вот именно, паж.

— Но позвольте, ваше величество, пристало ли вам решать то, что считает глупец?

— Гм... Пожалуй, ты прав. Давай снова заменим глупца мудрецом.

— Значит, мудрец считает, а глупец решает?

— Совершенно правильно: мудрец считает, а глупец решает. Постой, здесь тоже что-то не так.— Король сосредоточенно потер пальцем переносицу.— Это надо как следует обдумать. Отложим временно задачу. Вы уже начали подсчитывать зеркала?

— Да, ваше величество.

— И много вы уже насчитали?

— Много ли? — переспросила Яло и быстро добавила: — Четыреста восемнадцать тысяч семьсот двадцать девять.

— Молодцы! — Король приподнялся и потер руки.— Продолжайте свой благородный труд, мои пажи.

В дверях показался слуга.

— Ваше величество, вас хочет видеть главный министр,— объявил он, низко кланяясь.

— Пусть войдет,— сказал король, и на лице его появилась скука.

Девочки снова увидели Нушрока. Как и раньше, Оля сжалась под его взглядом, чувствуя, как всю ее охватывает омерзение и страх. «Какие отвратительные глаза,— подумала она,— и этот крючковатый нос, похожий на клюв!»

В черном, поблескивающем костюме Нушрок твердыми шагами подошел к королю и чуть склонил голову.

— Что привело вас во дворец, мой министр, в такое необычное время? — спросил Топсед Седьмой, зевая и болтая ножками.

— Ваше величество,— пискнул Нушрок,— не стану скрывать: глубокое беспокойство за судьбу королевства тревожит мое сердце.

— Это забавно.— И смех Топседа Седьмого задрезжал в тронном зале.— Я никогда не думал, что у вас есть сердце, Нушрок!

— Мне не до шуток, ваше величество. Меня беспокоит то, что в нашем старом добром королевстве стали меняться порядки, освященные временем.

Король задумчиво прикоснулся пальцем к переносице.

— Вы говорите правду, мой министр! Наш народ начал скучать. Не наступило ли время развлечься и начать войну?

Круглые черные глаза Нушрока сверкнули.

— Что ж, война — это неплохо, ваше величество. Я перестану делать в своих мастерских кривые зеркала и начну изготавливать оружие. Война всегда приносит доход.

— Вы перестанете делать зеркала? — нахмурился король.— Мои кривые зеркала?

— Оружие делать более выгодно, ваше величество.

— Нет, мой министр, этого я не позволю!

Король спрыгнул с трона на паркет и забегал по залу. Оля увидела в глазах Нушрока бешенство.

— В самом деле, как можно перестать делать зеркала? — продолжал Топсед Седьмой, взмахивая ручкой. — Я скорее велю прекратить делать одежду или еще что-нибудь.

Нушрок нетерпеливо передернул плечами.

— Я полагаю, ваше величество, что об этом мы еще успеем поговорить. А сейчас я приехал к вам по совершенно безотлагательному делу.

— Объясните мне, Нушрок, что это за дело.

— Почему отложена казнь зеркальщика Гурда? — спросил Нушрок, впиваясь взглядом в лицо короля.

— Такова была моя воля, — нерешительно ответил король.

Похолодевшая Оля видела, как растерянно забежали его рыбы глаза.

— Ваша воля? — спросил человек с лицом коршуна, яростно сжимая кулаки.

— Да... Ой-ой, Нушрок, не смотрите на меня! Уф, даже голова кружится. Да не смотрите же на меня, Нушрок!

— Ваше величество, — пищал Нушрок, наступая на короля. — Мне кажется, что вы слишком быстро забыли историю своего рода!

— Что... что вы хотите этим сказать, Нушрок? — дрожа всем телом, бормотал король, забиваясь в угол тронного зала и заслоняя свои глаза ладонью.

— Чтобы стать королевой, ваша прабабка казнила свою сестру, но ваш дед отобрал у нее корону и заточил свергнутую королеву в крепость! — брызгая слюной, кричал Нушрок. — Ваш отец казнил вашего деда, чтобы каких-нибудь два года сидеть на троне. Всего два года! Вы, должно быть, помните: его однажды утром нашли в постели мертвым. Потом стал королем ваш старший брат. Он слишком мало считался с желаниями своих министров, и вы, конечно, хорошо помните, что с ним произошло. Он поехал в горы и свалился в пропасть! Затем корону получили вы... Возлагая на вас корону, мы надеялись, ваше величество,

что вы никогда не забудете о печальном конце своих предшественников! Не забывайте, ваше величество, что у вас есть младший брат, который, может быть, ожидает того, чтобы...

— П-постойте,— заикаясь, перебил Нушрока король.— Что я... я должен сделать?

— Прежде всего пореже произносить: «Такова была моя воля», чтобы каким-нибудь образом не свалиться в пропасть, ваше величество!

— Х-хорошо...

— Помните, что у вас нет никакой своей воли!

— Угу... Да, да...— бормотал король.

— Мы дали вам корону! Мы — Нушрок, Абаж и другие богачи королевства. И вы должны выполнять не свою, а нашу волю! Сегодня зеркальщики до смерти избили моего главного надсмотрщика. Виновных так и не удалось обнаружить. Они все действуют в заговоре против меня, а может быть, и против вас, ваше величество. Их может остановить только одно: устрашение! И в это время вы откладываете казнь зеркальщика Гурда!

— Ну хорошо, пожалуйста, пусть его казнят...— слышали девочки слабый голос короля, которого скрывала от них в углу зала черная спина Нушрока.

— Яло! Ключ! — шепнула Оля.

Яло решительно подошла к трону, сняла ключ и сунула его в карман.

— Завтра мы объявим о казни Гурда. Послезавтра сбросим его с башни,— продолжал пищать Нушрок.— Все должны видеть казнь этого зеркальщика!

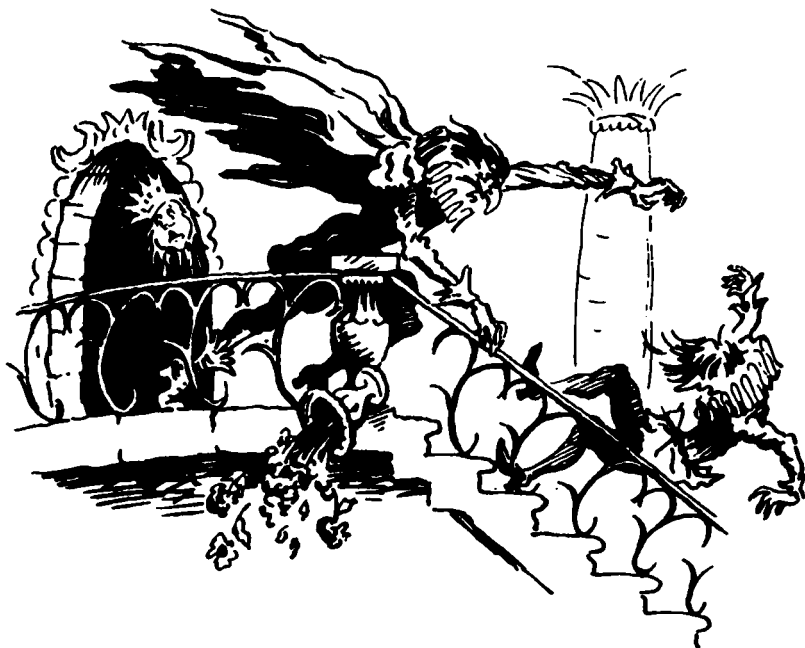
— Хорошо, мой министр... Сейчас я подпишу указ.

— Вы не должны этого делать! — неожиданно для самой себя вдруг крикнула Оля.

Министр обернулся, и глаза Оли встретились со страшными глазами Нушрока. Она почувствовала, что ее сковывает страх.

— Оля, бежим! — срывающимся голосом крикнула Яло.

Оля повернулась и бросилась вон из тронного зала.
— Задержать! — завизжал позади них Нушрок.

Старый слуга у двери попытался схватить Олю, но поскользнулся и растянулся на паркете.

Девочки стремительно бежали по бесконечным залам и переходам дворца. От колонны к колонне, с лестницы на лестницу.

Вот наконец и каморка тетушки Аксал.

— Карету, тетушка Аксал! Скорее карету! У нас ключ!

— Карета у крыльца, девочки. Торопитесь! Время не ждет. Только не берите с собой кучера. Он может что-нибудь заподозрить. Прощайте, фазанята.

— Прощайте, дорогая, любимая тетушка Аксал! — Девочки нежно поцеловали старую женщину и снова побежали по бесчисленным залам дворца.

У крыльца их действительно ждала карета.

— Кучер, — крикнула Яло, — оставайтесь здесь! Мы хотим управлять лошадьми сами.

Кучер растерянно посмотрел на пажей.

— Да как же так?.. Пажи его королевского величества будут сами управлять лошадьми?

— Ну и что же?

— Это не положено.

— Почему?

— Подумайте сами, господа пажи: такие важные люди — и вдруг сидят на козлах!

— Я не люблю повторять приказаний! — топнул ногой паж с родинкой на левой щеке.

Кучер спрыгнул с козел и передал ему вожжи. Зазвенели подковы, карета стремительно понеслась. Страж-

ники распахнули ворота и удивленно посмотрели вслед промчавшейся карете.

Как они мчались! Разноцветные дома стремительно неслись мимо.

— Яло, дай мне ключ.

— Сейчас...

Яло лихорадочно порылась в карманах и вдруг всхлипнула.

Оля похолодела.

— Что случилось, Яло? Не пугай меня!

— Оля...

— Ну что, что?

— Оля, я потеряла ключ!

— Потеряла? — вскрикнула Оля. — Где? Когда?

— Не знаю.

— О, Яло, что ты наделала?! — Оля судорожно сжала вожжи. — Нет, это я сама во всем виновата. Ведь ты только мое отражение! И я сама так часто все теряла. Я потеряла тоже несколько ключей от квартиры.

А лошади неслись все вперед и вперед. Слезы каптились из глаз Оли, ветер срывал их со щек и уносил прочь стеклянной пылью.

— Олечка, давай вернемся и поищем. Ключ здесь где-то недалеко. Мне кажется, что я даже слышала, как он выпал и зазвенел. Он, наверно, лежит где-нибудь в траве возле дороги.

— Нет, мы не можем возвращаться, Яло. Во дворе, наверно, уже обнаружили пропажу ключа и за нами гонится стража.

— Что же делать, Оля?

— погоди! — Оля вытерла глаза. — Раз у Нушрока нет ключа, он тоже не сможет открыть замок на кандалах Гурда.

— А другой такой ключ есть у Абажа! — вскрикнула Яло. — Помнишь, он показывал его Нушроку на завтраке у короля?

— Скорей к Абажу, Яло!

— Скорей, Оля!

Оля взмахнула кнутом, и лошади помчались еще быстрее. Карета кренилась на поворотах, и Яло испуганно цеплялась за Олю.

— Оля, мы опрокинемся!

— Какая ты трусишка, Яло!

— Но, Оля...

— Никаких «но»! Ничто не остановит нас — нам цель ясна! Помнишь, как поется в нашей песенке?

— Цель-то ясна, но как мы доберемся до нее? Что мы скажем Абажу на рисовых полях?

— Перестань ныть, Яло. Папа мне говорил, что смелость и настойчивость — ключ к достижению цели. Понимаешь? Ключ к достижению цели! Посмотри-ка лучше, нет ли за нами погони. ┘

Часть вторая

КЛЮЧ ОТ КАНДАЛОВ

Глава десятая, В КОТОРОЙ ОЛЯ И ЯЛО ПОПАДАЮТ В ЗАМОК ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Четверка холеных лошадей неслась легко и дружно к сверкающим вдали горам. Серебряные подковы мелодично звенели о дорогу, которая терялась в сизом предгорном тумане.

Яло надоело разглядывать поля и зеленые квадраты королевских виноградников, и она заскучала.

— Давай поговорим о чем-нибудь, Оля,— обиженно сказала девочка.— Почему ты все время молчишь?

Оля нахмурилась:

— Какая ты все-таки странная, Яло! Ведь Гурд в такой опасности! Я ни о чем другом не могу думать.

Яло покраснела.

— Мы успеем привезти ключ. Вот посмотришь! — сказала она.— Только мне очень хочется есть.

Оля молча хлестнула лошадей. Начались холмы, поросшие высокой стеклянной травой. Ветер позванивал зелеными травинками. Заходящее солнце сверкало в них.

Между холмами там и тут шумели потоки, сбегающие с гор. На их берегах лежал прозрачный стеклянный песок. Из ущелий на холмы напал туман; он был плотным и белым, как вата.

Оля остановила карету у ручья, чтобы напоить лошадей. Усталая Яло, согнувшись, сидела на козлах. Было очень тихо. Слышалось только, как пел поток да фыркали лошади, отряхивая с губ тяжелые капли.

Оля зачерпнула фляжкой воды и подала ее Яло.

— Выпей, может быть, тебе станет легче...

Яло с наслаждением сделала несколько глотков. Вода была чистая и такая холодная, что у нее заныли зубы.

Солнце село, и розовые, насквозь просвечивающиеся громады гор сразу потемнели и нахмурились. Грозные скалы вытягивали зазубренные вершины к небу, на котором уже заблестели первые звездочки.

Оля и Яло прислушались: в ущелье звонко стучали подковы. Через минуту на дороге показались всадники. Впереди на тонконогой белой лошади скакала женщина. Она было одета в длинное черное платье, а за ее плечами вился легкий шарф. Несколько мужчин, судя по одежде — слуг, следовали за ней.

— Королевская карета?! — воскликнула дама, поравнявшись с Олей и Яло. — Что это значит?

Ее мелодичный голос походил на колокольчик, а черные сверкающие глаза смотрели из-под больших загнутых кверху ресниц удивленно и вопросительно. Белый конь звенел удилами, капризно бил о дорогу копытом.

Девочки растерянно молчали.

— Как вы сюда попали, мальчики? — снова зазвенел голос-колокольчик.

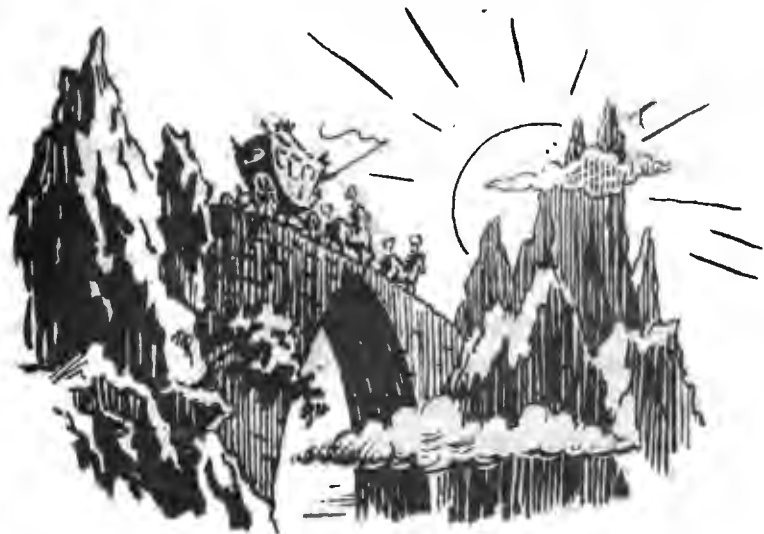
— Сударыня, — сказала Яло, — нам нужно как можно быстрее попасть к министру Абажу.

Оля быстро шепнула:

— Не болтай, Яло!

— К Абажу? Так далеко? — удивилась дама.

— Видите ли, его величество разрешил нам сегодня утром покататься в своей карете. Мы выехали за город без кучера, а вернуться не смогли, потому что...

потому что...

— Случилось какое-нибудь несчастье?

— Да, сударыня, — бормотала Яло. — В городе началась такая страшная стрельба, что у нас душа ушла в пятки!

— О, трусишки! — рассмеялась всадница. — Его величество, вероятно, решил повеселиться и приказал солдатам стрелять в воздух.

— В том-то и дело, что нет, сударыня. Зеркальщики отказались работать, и королевские солдаты оцепили зеркальные мастерские.

— Что ты говоришь! — Лицо прекрасной дамы стало озабоченным. — Так зеркальщики подняли бунт? А как ты думаешь, мальчик, они не могут двинуться в горы, к моему замку?

— Думаю, что нет, сударыня, — продолжала Яло. — У них пока хватит дел и в городе... И вот мы решили,

сударыня, бежать к министру Абажу. Это... это наш дедушка.

— Дедушка?

— Да, сударыня.

— Подумайте, каков этот Абаж! — улыбнулась прекрасная дама. — Он никогда не говорил, что у него есть такие очаровательные внуки! Бедные дети, сколько страха вы натерпелись. Я сразу заметила, что вы очень бледны, особенно ты, — и всадница указала на Олю.

— Мы целый день ничего не ели, сударыня, — вздохнула Яло.

— Бар, скачи поскорее в замок и распорядись, чтобы пажам его величества приготовили хороший ужин.

Яло вопросительно посмотрела на Олю.

— Мы не можем задерживаться, сударыня, — тихо сказала Оля.

— Нет, нет, вы переночуете в замке. Я очень довольна, что выехала на прогулку и встретила вас, — ответила дама. — Не только вам, но и вашим лошадям надо отдохнуть. Путь через горы, правда, не так уж далек, но очень опасен: вы можете в темноте сорваться в пропасть.

— Мы не останемся, — упрямо повторила Оля.

— Оля, — умоляюще прошептала Яло, — разве тебе не хочется покушать и отдохнуть в хорошей постели?

— Я вас угощу мороженым, — говорила прекрасная дама. — Или, может быть, вы больше любите шоколад?

Яло незаметно толкнула Олю и шепнула, глотая слюнки:

— Шоколад, Оля! Ты же так любишь шоколад!

— Нам нужно торопиться, Яло.

— Только одна ночь, Оля! Все равно раньше утра мы не попадем к Абажу.

— Нет, мы не останемся.

— Сжался надо мной, Оля. Я больше не могу ехать. Я так устала! Я просто умру от голода, Оля.

— Хорошо,— кивнула головой Оля, сдаваясь.— Сударыня, мы переночуем в вашем замке.

Карета и всадники въехали в ущелье. Темнота плыла им навстречу. Эхо подков зазвенело во мраке. Вскоре девочки увидели зубчатые стены замка. Он был выстроен на вершине скалы, которая поднималась из горной реки. Волны со всех сторон омывали эту скалу. Судя по тому, что шума воды здесь почти не было слышно, река в этом месте была очень глубока. Поток проносился над захороненными в его глубине камнями и порогами неслышно и стремительно, и можно было подумать, что это не река, а небольшое горное озеро. Только где-то далеко, там, где река снова становилась мелкой, было слышно, как она кипит на порогах.

У ворот замка замелькали факелы и фигуры слуг. Огромный подъемный мост со скрипом перекинулся со скалы на скалу и повис над рекой. Копыта лошадей звонко зацокали по мосту. Карета въехала во двор замка. К прекрасной даме подбежал Бар, чтобы помочь ей спуститься с седла.

— Вы должны чувствовать себя в замке как дома, дорогие дети,— певуче и ласково проговорила прекрасная дама и, обернувшись к слуге, спокойно добавила:— Какой ты неловкий, Бар! — И, взмахнув хлыстом, ударила им по лицу слугу.

При колеблющемся свете факелов Оля и Яло увидели, как Бар покачнулся и на его лице появился широкий красный рубец. Девочки бросились к хозяйке:

— Не надо!.. За что? Зачем вы его бьете, сударыня?

Хозяйка изумленно посмотрела на девочек своими красивыми бархатными глазами.

— Чем вы обеспокоены? Я ударила слугу? Ну так что ж? Как, однако, странно вы воспитаны, мальчишки!..— Она пожала плечами и продолжала, словно ничего не произошло:— Этот замок выстроен еще моим прадедом. Нравится ли он вам?

THE CASTLE OF THE FUTURE

— Кх... кх,— закашляла Оля.— Так нравится, сударыня, что и передать трудно.

— Бар,— крикнула прекрасная дама своим удивительным голосом-колокольчиком,— пусть подадут ужин пажам его величества!

После ужина в зале со сводчатым потолком, освещенным огнями свечей, прекрасная дама пожелала пажам спокойной ночи. Она протянула им руку, и Оля и Яло догадались, что ее нужно поцеловать. Яло видела, как покривилась Оля, прикоснувшись губами к холеному пальцам.

Затем Бар со свечой в руке провел пажей в отведенную им комнату. Только несколько полукруглых ступеней отделяли ее от зала, в котором они ужинали.

— Вам очень больно, дядюшка Бар? — тихонько спросила Оля.

— А разве вам жалко меня, господин паж? — печально улыбнулся он.— Разве вы никогда не бьете своих слуг? Никогда я не видел таких добрых господ.

— А как зовут вашу госпожу?

— Анидаг.

— Анидаг? — хмуря брови, протянула Оля.— Это значит... это значит...

— Гадина! — подсказала Яло.

— Гадина! — вскрикнула Оля.— Так вот кто эта прекрасная дама!

Бар вышел. Комната, куда он привел девочек, имела закругленные стены и окна со множеством разноцветных стекол. Оля распахнула одно из окон. За окном было темно и прохладно. Где-то внизу чуть слышно плескалась невидимая вода.

К Оле тихо подошла Яло и остановилась за ее спиной.

— А все-таки приятно быть богатой дамой и иметь в горах красивый замок, Оля?

— И хлыст, чтобы бить им по лицу своих слуг! — зло прибавила Оля.— Как тебе не стыдно, Яло!

Она хотела еще что-то сказать, но не успела, потому что перед замком зазвучал рог и внизу замечались с факелами слуги. Девочки увидели, как через реку перекинулся мост и во двор въехала карета. Дверцы кареты распахнулись, и из нее вышел Нушрок.

Глава одиннадцатая,
В КОТОРОЙ НУШРОК
ПРЕДЛАГАЕТ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ СТАТЬ КОРОЛЕВОЙ

— Мы погибли! — в ужасе прошептала Яло. — Из этой комнаты есть только один выход — в зал.

— Тише, Яло. Нушрок, кажется, уже в зале.

Девочки стояли у тяжелой двери и настороженно прислушивались. Яло взглянула на подругу. Губы Оли сжались, а глаза сощурились, словно она что-то сосредоточенно обдумывала. Яло прикоснулась к ее плечу.

— Оля, почему ты так спокойна? Неужели ты не боишься? Научи и меня ничего не бояться.

— Не шуми, — тихо сказала Оля.

— Ну, так я тоже буду смелой! — тряхнула Яло локонами. — Я подберусь сейчас к Нушроку и узнаю, что он там замышляет.

И, прежде чем Оля успела что-нибудь сказать, Яло приоткрыла дверь и юркнула из комнаты. Спустившись на цыпочках со ступеней, Яло увидела на стене колеблющиеся тени Нушрока и прекрасной дамы и притаилась у колонны. Тень Нушрока со всклокоченными волосами и хищным, загнутым книзу носом была страшна.

— Если вы не хотите есть, — зазвенел голос прекрасной дамы, — то выпейте немного вина, дорогой отец. Оно подкрепит вас.

— Благодарю вас, дорогая дочь, но у меня мало времени, а сказать вам я должен много.

— Я готова слушать вас сколько угодно, дорогой отец.

— Наступило трудное время, дочь моя,— начал Нушрок,— народ все чаще отказывается работать и повиноваться нам.

— А кривые зеркала, дорогой отец?

— Народ больше не верит этой выдумке, Анидаг! Только один король приходит еще в восторг от этих стекол. Горожане разбивают кривые зеркала прямо на улицах, не боясь стражников! А зеркальщики начали делать вот это.— Нушрок что-то вынул из кармана и показал дочери.

Яло увидела, как покачнулась на стене тень прекрасной дамы.

— Правдивое зеркало? — вскрикнула она в страхе.— Народ видит правду?! Это ужасно, дорогой отец!

— Да, это ужасно, Анидаг! Мои зеркальщики больше не хотят быть покорными.

— Их надо заставить быть покорными, дорогой отец!

— Зеркальные мастерские уже оцеплены войсками.

— Вы поступили как всегда благоразумно, дорогой отец!

— Но это не все, дорогая дочь! Настало время поставить во главе королевства нового короля.— Нушрок помедлил.— А может быть, королеву...

— О! — воскликнула прекрасная дама.

— Народ очень хорошо знает, что Топсед Седьмой глуп. Его не любят и не признают. Мы терпели его до тех пор, пока все было спокойно. А сейчас на троне должен быть другой человек — умный, решительный и... красивый.

— Кто же у нас обладает такими качествами, дорогой отец?

— Вы, дорогая Анидаг!

Прекрасная дама порывисто поднялась, и рядом с уродливой тенью Нушрока вырос ее стройный силуэт.

— Вы шутите, дорогой отец?

— Нисколько! Разве вы не красивы? Разве ваш голос не звучит, как музыка? Какие речи вы сможете произносить с балкона королевского дворца! Постарайтесь только казаться доброй, дорогая. Все королевство должно знать, что вы щедро одаряете нищих. И, конечно, не кривыми зеркалами... Для этого надо немного денег — совсем немного! У вас такой же холодный и практический ум, как и у меня, Анидаг! С вашей помощью я прекрасно поведу дела! И буду держать в повиновении все королевство. Скажите, согласны ли вы, моя дорогая дочь?

Прекрасная дама без слов наклонила голову, и Нушрок прикоснулся губами к ее волосам.

— Обстоятельства вынуждают меня немедленно вернуться в город. А вам, Анидаг, надлежит, не медля ни минуты, отправиться к Абажу. Вы удивлены? Он мой враг, но сейчас мы должны действовать заодно. Вы отвезете ему это письмо, и я не сомневаюсь, что он поддержит нас. Чтобы ускорить свидание с Абажем, я советую вам воспользоваться подземным ходом. Кстати, вы возьмете у Абажа ключ, который подходит к замку на Башне смерти. Я ему пишу об этом.

— Но какой подземный ход вы имеете в виду, дорогой отец? — удивленно спросила прекрасная дама.

— Старый подземный ход, построенный предками Нушроков и Абажей. Неужели вы не знаете о нем? Наши предки были связаны когда-то узами рыцарской дружбы и решили соединить свои владения подземным ходом. Он начинается в винном погребе этого замка и оканчивается где-то в саду Абажа.

— Теперь я вспоминаю, дорогой отец... О каком-то подземном ходе мне действительно рассказывали в детстве. Но мне всегда это казалось сказкой. Однако я очень боюсь темноты и крыс, дорогой отец! Право же, я не менее быстро доберусь до Абажа в своей коляске. Тем более что у меня есть попутчики: в замке ночуют два королевских пажа, которые тоже едут к Абажу.

— Что? Два пажа? — пропищал Нушрок, и тень его с поднятой рукой на несколько секунд замерла на стене.— Сегодня два пажа бежали из королевского дворца! Они похитили ключ от кандалов Башни смерти! И я не могу казнить преступника!

— Не может быть! Впрочем, они и мне показались очень странными.

Дрожащая Яло попятилась назад и, споткнувшись о ступеньку, упала. Ее ладони гулко шлепнули по стеклянному полу. Нушрок прыгнул к Яло, схватил ее за шиворот и потащил к столу.

— Само провидение посылает мне в руки этих беглецов! — торжествующе сказал Нушрок, внимательно разглядывая Яло.— Они сразу вызвали у меня подозрение. Сегодня я узнал, что они уже были в Башне смерти. Нужно выяснить, зачем они пробираются к Абажу.

— Ой, не давите мне так руку! — захныкала Яло.— Больно... Ой!..

— Что все это значит? — изумленно проговорила прекрасная дама.

— Я думаю, что это такие же пажи, дорогая Анидаг, как вы прачка. А ну-ка, говори, мальчишка, зачем вам понадобился Абаж?

Яло тряслась и молчала.

— Ну!..

— Ой, больно!..

— Сейчас будет еще больнее, если не заговоришь!

— Ой, ой, не давите так руку!

— Зачем вы ехали к Абажу? Где ключ от кандалов?

Яло молчала.

— Слушай, мальчишка, если ты не скажешь...

— Ой! Мы ехали в гости.

— Лжешь! Если ты мне не скажешь всего, я сейчас поджарю твою руку на этой свечке!

Яло не отвечала. Было слышно, как у нее постукивали зубы. Свободной рукой Нушрок поднес свечку к руке девочки.

Яло закричала и покачнулась:

— Не надо, не надо! Я скажу...

— Ну?

Яло молчала. Министр снова поднес свечку к ее руке.

— Ой, я скажу! Мы хотели...

— Что вы хотели?

— Ой, как больно!..

— Да говори же, мальчишка!

— Ой... Сейчас... Я ничего вам не скажу, будьте вы прокляты!

Резким ударом Нушрок сбил Яло с ног. В ее голове зазвенело, и на несколько секунд она потеряла сознание.

— Мы еще поговорим с тобой! — злобно пропищал министр. — А сейчас послушаем, что нам скажет другой «паж». — Он быстро поднялся по ступенькам и толкнул дверь в комнату, где находилась Оля.

В распахнутом окне Нушрок увидел готовящуюся к прыжку вниз Олю.

— Стой!.. — пронзительно закричал он.

Но Оля уже прыгнула вниз, и подбежавший к окну Нушрок услышал далекий всплеск воды.

— Обыскать реку! — пропищал Нушрок, выбегая в зал. Слюна разлеталась с его перекошенных яростью губ. — Доставить мне мальчишку живым или мертвым! А этого заточить в подземелье! Быстрей!

Яло увели. Через час слуги доложили Нушроку, что найти в реке пажа не удалось. Разъяренный Нушрок велел слугам продолжать поиски.

— Вы видите, дорогая Анидаг, что положение все более обостряется, — проговорил он, тяжело дыша и отирая на лице пот. — Я еду вместе с вами к Абажу! Хотите воспользоваться подземным ходом? Нет? Хорошо, прикажите закладывать вашу коляску. А мои лошади пусть отдохнут.

**В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ,
КАК ОЛЯ ЕДВА НЕ ПОГИБЛА В ВОДОПАДЕ**

Оля хорошо плавала. Спасаясь от Нушрока, она бесстрашно бросилась в реку. Девочка погрузилась очень глубоко и, почувствовав под ногами каменистое дно, оттолкнулась от него. Вода легко вынесла ее на поверхность.

Вынырнув, Оля отдышалась и прислушалась.

Вокруг было сумрачно и тихо. Течение быстро уносило ее от замка в черноту ущелья, где слышался глухой шум низвергающейся воды. Очевидно, там был водопад. Тогда через несколько минут конец... Оле стало страшно. Девочка торопливо поплыла к берегу, но бороться с течением было очень трудно. Грохот водопада усиливался. Течение сделало резкий поворот. Олю рвануло и ударило о подводный камень. На мгновение она потеряла сознание, а когда пришла в себя, увидела впереди, чуть левее того направления, по которому ее несло, маленький островок. Девочка устремилась к нему, напрягая последние силы. Через несколько секунд бурная река выбросила ее на островок, оказавшийся огромным камнем.

Оля долго лежала ничком, вцепившись пальцами в камень. Впереди, совсем рядом, бушевал водопад. Вода стремительно срывалась вниз, и облако мельчайших брызг клубилось над потоком.

Девочка подняла голову и увидела листья. Старый дуб, склонившийся над рекой, протягивал к камню, будто руку, свою широкую ветку.

Оля поднялась на ноги и попыталась дотянуться до нее. Но ветка была слишком высоко, и девочка, поскользнувшись, едва не свалилась в воду.

Оля отдышалась и, рассчитав движение, подпрыгнула. Она повисла на ветке и только теперь сообразила, что туфли, наполненные водой, и мокрая одежда

будут мешать ей подтянуться к ветке. Как она не догадалась раздеться! Оля беспомощно повисла над камнем. Значит, конец... Оля заскрипела зубами. «Так нет же, нет, обязательно взберусь на дерево!» — по-

думала она и, собрав все свои силы, забросила на ветку одну ногу. Это было спасением.

С полминуты она висела так, отдыхая. Потом, сделав еще одно усилие, села на ветку верхом и, осторожно перебирая руками, добралась до ствола. Она уселась поудобнее на толстом суку и огляделась. По берегу к ее дубу медленно приближались две человеческие фигуры. Месяц освещал их, и Оля узнала слуг прекрасной дамы.

Слуги остановились в тени дуба. Один из них крикнул, силясь перекрыть шум водопада:

— Так ты думаешь, Бар, что он утонул?

— Еще бы! — прокричал в ответ Бар. — Тут не то что ребенок, но и взрослый не выплывет. А если мальчик и выплыл, тем лучше. Давай-ка закурим, приятель.

Слуги задымили трубками и вскоре ушли.

Оля быстро спустилась с дерева и зашагала по узкой горной тропинке, настороженно вглядываясь вперед. Темная тучка, набежавшая на месяц, ушла за гору, все вокруг засверкало. Оля ободрилась, и зашагала быстрее. Но вскоре месяц закатился за гору, тучи заволокли небо и стало совсем темно.

Впереди мелькнули какие-то тени, сверкнули чьи-то глаза. Послышался противный и надсадный звериный вой.

— Шакалы, наверное... — прошептала Оля.

Девочка остановилась и подняла несколько камней.

— Пошли вон! Пошли вон! — закричала она, швыряя в темноту камни.

Шакалы разбежались. Оле даже показалось, что они поджали хвосты. Она снова пошла вперед, тихонько напевая пионерскую песенку своего отряда:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперед, вперед!» — дала наказ
Любимая страна.

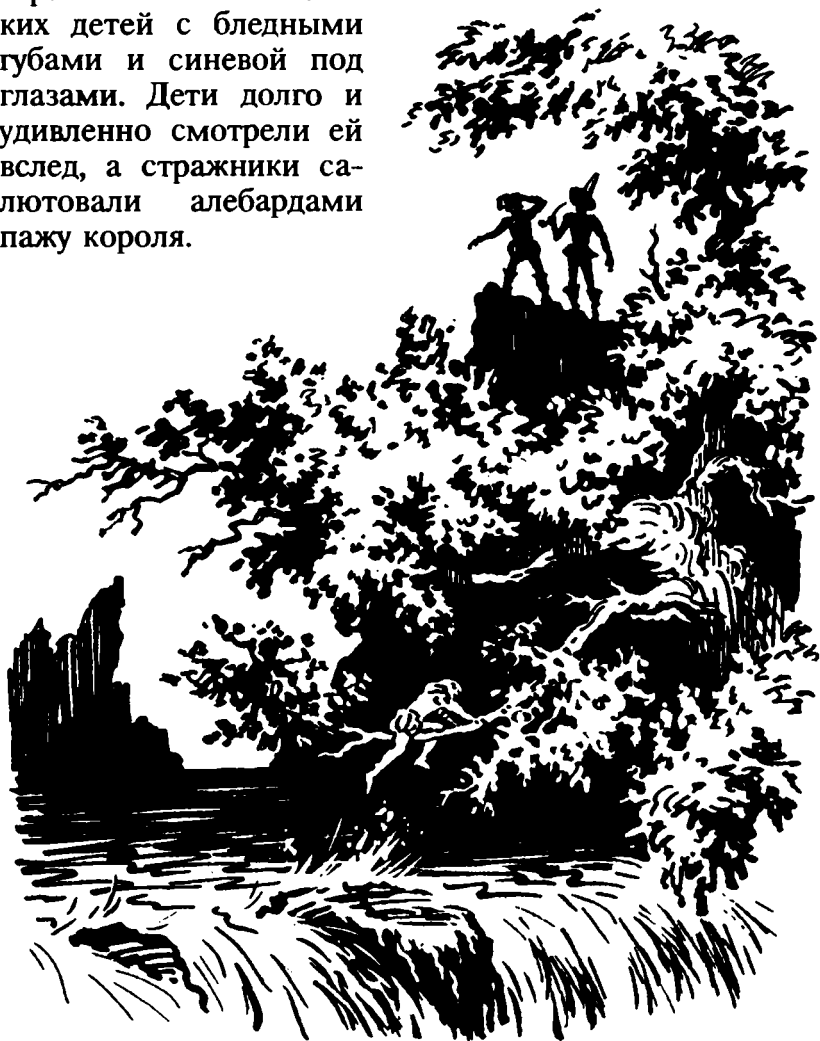
Напевая песенку, Оля словно слышала ободряющие слова друга. Она все шла и шла. Вот уже порозовели вершины гор и веселее зажурчали горные ручьи. Потом взошло солнце, и Оля остановилась пораженная.

Далеко-далеко внизу она увидела огромное зеркало. Оно начиналось у подножия горы, на которой она стояла, и уходило за линию горизонта, сливаясь с небом. Горы, солнце, облака отражались в зеркале. Это было очень красиво. И всюду девочка видела на голубой глади работающих людей. Оля догадалась, что это были рисовые поля министра Абажа.

Спустившись с горы, Оля остановилась и передохнула. Началось рисовое поле. Но теперь оно не походило на зеркало. Оказывается, это было самое обыкновенное болото. От него поднимались теплые гнилостные испарения. В заплесневевшей воде резвились стайки головастиков. На длинных ножках по воде быстро бегали какие-то жучки.

Тропинка сворачивала вправо и тянулась через тростниковый поселок к высокому холму, на котором сквозь зелень деревьев девочка разглядела красивое здание с белыми колоннами.

«Наверно, это и есть замок Абажа»,— решила она и пошла по дороге, мимо тростниковых хижин. На безлюдной улице Оля иногда встречала скушающих стражников и маленьких детей с бледными губами и синевой под глазами. Дети долго и удивленно смотрели ей вслед, а стражники салютовали алебардами пажу короля.

«Бедные дети, как они бледны! — думала Оля. — Все кто постарше, наверное, работают на рисовых полях». Она не ошиблась. За поселком Оля увидела работающих в воде стариков и подростков. И что это? Ей показалось, что несколько голосов негромко пело ту самую песню, которую она уже слышала раньше:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает,
Но знайте, наши палачи,
Все ярче правда расцветает!

Олино сердечко забилося быстрее, в груди стало горячо. Она не была знакома ни с одним из этих людей, работающих в гнилой воде, но теперь она знала, что среди них найдет друзей.

«Однако как я попаду к Абажу? Что я ему скажу? — продолжала размышлять Оля. — Удастся ли мне раздобыть ключ?»

Она тряхнула головой.

«Нет, только не надо отчаиваться. Лучше все спокойно обдумать. Папа всегда посмеивался над моей торопливостью и любил приговаривать: «Поспешишь — людей насмешишь». Милый папочка, если бы ты видел сейчас свою дочь! Но что же все-таки мне делать теперь? Где сейчас Яло? Удалось ли ей вырваться из лап Нушрока? И зачем только мы остались ночевать у Анидаг!» — думала Оля, подходя к замку Абажа.

— Ах, Яло, Яло! Как мне трудно с тобой! — прошептала она. — Но ты все-таки добрая девочка, и ты моя единственная подруга в чужой стране. Как бы я хотела тебя увидеть сейчас!

Оля завернула за угол, сделала несколько шагов и прижалась к ограде замка.

Неподалеку от ворот стояла коляска, запряженная четверкой лошадей, и на козлах сидел Бар. Оля шла

не по дороге, а по горной тропинке и не видела коляски, которая, словно вихрь, пролетела через горы и доставила к замку Абажа Нушрока и его дочь.

Глава тринадцатая,
В КОТОРОЙ ЯЛО УБЕЖДАЕТСЯ
В СУЩЕСТВОВАНИИ ПОДЗЕМНОГО ХОДА

Вот что случилось, прежде чем Бар попал к замку Абажа.

Высоко держа над головой факел, Бар вел Яло в подземелье.

— Так ты, говорят, зеркальщик, а не паж? Это верно? — спросил он, оглядывая Яло с головы до ног. — И как тебя угораздило связаться с Нушроком?

— Ох, дядюшка Бар, я ни в чем не виноват.

— Верю... Да только для наших господ все равно, что виновен, что не виновен.

— А что они со мной сделают, дядюшка Бар?

— Думаю, что тебе придется несладко, парень... Постой, откуда ты знаешь мое имя?

— Я видела... Нет, я видел, как дочь Нушрока ударила вас по лицу хлыстом и назвала Баром.

— Да, собачья жизнь... — проворчал Бар и в замешательстве остановился.

В каменной стене виднелось несколько дверей.

— Куда же тебя посадить, парень? — нерешительно проговорил он. — Я бы, пожалуй, отпустил тебя на свободу, да только тогда мне придется распрощаться с жизнью.

Яло быстро сказала:

— А вы не отпускайте меня, дядя Бар, а посадите в винный погреб.

— В винный погреб? — усмехнулся Бар. — Уж не хочется ли тебе отведать старого амонтильядо, которое так любят пить наши господа? Впрочем, в винном погребе ты сможешь хоть посидеть на бочонках... Что ж, идем!

Бар подошел к одной из дверей и снял с нее огромный замок. Громко заскрипели ржавые петли. Бар пропустил Яло в погреб. Это было низкое помещение со сводчатым потолком. Справа и слева стояли потемневшие от времени бочки. Проход между ними терялся в темноте. Пахло сыростью и плесенью.

— Как страшно оставаться здесь одному! — прошептала Яло.

— Я, пожалуй, оставлю тебе факел, мальчуган.

— Спасибо, дядюшка Бар!

— Захочешь спать, подремли на бочках, а то, если ляжешь на каменный пол, в тебя из этих камней вползет такая лихорадка, что твои кости будут потом скрипеть всю жизнь.

Но Яло было не до отдыха. Как только по ту сторону двери щелкнул заржавленный замок, она пошла

вперед по проходу между бочками, освещая себе путь факелом.

Проход упирался в глухую стену. Яло разочарованно остановилась перед ней и даже потрогала ее пальцем. Стена была холодная и скользкая.

Девочка пошла назад по проходу, внимательно все осматривая, и снова ничего не увидела, кроме бочек и замшелых стен, освещенных колеблющимся светом факела.

Яло начал пробираться холод подземелья, и она попрыгала, чтобы согреться. Потом снова побежала по проходу и, остановившись у стены, постучала в нее кулаком.

«Где же наконец этот подземный ход? — теряя терпение, подумала она. — Ведь говорил же Нушрок, что он начинается в винном погребе!»

Яло подняла факел повыше, чтобы осветить углы и попятилась.

— Кто здесь? — испуганно спросила она.

В самом углу, притаившись за бочкой, стоял человек. На нем были металлический шлем и рыцарские доспехи, а лицо закрывало опущенное забрало. В одной руке человек держал щит, на котором Яло разглядела герб с коршуном, а в другой — копье.

— Почему вы молчите? — тихо спросила Яло, переводя дыхание.

Человек не отвечал. Девочка подняла факел еще выше, силясь разглядеть его глаза в узкой щели забрала.

— Вы, наверно, стережете эти бочки с вином? — помолчав, добавила она.

Человек в доспехах рыцаря упорно не отвечал.

— Не подумайте, пожалуйста, что я хотела попробовать какого-нибудь вашего амон... амонтильядо, — проворчала Яло. — Я терпеть не могу никакого вина!

Человек безмолвствовал, и Яло жалобно проговорила:

— Пожалуйста, скажите хоть одно слово, а то мне становится очень страшно...

Рышарь, по-видимому, относился к ней с полным равнодушием. В конце концов Яло осмелела и повысила голос:

— Ну и молчите, сколько вам влезет! Не думайте только, что я вас действительно боюсь!

Она протиснулась между стеной и бочкой и остановилась подле самого рыцаря.

— Эй, вы! — вызывающе сказала она. — Если вы разучились говорить, так хоть не стойте истуканом и не пугайте девочек. То есть, я хочу сказать, мальчиков...

И затем, уже совсем осмелев, Яло постучала костяшками пальцев в металлическую грудь рыцаря. Доспехи гулко зазвенели, и девочка рассмеялась. Под доспехами никого не было. Металлический человек был пуст, как выпитая бочка.

Улыбаясь, Яло еще раз постучала по доспехам рыцаря, подергала забрало, потрогала копье и наконец со вздохом облокотилась на щит с коршуном.

Щит вдруг сдвинулся с места. Какие-то пружины звякнули внутри рыцаря, и что-то заскрежетало за спиной у Яло.

Она оглянулась и от удивления открыла рот: часть стены опустилась в землю. Факел осветил узкие ступени, круто уходящие вниз.

Это был подземный ход.

Яло быстро спустилась по скользким каменным ступеням и торопливо зашагала по узкому проходу. Вскоре ее постигло несчастье: догорел и погас факел.

Отшвырнув факел, Яло пошла вперед с вытянутыми перед собой руками. С отсыревшего потолка на нее падали холодные капли. Несколько раз Яло чувствовала, как по ногам пробегали крысы. Бедная Яло, как испуганно билось ее сердечко! Но она упрямо шла вперед и шептала слова песенки:

А если трудный час придет,
Не унывай, дружок!
Пусть тьма, пусть ночь, — шагай вперед
И помни наш флажок!

И вот наконец впереди показался слабый свет. Он едва пробивался сквозь щели стены, в которую вдруг уперся подземный ход. И этот неясный тусклый свет обрадовал Яло, как солнце. Сбоку она увидела рычаг и поняла, что на него нужно нажать, чтобы открыть проход. Яло уже подняла к рычагу руку, как вдруг услышала голос.

Прислонив глаз к одной из щелей, девочка увидела полукруглые белые перила, затянутые вьющейся зеленью. По-видимому, это была беседка. За беседкой виднелись вершины деревьев, остроконечные стеклянные башенки и крыша огромного здания. Эта беседка была построена, вероятно, на очень высоком месте.

Яло посмотрела в другую щель и увидела Нушрока, Анидаг и Абажа, которые сидели за столиком в больших креслах.

Глава четырнадцатая, В КОТОРОЙ ЯЛО ВСТРЕЧАЕТСЯ С ОЛЕЙ

Яло смотрела на человека, состоящего из двух шаров, кусала губы и вздрагивала от сдерживаемого смеха. Глаза на верхнем шаре были прикрыты сморщенными веками. Абаж о чем-то думал. Нушрок и Анидаг выжидательно молчали. Но вот веки Абажа зашевелились и открыли глаза.

— Я согласен с вами, Нушрок, — наконец сказал Абаж. — Нам нужен новый король. Да, да, новый король!

— Я не сомневался, Абаж, что вы будете моим единомышленником, — ответил Нушрок. — Я лишь сожалел, что вас не было в городе, и я не мог посоветоваться с вами.

— Но я не во всем согласен с вами, Нушрок, — замигал веками Абаж. — На троне должен быть мужчина!

Черные птичьи глаза Нушрока смотрели зло и вопрошительно. Абаж засопел и продолжал:

— Не думаете ли вы, что мы чего-нибудь достигнем, если снимем корону с уродливой куклы и наденем ее на красивую куклу?

Лицо Анидаг вспыхнуло от гнева:

— Вы чрезвычайно любезны, Абаж!

— Министр Абаж! — пискнул Нушрок. — Мне кажется, что вы могли бы выбирать другие выражения, когда речь идет о моей дочери!

Абаж устремил свои хитрые зеленые глаза на Анидаг.

— Я приношу свои извинения вашей прекрасной дочери, если моя откровенная речь ей не совсем приятна. Однако выслушайте меня спокойно, Нушрок. Поймите, на троне должен быть решительный и мужественный человек. Да, да! На троне должен быть мужчина. Тогда зеркальщики не будут засылать своих лазутчиков в наши замки! А самых беспокойных мы закуем в кандалы и запрем их вот этим ключом! — Абаж вынул из кармана ключ и взмахнул им.

У Яло забилося сердце. Немигающим взглядом она смотрела на ключ.

— Кто же все-таки, по-вашему, должен быть королем? — спросил Нушрок изменившимся, почти глухим голосом.

— Мой сын, который, если хотите, женится на вашей дочери, — ответил Абаж. — Тогда мы вместе с вами будем управлять королевством..

— Вы хотите устроить получше свои дела, Абаж?

— Так же, как и вы, Нушрок. Мне, например, известно, что вместо кривых зеркал вы хотите начать делать оружие.

— Тсс... Молчите! Кто вам сказал об этом?

— Будьте спокойны, Нушрок. Об этом никто не узнает.

Все замолчали.

— Хорошо, Абаж, я согласен: мы поженим наших детей, — сказал Нушрок. — А теперь дайте мне ваш ключ.

— Зачем вам понадобился мой ключ, Нушрок?

— Королевский ключ пропал.

Зеленые глаза Абажа расширились.

— Пропал? Значит, я единственный обладатель той драгоценности, которая держит в страхе все королевство?

— Дайте мне ваш ключ, Абаж! — повысил голос Нушрок.

— Я не отдам его так просто! — поднялся Абаж, и его живот заколыхался над столиком. — О, не смотрите, не смотрите на меня, Нушрок!

— Я знаю, Абаж, почему вы не хотите отдать мне ключ! — очень тихим, вздрагивающим от ярости голосом проговорил главный министр.

— Почему?

Нушрок поднялся во весь рост и пропищал:

— Потому что этот ключ подходит к кладовым с государственной казной! — Он вдруг схватил Абажа за плечи. — Отдайте ключ!

— Не дам! — завопил Абаж, пытаясь сбросить со своих плеч руки Нушрока.

— Нет, отдашь, толстая жаба!

Они схватились, сопя и тяжело дыша, и вдруг рухнули на пол. Ключ со звоном отлетел в сторону. Яло слышала, как завизжала Анидаг, стараясь схватить Абажа за волосы.

Яло нажала на рычаг. Заржавленные пружины заскрипели, и стена подалась в сторону, увлекая за собой гирлянды вьющейся зелени.

Девочка прыгнула в беседку и подхватила с пола ключ.

— Ключ! — завопила Анидаг. — Ключ!

Но захваченные борьбой Нушрок и Абаж не слышали ее. Яло искала глазами, куда бежать, и почувствовала, что ее схватили за курточку.

— Пустите! — рванулась Яло, но пальцы Анидаг уже сжимали ей плечи.

— Нет, ты не уйдешь от меня! — прошипела Анидаг.

Яло взглянула в ее большие черные глаза и отшатнулась: «Как она похожа на Нушрока, когда злится!»

Глаза Анидаг налились кровью, и на лице выступили пятна, и заострившийся нос, казалось, приготовился клонуть.

— Проклятые коршуны! — закричала Яло. — Вы больше меня не запугаете! Пустите, я совсем не боюсь вас!

Девочка рванулась, костюм пажа затрещал, и в руках Анидаг остался лишь обрывок рукава. Яло вскочила на перила беседки и свалилась на клумбу цветов.

— Держите его! Держите!.. — визгливо закричала ей вслед Анидаг.

Яло обежала большой фонтан, споткнулась, растянулась на дорожке, вскочила и, бросившись в кусты, уперлась в ограду. Она слышала, как, путаясь в длинном платье, за ней бежала дочь Нушрока. Девочка оглянулась. В развевающемся плаще по ступенькам беседки сбегал Нушрок. Следом за ним катился Абаж.

Яло торопливо взобралась на ограду и, прыгнув вниз, лицом к лицу столкнулась с Олей.

— Яло! Милая!..

— Оля, у меня ключ! — задыхаясь, сказала Яло.

Оля без слов схватила ее за руку и потащила к колыске, на козлах которой дремал Бар.

— Дядюшка Бар, дорогой, отвезите нас в город. Завтра должны казнить маленького зеркальщика Гурда, — быстро говорила Оля. — Мы можем его спасти. Умоляю вас, дядюшка Бар!

— Держите его, держите! — доносился из сада пронзительный голос Анидаг.

— Гурд? — спросил Бар. — Я слышал о нем. Это смелый парень. Эх, была не была! Садитесь, друзья!

Девочки вскочили в коляску. Бар взмахнул кнутом. Словно ураган, понеслись вперед добрые кони.

— Только как вы это опять очутились вместе? — обернулся к девочкам Бар. — Чудеса!

— Мы вам потом все-все расскажем. А теперь скорей в город! Пожалуйста, скорей, дядюшка Бар!

Глава пятнадцатая,

В КОТОРОЙ ОЛЯ ОСВОБОЖДАЕТ ГУРДА И ПОБЕЖДАЕТ НУШРОКА

Лошади мчались так быстро, что временами девочкам казалось, будто карета не катится, а летит по воздуху. Страшные пропасти и грозные скалы окружали извивающуюся в горах дорогу, которая, словно по спирали, поднималась все выше и выше.

Яростный ветер бил в лицо девочек.

— Только бы успеть, Яло!

— Да, только бы успеть, Оля!

— Скорей, скорей, дядюшка Бар!

Оля оглянулась и увидела далеко внизу на дороге крошечного всадника. Плащ всадника, словно черное разбойничье знамя, бился на ветру за его спиной.

— Дядюшка Бар! — закричала Оля. — Нушрок гонится за нами!

Бар остановил лошадей и спрыгнул на дорогу. Девочки удивленно посмотрели на него.

На зеленом склоне паслись овцы. Старый пастух в белой одежде, словно изваяние, стоял над каменистым обрывом, опираясь на посох. Ветер трепал его длинные седые волосы.

Бар подбежал к пастуху, что-то быстро сказал ему, показывая вниз на черного всадника. Старик кивнул головой.

Оля увидела, как старик и Бар начали сталкивать вниз камни. Сначала медленно, потом все быстрее и

быстрее катятся камни вниз, сбивая и увлекая за собой другие.

Вскоре до слуха девочек донесся грохот обвала, и тучи пыли поднялись над нижней дорогой.

Бар подошел к девочкам и подмигнул:

— Если эти камешки и не накроют Нушрока, то задержат надолго!

...Рисовые поля, похожие на зеркало, горы с обрывами и скалами, зеленые королевские виноградники остались наконец позади. Город со сверкающими башнями и шпилями приближался с каждой секундой. Еще издалека увидели девочки темный силуэт Башни смерти, поднимающейся под самые облака. И Оле вдруг показалось, будто желтая тень этой башни лежит на всей стране.

— Скорей, скорей, дядюшка Бар!

— Мы уже въезжаем в город, друзья.

Но вот наконец и Башня смерти. Бар натянул вожжи, лошади остановились словно вкопанные; они храпели, белая пена висела на их удилах. Оля и Яло стремительно выскочили из коляски.

Стражник загородил им путь.

— Простите, ваши сиятельства, но только господин Нушрок запретил мне пускать пажей на Башню смерти.

— Что ты, приятель! — похлопал его по плечу Бар. — Разве ты не видишь, что их сиятельства приехали казнить зеркальщика? Посмотри, вон у них и ключ от кандалов.

Стражник пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, коли так — идите!

Девочки, задыхаясь, бежали вверх по лестнице.

— Только бы успеть, Яло!

— Да, только бы успеть, Оля!

Опять во мраке заметались летучие мыши, опять застонала сова... Будет ли когда-нибудь конец бесчисленным ступеням?!

Бледные, с бьющимися сердцами, девочки взбежали наконец на площадку крыши.

— Вот и мы, Гурд!

— Здравствуй, Гурд!

— Здравствуйте! — ответил радостно мальчик. — Я вас так ждал!.. Я верил, что вы придете!

Сегодня Гурд выглядел куда лучше. Глаза его радостно блестели. Оля склонилась над мальчиком. Замок щёлкнул, звеня, упали цепи.

— Ты свободен, Гурд! Вставай!

Девочки помогли Гурду подняться. Какой он все-таки слабый! Оля торопливо сняла с себя костюм пажа и осталась в своем школьном платье с красным галстуком.

— Быстрее надень этот костюм, Гурд!

Яло испуганно посмотрела на подругу:

— А как же ты, Оля?

— Я все обдумала, Яло. Так надо! Стражник подумает, что это я, а не Гурд.

— А ты?

— Я как-нибудь выберусь отсюда, Яло. Я здоровая и сильная. И я очень быстро бегаю... Не беспокойся обо мне.

— Но, Оля...

— Быстрой, Яло! Нельзя терять ни секунды!

Яло и Гурд ушли. Оля слышала, как постепенно удалялся шум их шагов. Она села на площадку и задумалась: что же ей теперь делать? Вернуться домой! Сегодня же! Только бы выскользнуть из этой ужасной башни! Оля легла на живот и подползла к самому краю площадки. Далеко-далеко внизу виднелась карета величиной с ноготок и такие же крошечные лошади. Значит, Яло и Гурд еще не вышли из башни. Как, однако, долго они спускаются! Ах, наконец-то они показались! Вот они подошли к карете. Вот стражник подсаживает их в коляску. И вот наконец лошади трогаются и несут карету к городу.

Оля облегченно вздохнула. Теперь и ей можно спуститься с башни.

Она сбегала вниз, прыгая через одну и даже через две ступеньки. Потом, когда скрылось отверстие в крыше и стало темно, девочка пошла медленнее. Несколько летучих мышей задела ее своими крыльями. Но она не замечала их.

Ступени, ступени, ступени! И вдруг девочка остановилась: кто-то поднимался ей навстречу.

— Кто здесь? — вскрикнула она.

Человек не отвечал. Девочка слышала только его прерывистое дыхание. Она в страхе пятилась от надвигающегося человека и поднималась все выше. А когда в отверстии крыши забрезжил свет, она разглядела черный плащ и в отчаянии закрыла глаза рукой. Но вместе с отчаянием в ней поднялась волна ненависти к этому отвратительному человеку.

«Нет же, нет,— стискивая зубы, подумала Оля,— я не боюсь его!»

Нушрок вышел следом за Олей на крышу и остановился, увидев цепи, которые лежали на камнях, будто мертвые змеи.

— Девчонка! — очень тихо сказал Нушрок. — Так это ты освободила зеркальщика?..

Оля не отвечала. Нушрок сделал к ней шаг и продолжал так же тихо, дрожа от ярости:

— Ты полетишь сейчас же вниз, девчонка! Под моим взглядом ты сама бросишься вниз! Ну?! Что же ты не опускаешь своих глаз, девчонка?

Оля сжалась, однако не опустила перед Нушроком своих чистых голубых глаз. Наоборот, она широко открыла их и, не мигая, смотрела в хищные глаза человека-коршуна.

— Нет, я не опущу перед тобой глаз, проклятый Коршун! — вдруг крикнула она. — Я не боюсь тебя, потому что презираю! Я знаю, что ложь никогда не убьет правду! А правда на моей стороне.

Девочка и человек-коршун застыли в страшном единоборстве. И вот в черных глазах Нушрока мелькнул ужас и по лицу пробежала судорога. Он втянул голову в плечи и стал отступать. И по мере того как сгибался Нушрок, Оля все больше выпрямлялась, чувствуя, как ее охватывает ликование. Ей казалось, что из ее глаз вылетают молнии и она пронизывает Нушрока своим взглядом. Лицо Нушрока исказила гримаса. Он пятился все дальше к краю площадки и наконец не выдержал, опустил глаза и закрыл их ладонью.

— Ага, ты опустил глаза! — торжествующе закричала Оля. — Ты боишься правды, проклятый Коршун!

— Кто ты? — тяжело дыша спросил Нушрок. — Я никогда не видел таких глаз... И почему меня пугает этот взгляд? Откуда ты пришла, девчонка? О-о, какие светлые глаза!.. Как страшно! Не смотри, не смотри на меня! Мне душно! Мне нечем дышать! Не смотри-и...

Нушрок сделал еще шаг назад. Это был его последний шаг. Он сорвался с Башни смерти и разбился на тысячи стеклянных осколков.

Глава шестнадцатая, и последняя,
В КОТОРОЙ ОЛЯ СНОВА СЛЫШИТ
ГОЛОС ВОЛШЕБНОГО ЗЕРКАЛА

Если бы вы только могли видеть, что делалось внизу, когда Оля спустилась с башни!

— Нушрок разбился! Нушрок разбился! — во всю силу легких кричал стражник, подбрасывая вверх свою алебарду. — Сколько лет я ждал этой минуты!

Со всех концов города к башне торопились люди. Среди них было множество девочек и мальчиков. В толпе Оля увидела Яло, Гурда и Бара. Они налетели на нее, как вихрь, и чуть не задушили в своих объятиях.

Потом, расталкивая всех, к Оле протиснулась женщина в белом колпаке.

— Тетушка Аксал!

— Фазанята! Добрые мои девочки!..

Как радостно обнимала Олю и Яло тетушка Аксал! У нее дрожали руки, и она без конца повторяла, всхлипывая:

— Фазанята, славные мои фазанята!

Кто-то закричал в толпе:

— Гурд! Ты жив, мальчик?!

— Друзья! — ответил Гурд. — Эта девочка спасла мне жизнь!

Какая буря приветствий раздалась кругом! А Оля стояла раскрасневшаяся, неловко опустив руки, не зная, куда деваться от смущения.

— Эта девочка, — крикнула тетушка Аксал, — пришла из чудесной страны, где сердца всех людей благородны и отважны!

— Оля! — закричали дети. — Оставайся навсегда с нами!

— Оставайся с нами! — раздавалось со всех сторон.

Гурд посмотрел в глаза Оле и сказал:

— Ты слышишь, Оля?

Неожиданно для самой себя Оля взмахнула косичками и заговорила. И ее слабый голосок вдруг стал

таким звонким, что его слышали на самых отдаленных улицах города:

— Я не могу остаться с вами, дорогие друзья, потому что нет на свете прекраснее и лучше моей родной страны! Вы, наверно, тоже постройте когда-нибудь такую же светлую жизнь, как в моей стране. Я верю в это, дорогие друзья!

Потом Оля и Яло шли по городу, и все встречали их и расступались перед ними с улыбками и приветственными криками. Повсюду слышался звон стекла. Это горожане разбивали кривые зеркала на площадях и улицах города. И этот звон звучал, как музыка.

— Оля, давай споем нашу песенку, — предложила Яло. Оля кивнула, и девочки радостно запели:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперед, вперед!» — дала наказ
Любимая страна.

Солнце ярко сверкало над городом, и все искрилось вокруг. Песню подхватил Гурд. А вслед за ним ее начали петь мальчики и девочки.

Вот наконец и площадь с фонтаном, а вот и стеклянная лестница, уходящая вверх. Оля нежно простилась с тетушкой Аксал, Гурдом и Баром. Сотни мальчиков и девочек прощально махали ей руками.

Оля и Яло медленно поднимались по лестнице. Ступени, словно струны, звенели под их ногами. И вдруг девочки слышали отдаленный грохот. Они оглянулись. Далеко за городом рухнула Башня смерти, а там, где она стояла, в воздух поднялась, все более разрастаясь, туча черной пыли. Весь город неумолчно шумел радостными криками. И девочки ещё раз подняли вверх руки, прощаясь со страной, жители которой перестали верить кривым зеркалам.

На самой вершине холма они раздвинули кусты и выпрыгнули из книги в переднюю. И в ту же секунду

Оля увидела у своих ног книгу, на обложке которой было написано: «икзакС». Затем по чистой глади зеркала побежали голубые волны. Она услышала красивый звенящий голос, будто ударились друг о дружку хрустальные стеклышки:

— Ты хочешь вернуться домой, Оля?

— Очень!

— Ты не жалеешь о том, что побывала в Королевстве кривых зеркал?

— О нет, я так благодарна тебе, волшебное зеркало! Ведь я так много видела и так много поняла! Я раньше даже и представить себе не могла, что маленькие недостатки могут так помешать в трудную минуту!

Волны на гладком стекле зеркала успокоились, и голубой туман рассеялся. Стекло исчезло. Осталась только одна рама от зеркала.

— Прощай, дорогая Яло...

— Прощай, Оля! Спасибо, что ты научила меня быть смелой и доброй.

Подруги обнялись и расцеловались.

Потом Оля быстро переступила через раму и оглянулась. По зеркалу уже снова скользили голубые волны. Когда они рассеялись, Оля снова увидела Яло, улыбнулась ей и помахала правой рукой. Яло ответила ей тоже улыбкой и помахала левой рукой.

Скрипнула дверь.

— Опять ты вертишься перед зеркалом! — сказала бабушка, появляясь в передней. — Небось не отходила от него, пока я была у слесаря... Ну вот, я и получила новый ключ. Смотри, больше не теряй его, Оля!

Оля повисла у бабушки на шее.

— Бабунечка, родненькая, здравствуй, как я рада!

— Батюшки! — растроганно и немного растерянно сказала старушка. — Что это с тобой? Как будто год не виделись, а расстались-то всего десять минут назад.

— Как ты запыхалась, бедненькая! И почему я сама не пошла за ключом?

— Да ведь ты же боялась темноты.

Оля горячо поцеловала бабушку.

— Что с тобой, девочка? Чем ты так взволнована?

— Я тебе все, все расскажу.

— Да что случилось?

— Я просто, бабушка...

— Ну что? Что?

— Я просто... посмотрела на себя со стороны.

Обняв растроганную, улыбающуюся бабушку, Оля украдкой взглянула в зеркало и снова помахала рукой Яло. И странно: ей показалось, что Яло запоздала ответить ей таким же движением и, замешкавшись, смахнула со щеки слезу. Впрочем, все это, конечно, Оле только показалось...

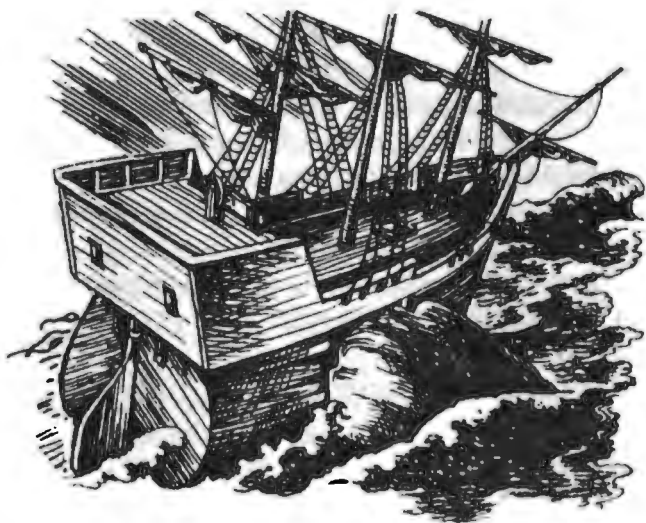
ТРОЕ НА ОСТРОВЕ

ПРОСТОР НА ВОДУ

**Иллюстрации
В. Алексеева**

**Глава первая,
В КОТОРОЙ В МОИ РУКИ ПОПАДАЕТ
ВОЛШЕБНЫЙ ПЛАТОК**

Это случилось однажды вечером, когда я читал книгу о приключениях морских разбойников. Вы, конечно, знаете, как интересно читать такие книги...

Океан. Шторм. Парусный корабль под названием «Калоша дьявола» терпит бедствие. Волны с грохотом хлещут на палубу. Бесится ветер. Сорваны паруса, и на голой мачте болтается черный лоскут с белым черепом и скрещенными костями. А капитан морских разбойников с широченными плечами и красным носом кричит:

— Пираты! Тысяча чертей и одна ведьма! Справа по борту какой-то остров! Клянусь брюхом акулы, здесь мы добудем золото!

Я лежал на диване в столовой, пристроив поближе настольную лампу, и одну за другой жадно проглатывал истрепанные страницы старой книжки. Глухой шум трамвая, доносившийся по временам с улицы, казался мне упоительным рокотом океанского при-

боя. Я не расслышал, как в столовую вошла мама, и вздрогнул, услышав ее голос:

— Ну, знаешь, дорогой, это никуда не годится!

— Что? — спросил я, не поднимая головы от книги.

— Я говорю, что это никуда не годится!

— Это ты, мама? — пробормотал я, все еще не в силах оторвать глаз от страницы.

— Нет, это не я! — сердито сказала мама.

— Ты уже пришла с работы?

— Нет, я не пришла!

— То есть как? — растерялся я и сел на диване.—

Ах, ты шутишь...

— Наоборот, я очень рассержена, Боря!

— Чем, мамочка? — сладким голоском спросил я и постарался сделать удивленные глаза, хотя прекрасно понимал, чем она недовольна.

Мама стояла посреди комнаты, сокрушенно покачивая головой.

— Ты обещал мне подмести квартиру?

— Я не успел... Я подмету, мамочка...

Она ушла в соседнюю комнату, и я услышал оттуда новое восклицание:

— Какое безобразие!

— Где, мамочка?

Она вернулась в столовую с небольшим синим платком в руке:

— Ты сегодня был в школе?

Уж этого мама могла бы не спрашивать: ведь она отлично знала, что я никогда не пропускаю занятий. Правда, однажды такое случилось, когда у Петьки Халютина оценилась собака и я ходил смотреть щенят. Но ведь это было давно — недели две назад или даже больше.

— Ты был в школе? — повторила мама.

— Конечно.

— А я думала, что ты весь день пролежал в кровати. Почему ты не убрал постель?

— Я не успел, мамочка... Понимаешь, я немного проспал... и я боялся опоздать в школу.

— С завтрашнего дня ты будешь вставать вместе со мной и застилать кровать у меня на глазах.

— Да зачем же, мамочка? — взволновался я. — Ведь я учусь во второй смене.

— Ступай! — строго проговорила она.

— Куда? — захныкал я. — Стелить кровать? Да зачем же? Ведь все равно нужно будет опять ложиться спать.

— Боря! — повысила мама голос.

И я мрачный двинулся в спальню.

— погоди минутку, — остановила она меня. — Ты обедал?

— Да...

— А посуда?

— В кухне...

— Чистая?

— Мамочка... — замялся я.

— Даже перед соседями стыдно, — вздохнула мама. — Ах, дорогой друг, не любишь ты у меня работать!

— Все работай да работай! — наконец не выдержал я. — Ни минуты покоя!

— Ни минуты покоя? Это у тебя-то?

Я увидел, как она согнала с лица улыбку и, наверно, для того, чтобы не рассмеяться, прикусила нижнюю губу.

— Эх, — продолжал я, понимая, что если мама и сердится, то не так уж сильно, — изобрести бы такую машину, которая сама будет и подметать, и посуду мыть!..

— И стелить кровать! — иронически прибавила она и махнула на меня синим платком. — А ты целыми днями будешь валяться с книжкой на диване.

— Да, а ты знаешь, какая книга интересная! Тут описывается, как пираты потерпели кораблекрушение. У них был главарь по кличке Рыжий Пес.

— Ну вот что, Рыжий Пес,— сказала мама,— мне сейчас очень некогда. Я должна выполнить одно поручение фабрики и уйду ненадолго. А ты... постели кровать — раз,— она начала загибать пальцы,— подмети пол — два, вымой посуду — три. Кстати, зачем ты рылся в шкафу?

— Искал чистые носки.

— Носки лежат на верхней полке, а ты перевернул весь шкаф и зачем-то бросил на пол бабушкин платок, который мы храним вот уже пятнадцать лет. Понимаешь, это же память о твоей бабушке!

— Ах, это, кажется, тот самый платок, который бабушка называла волшебным?

— Да,— кивнула мама,— так его называла бабушка. Возьми платок и положи на место. А уроки ты сделал?

— Сделал,— сказал я, позевывая и рассматривая синий платок.

— Все уроки?

— Все... Нет, алгебра осталась... Мамочка, ты же знаешь, что по алгебре я занимаюсь с Милой Улыбиной и с Юркой Беловым. Они сейчас придут.

— Тогда поскорей все приberi, чтобы тебе не пришлось краснеть перед товарищами. До свидания, мой Рыжий Пес... Нет, мой рыжий поросенок! — Мама поцеловала меня в щеку и пошла к двери.

— Мама, а зачем на этом платке завязан узелок?

— О, в этом узелке, говорила бабушка, и заключается вся сила волшебства! — загадочно проговорила она и скрылась за дверью.

«Шутит со мной, как будто я маленький,— недовольно подумал я, ощупывая узелок.— Разумеется никакого волшебства на свете никогда не было и не может быть,— рассуждал я.— Но почему же бабушка называла его волшебным? Платок как платок, немного вылинявший от времени. Бабушка, должно быть, носила его на голове, как все старушки». Я внимательно ос-

мотрел платок и даже по-нюхал его. От старого шелка чуть-чуть пахивало нафталином.

Тут я вспомнил, что должен сделать до возвращения мамы целую уйму дел, и мне сразу сделалось грустно.

Стелить кровать, подметать пол, мыть посуду — и так каждый день! Неужели человек не может прожить без всякой работы? Надоело мне все это хуже горькой редьки, вот возьму и не буду работать! Буду читать книгу про морских разбойников!

Я вздохнул и сел на диван. Конечно, если бы этот платок действительно был волшебным, тогда другое дело. Махнуть бы этим платком и сказать... Я задумался: что бы такое сказать?

— Диван, поднимись в воздух,— сказал я, усмехаясь про себя, и махнул платком.

И вдруг, к моему ужасу, почувствовал, что вместе с диваном поднимаюсь в воздух...

Глава вторая, В КОТОРОЙ Я НАЧИНАЮ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА

— Ай-ай! — закричал я, цепляясь за стену.— Что такое? Кто меня поднимает? Ай-ай! Не балуйте! Это ты, Юрка? Когда ты пришел?

Диван поднялся примерно на два метра от пола и повис в воздухе неподвижно и так прочно, словно стоял на ножках.

— Хватит валять дурака! — сердито сказал я.— Опусти, пожалуйста, диван!

В комнате было тихо. На улице прогрехотал трамвай, и я услышал, как тоненько задребезжала электрическая люстра. Я перегнулся с дивана и заглянул вниз. Там никого не было. На том месте, где стоял диван, я увидел пыльные меточки, которые остаются на полу, когда передвигаешь мебель.

Мне стало жутко. Я похолодел. Потом почувствовал жар. Выходит, что синий платок действительно волшебный! Значит, моя бабушка была волшебницей? Жаль, что я никогда ее не видел...

Но что мне теперь делать? Как опустить диван? Я спрыгнул на пол, оступился, больно ударившись о пол коленкой, и запрыгал на одной ноге. Когда боль прошла, я попытался притянуть диван к полу, но скоро выбился из сил. Получалось ужасно глупо! Не может же этот диван вечно торчать под потолком...

И вдруг я вспомнил: надо, кажется, махнуть платком.

— Диван, опустишь на место,— строго сказал я и махнул платком.

Диван опустился так быстро, что у меня захватило дыхание. Едва он стукнул о пол четырьмя ножками, я сорвался с места и заплясал посреди комнаты. Я стал волшебником! У меня в руках страшная, удивительная сила! Что бы теперь придумать? Какое совершить чудо?

Я вытер пот, выступивший на лице, и, облизнув пересохшие губы, взмахнул платком:

— Хочу, чтобы квартира была подметена, кровать постелена и посуда помыта!

Что-то ярко блеснуло, легкий вихрь прошел по квартире, шелохнув мои волосы. Паркетный пол в комнате засверкал так, что я зажмурился. В каждой половине отсвечивала люстра. Пожалуй, даже дюжина полотеров не смогли бы так великолепно натереть пол.

Я бросился в спальню и, словно на льду, поскользнулся на паркете и растянулся во весь рост. На четвереньках я добрался до порога и заглянул в спальню.

Кровать была постелена так аккуратно, как это умеет делать только одна мама!

Я поднялся и, осторожно ступая по скользкому паркету, отправился в кухню.

У столика с нашей посудой стояла высокая пожилая соседка по квартире, та самая, которая говорит мужским голосом и на подбородке у которой растут жесткие седые волосинки. Я всегда ее немножко побаивался.

— Странно,— сказала она густым басом,— что случилось с вашей посудой?

— А что? — спросил я, делая рассеянное лицо.

— Стояли грязные тарелки, и вдруг в одно мгновение они стали чистыми. Это ты их вымыл, что ли?

— Ну конечно,— соврал я без зазрения совести.

— Странно,— недоверчиво покачала она головой.

Но тут в передней раздался звонок, и я побежал открывать дверь. Это пришла Мила Улыбкина, худенькая девочка с толстой светлой косой и маленьким острым носом. Все ребята считали ее самой красивой в нашей школе, но я никогда не находил этого.

— А Белов еще не пришел? — спросила она, входя в комнату, и сощурилась.— Ох, как блеснит пол!

— Мила! — торжественно заговорил я.— Скажи, ты во мне ничего не замечаешь?

— Что именно? — удивилась она.

— Я не изменился? Может, глаза у меня не такие...

— Глаза как глаза, чуть зеленоватые, как у лягушки.

Я взволнованно глотнул воздух:

— Мила! Я стал волшебником!

В ту минуту, кажется, мои слова не произвели на нее никакого впечатления. Она посмотрела на меня, как на дурака, села на диван и, подышав на замерзшие пальцы, начала поправлять бантик на своей косе.

Я повторил:

— Мила, я волшебник!

Она неопределенно фыркнула, перебросила через плечо косу и неторопливо расправила на платье черный передник.

— Слышишь, что я говорю? — рассердился я.

— Я не люблю, когда мне говорят глупости,— ответила она спокойно.

— Я не шучу!

— Не дури, Борис!

— Честное слово!

Она иронически сморщила свой маленький нос:

— Волшебник; а решать задачи по алгебре не умеешь.

— Я уже решил! — воскликнул я.

— Покажи!

— Вон на столе тетрадка...

Она подошла к столу, а я тем временем махнул платком и прошептал: «Хочу, чтобы все задачи были решены».

Мила открыла тетрадку, и я увидел, как она вздрогнула. Ее лицо все больше вытягивалось, брови все выше поднимались на лоб, а серые глаза стали совсем круглыми.

— Просто удивительно! — пожала она плечами. — Кто тебе помог? Мне кажется, что у тебя изменился почерк... Ты никогда не писал так аккуратно.

— Я теперь все могу! — быстро сказал я, даже не взглянув в тетрадку, которую удивленная Мила рассматривала очень внимательно. — Я же сказал тебе, что я стал волшебником!

— Бессовестный вун! — Она закрыла тетрадку и снова села на диван. — Ну, хорошо, если ты стал волшебником, сделай так, чтобы... — Она задумалась, не зная, как уличить меня во лжи. — Сделай так, чтобы в этой комнате пошел снег!

— Пожалуйста! — Я отвернулся и махнул платком.

Что тут началось! Со всех сторон на нас с пронзительным свистом обрушился ледяной ветер. Комнату затянуло мглой, в лицо с силой ударили колпчие дробинки снега, и я почувствовал, что у моих ног растет сугроб. Снег набивался за шиворот и в рукава, метель слепила глаза, и я с трудом разглядел Милу, которая с ногами забралась на диван. Гремящий, хлещущий ветер валил Милу с дивана. Одной рукой она судорожно держалась за валик, а другой прикрывала голову. Словно издали слышал я слабый, жалобный голосок:

— Довольно, Боря... Довольно!

Мне самому было не по себе. Я махнул платком, и в одно мгновение все успокоилось. Лампа в люстре горела ровно и ярко, нигде не виднелось ни одной снежинки, и только в ушах немного звенело.

— Ага! — закричал я. — Что ты теперь скажешь?

— Я ничего не понимаю, — призналась она, зябко потирая плечи.

— Хочешь, я еще что-нибудь сделаю?

Она спрыгнула с дивана и испуганно замахала руками.

— Нет, нет, не хочу!.. Слушай, как ты делаешь этот фокус со снегом?

— Это не фокус, а настоящее волшебство!

— Не верю...— совсем неуверенно сказала Мила и, услышав в передней шаги, быстро прибавила: — Вот, кажется, идет Юрик Белов... Если ты волшебник, сделай так, чтобы он... превратился в негритенка!

Почему ей захотелось, чтобы Юрка стал черным, я не знаю. Она все проверяла меня и придумывала задания потрудней. Я расхохотался. Должен признаться, что мне очень понравилась эта мысль — превратить Юрку в негритенка. Я незаметно махнул платком и уставился на дверь, силясь представить себе, как будет выглядеть мой приятель.

Но когда он, как всегда стремительно, ворвался в комнату и поскользнулся на паркете, я ахнул и растерянно опустился на стул.

Он был черным как смола, белели только зубы.

— Вы чего на меня так уставились? — спросил он подозрительно.

— Ты... ты сам на себя посмотри...— пролепетала Мила, указывая на зеркало.

Юрка сделал шаг к зеркалу — и отшатнулся.

— Тьфу ты! Где это я так вымазался? — захохотал он и начал вытирать носовым платком лицо.

— Не три, Юрка, не поможет,— покачала головой Мила.— Тебя заколдовал Борис.

— Заколдовал? Враки.

— Я сама не верила, только это правда, Юрик!

Я сказал, не сводя с него глаз:

— Ты теперь не Юрий Белов, а Юрий Чернов!

Совсем неожиданно он вдруг заплясал и весело проговорил:

— Ребята, а это здорово! Мне всегда немножко хотелось побывать негритенком!

Он был так доволен, что даже не спросил, каким образом я превратил его в чернокожего. Меня это даже чуточку обидело. Уж слишком много Юрка был занят собственной особой и совсем не удивился, что я стал волшебником. Как будто я только и делал всю жизнь, что творил чудеса!

— Я могу тебя расколдовать, — сказал я.

— Потом... Мне так нравится. Очень симпатичное лицо, правда, Мила?

— Да, конечно... — нерешительно согласилась она. — Только я не привыкла видеть тебя вот таким.

Юрка потирал черные руки.

— Завтра в школе все мальчишки полопаются от зависти, когда меня увидят. Только ты, Борька, больше никого не делай негритенком, а то будет неинтересно. Пусть я буду один негр на всю школу!

— Ладно, — согласился я. — Вообще я могу сделать все что угодно!

— Например, что? — заинтересовался он.

Я задумался.

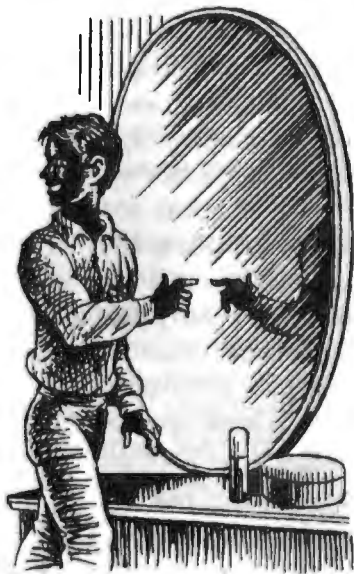
— Например... например, перенестись на необитаемый остров!

— Очень хорошо! — захлопала в ладоши Мила. — Только не на север, я не люблю, когда холодно.

— В жаркие страны, — предложил Юрка. — На какой-нибудь остров посреди океана!

Я мечтательно сказал:

— Поживем всласть! Так, чтобы совсем не нужно было работать! А то мама каждый день пилит: посте-

ли кровать, подмети пол, вымой посуду! Все работай да работай! Хорошо бы без всякой работы пожить!

— А мы можем вернуться? — спросила Мила.

— В любую минуту, как только нам надоест. Поехали?

— Поехали! — решительно сказал Юрка. — А на чем?

— Я и сам не знаю... Закройте глаза! Эй, чур, не подсматривать!

Увидев, что они зажмурились, я махнул платком.

Что-то загремело и заскрежетало, и сразу наступила полная темнота. Потом какие-то огни — красные, желтые, синие, зеленые — вихрем закружились вокруг нас. Наконец огни исчезли, и все смолкло. В тишине я отчетливо услышал нарастающий шум морского прибоя. Ослепительный луч солнечного света ударил мне в лицо. Я заслонился от солнца ладонью и вдруг увидел, что справа и слева от меня покачиваются какие-то ветки. В ту же секунду я услышал рядом восторженные крики моих приятелей.

— Океан! — задыхаясь от волнения, пищала Мила.

— Пальмы, лианы! — вторил ей Юрик.

— Ананасы!

— Бананы!

Мы стояли, окруженные пышной тропической растительностью. Невидимые птицы свистели и щелкали в зелени. Пахло какими-то цветами и сыростью. А глубоко внизу, под обрывом, клубилась пелена океанских волн. Зеленоватые валы накатывались на скалы и с шумом разбивались о камни. По временам ветер доносил до нас прохладный туман брызг.

Глава третья,

В КОТОРОЙ Я ССОРЮСЬ СО СВОИМИ ПРИЯТЕЛЯМИ

Разумеется, мы прежде всего обследовали остров. Он оказался довольно большим и совершенно необитаемым. Густой тропический лес, скалы, тихие лагуны с прозрачной водой, в которой сверкали рыбы, теп-

лый песок на берегу лагун — все было просто роскошно!

Усталые, изнемогающие от жары, но совершенно счастливые, мы наконец решили отдохнуть в тенистом ущелье, увитом какой-то зеленью.

— Хорошо бы чего-нибудь холодненького сейчас! — сказала Мила, садясь на камень.

Вы, наверное, догадались, что я сделал. Мои приятели только слабо ахнули, увидев, как в ущелье вдруг появились круглый стол и три удобных мягких кресла. На столе стояли вазочки с мороженым и большая ваза пирожных!

Это был настоящий пир. Таких сладких и вкусных вещей я не ел никогда в жизни. А кругом пели, свистели и щелкали птицы, мощно шумел прибой, и бесчисленное количество солнечных зайчиков сверкало в волнах океана.

— Больше не могу, объелась, — сказала Мила, блаженно откидываясь на спинку кресла. — Ребята, а мне нравится такая жизнь.

— Еще бы! — усмехнулся я.

— Вот так бы каждый день, — потянулся в кресле Юрка.

— Ну, каждый день, я думаю, надоест, — вздохнула Мила.

— Ничего, можно привыкнуть, это не алгебра, — сказал я.

Мы помолчали, прислушиваясь к шуму прибоя.

— А что мы теперь будем делать? — спросил Юра.

— Ничего! — сказал я.

Они недоуменно переглянулись.

— То есть как?.. — Мила посмотрела на меня своими широко открытыми серыми глазами.

— А просто так: ни-че-го! Мы зачем сюда попали? Чтоб отдохнуть от работы — ведь правда?

— А-а... — разочарованно протянула она.

Юрка почесал черным пальцем кончик черного носа и проворчал:

— Странно... Что ж, мы теперь должны вот так сидеть, и... все?

— Угу,— не очень уверенно сказал я.

Должен честно признаться, что и самому мне сидеть без движения было не очень приятно, но теперь отступать было поздно, и я продолжал:

— А вам что, не нравится, что ли?

Мила снова взглянула на мрачного Юрку и тихонько проговорила:

— Н-нет... В общем, нравится...

— Нравится, да не очень,— проворчал Юрка.

Мы умолкли. В тишине было слышно, как внизу шумит океан. Огромная птица с многоцветным, как у павлина, хвостом села на краешек скалы и, склонив голову, рассматривала нас круглым глазом. Мы тоже молча рассматривали ее. Это длилось долго. Наконец я почувствовал, что мои глаза заволакивает туман, а птица начинает двоиться и троиться. Я начал клевать носом. Но тут Мила вскочила, вспугнув длиннохвостую птицу, и сказала:

— Ребята, вот там среди камней ручеек. Я помою посуду.

Она собрала хрустальные вазочки и отправилась к ручейку. А я тем временем незаметно махнул платком и увидел, что Мила вдруг остановилась.

— Чего ты стала? — крикнул ей Юрка.

— Понимаешь, посуда уже чистая...

Она вернулась к нам, подозрительно глядя на меня.

— Это опять твои фокусы, Борис?

— Ладно, садись, Мила,— махнул Юрка рукой.

Мы опять надолго замолчали. Мила ворочалась в кресле, кряхтела и в конце концов опять не выдержала:

— Борик, мы тут намусорили на камнях...— Она умоляюще посмотрела на меня.— Можно, я подмету?

Я пожал плечами. Она подняла сухую пальмовую ветку и приготовилась подметать. Но я опять слегка тряхнул платком, который держал в опущенной руке.

— Ну, это уже безобразие! — закричала Мила, отшвыривая ветку. — Весь мусор исчез.

— Красота!.. — без всякого вдохновения проговорил Юрка. — Борька, довольно дурить, идемте ловить рыбу.

Мила запрыгала на месте и захлопала в ладоши:

— Ловить рыбу! Ловить рыбу!

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы приготовить обед, — убеждала она меня. — Не можем же мы обедать мороженым! Тут одни сладости, Борик.

Я покачал головой:

— Ловить рыбу — это уже работа. А на этом острове никто не работает. Вот вам...

И к их ногам неизвестно откуда свалилась огромная серебристая рыба.

— О-о-о!.. — в один голос разочарованно протянули Мила и Юрка.

— Вам не нравится эта рыба? — спросил я.

— Нет, нравится... Только, Борик, разреши мне, пожалуйста, ее зажарить. — В серых глазах Милы светилась самая искренняя мольба. — Пожалуйста, Борик! Я хорошо умею жарить рыбу.

— Когда будет нужно, она сама зажарится...

— Довольно! — вдруг закричал Юрка, вскакивая с кресла. — Надоели мне твои фокусы! Мила, идем ловить рыбу!

— Идем, Юрик, — обрадовалась она.

— А твой судак нам не нужен! — Юрка схватил рыбу за раздувающиеся жабры и швырнул с обрыва.

— Идите, пожалуйста, я вас не задержу... — пожал я плечами, глядя, как они спускаются со скалы. — Эй, постойте! А чем вы будете ловить? Хотите, я вам сделаю сети или удочки?

— Сами сделаем! — ответил Юрка, цепляясь за камни.

— Сумасшедшие, в океане жуткие волны! Слышите, как там свистит ветер? Вы утонете!

Мила ответила громко и радостно:

— Пускай ветер, пускай буря! Лучше буря, чем ничего не делать!

Они скрылись за выступом скалы, но я еще долго слышал тонкий голосок Милы, которая весело распевала:

Будет буря, мы поспорим,
И поборемя мы с ней...

Мне было невыразимо скучно. Чтобы как-нибудь скоротать время, я сотворил для себя еще несколько пирожных. Но они не полезли в рот. Мне захотелось пить, и на несколько минут я развлек себя тем, что пустил из скалы шумный и звонкий фонтан нарзана. Вода была вкусная и холодная, и я пил ее до тех пор, пока не почувствовал, что живот стал тугим, как барабан. Я сел в кресло, наблюдая, как пенится сбегаящий в океан ручеек, и в конце концов заснул.

Проснулся я от толчка в плечо и вздрогнул, увидев черное лицо Юрки, освещенное красноватыми отблесками костра. Был вечер. Далеко в океане, за линией горизонта, чуть-чуть розовело небо.

Мила хлопотала у костра. Приятно пахло дымком и жареной рыбой.

— Если так долго сидеть на одном месте, у тебя ноги совсем отсохнут. Вставай, вставай, волшебник!

Юрка помог мне добраться до костра. У меня было такое ощущение, словно мое тело несколько часов подряд колотили палками.

— Вы ловили рыбу? — спросил я. — А волны?

— А мы поворошили мозгами и придумали. Мы ловили рыбу в лагуне моей рубашкой. Потрогай, она еще мокрая. В океане волны, а в лагуне совсем тихо.

— Накупались, наплавались! — живо говорила Мила. — Вода такая хорошая, теплая!

— Накупались, — с завистью сказал я. — А меня не могли позвать?

— Так ведь плавать — это тоже работа! — расхохотался Юрка и язвительно прибавил: — Впрочем, если ничего не умеешь делать, то поневоле будешь бездельничать. — Кто ничего не умеет делать? — возмутился я.

Мила посмотрела на меня так, словно видела меня впервые.

— Борик, а что ты умеешь делать?

— Фокусы... — быстро выпалил Юрка.

Мое самолюбие было задето.

— Я все умею делать! А вот интересно, что ты, Юрка, сам умеешь делать?

Он развел руками:

— Ну, всего, конечно, как ты, я не умею...

Мила с укором сказала мне:

— Борик, он у нас молодец! Смотри, какой он устроил костер.

— Подумаешь, костер! Разве так дрова кладут? Нет никакого притока воздуха.

— Покажи, как надо! — запальчиво крикнул Юрка.

— Пожалуйста, могу показать...

Я начал показывать, и костер, конечно, очень скоро погас.

— Хм... — смущенно пробормотал я. — Дрова сырые. Дайте спички...

— Спичек нет, — кусая губы от сдерживаемого смеха, проговорила Мила.

— Хм... Сейчас я сделаю спички.

— Опять фокус? — подозрительно спросил Юрка. — А ты без фокуса.

— Без фокуса? Хорошо, дайте подумать... Ну, ясно, чтобы добыть огонь, нужно увеличительное стекло.

— Чем ты думаешь, Борька? Во-первых, увеличительного стекла нет, а во-вторых, если бы оно даже и было, то что бы ты с ним стал делать, когда солнце уже зашло?

— В таком случае... — лихорадочно соображал я, — в таком случае можно добыть огонь при помощи трения дерева о дерево.

— Потри попробуй!

Я неуверенно взял две ветки и минут пять тер их одну о другую. Меня все больше раздражали молчаливые улыбки приятелей. До боли стиснув зубы, напрягая силы и покрываясь потом, я все тер и тер. А проклятые ветки даже не сделались теплыми. Шумел океан, ясные и крупные звезды блестели в вышине, ухала в темноте какая-то птица.

— Не мучайся,— сказал наконец мне Юрка.

— Это дерево не годится,— отбросил я ветки и растегнул воротник на взмокшей рубашке.

Он подошел ко мне и покачал головой.

— С твоим терпением никакое дерево не загорится.— Он улыбнулся, и на его темном лице блеснули зубы.— Я читал, что дикари на добычу огня таким способом тратили много часов. Но есть способ и проще. Видишь вот этот сухой нарост на дереве?

— Ну?

— Это называется трут. Берем немножко трута... Смотри, вот так... Кладем в костер. Теперь я этой железкой и камнем высекаю искру...

Костер задымился, вспыхнуло пламя, и вокруг нас заплясали тени. Юрка снова приблизил ко мне свое лицо.

— Понял?

Я был посрамлен и оттолкнул его довольно грубо.

— Чего ты толкаешься?

Я молчал.

— Слышишь, ты чего толкаешься? — вскипел Юрка.

— Я тебя еще не так толкну! — вспыхнул и я.

— А ну толкни, толкни!

— Ребята, перестаньте! — закричала Мила, вскакивая, но мы уже сцепились и рухнули на землю.

Я сразу почувствовал, что чернолицый Юрка сильнее меня. Он прижал мои лопатки к камням, и один из них так больно впился в мою спину, что я взвизгнул:

— Пусти, Юрка!

— Ну то-то! — уже миролюбиво проговорил тот, поднимаясь и отряхиваясь.

— Борик, иди к костру, — позвала Мила.

— Не хочу, — сказал я. — Скучно все это... Ребята, давайте придумаем что-нибудь интересное.

Они посмотрели на меня заинтересованно.

— Что?

— Какое-нибудь интересное приключение. Стойте! Я уже придумал.

Да, это был удивительный платок! Едва я махнул им, как засвистел ветер, и в ярком свете выплывшей из-за леса луны мы увидели в океане корабль. Ветер бил в раздувавшиеся паруса, и корабль швыряло с волны на волну, как скорлупу. Черный флаг с белым черепом и скрещенными костями развевался на мачте.

Ни слова не говоря друг другу, мы побежали к обрыву. Первой заговорила Мила:

— Какой страшный флаг!

— Это, конечно, пираты? — вопросительно посмотрел на меня Юрка.

— «Калоша дьявола», — сказал я. — Это самые страшные пираты мира! Гроза южных морей. Ребята, вот это приключение!..

Глава четвертая,

В КОТОРОЙ МЫ ПОПАДАЕМ В ПЛЕН К ПИРАТАМ

— Ой, ой! — вдруг закричала Мила. — Смотрите, ребята, волны несут корабль прямо на камни! Он сейчас разобьется!

Молча и быстро, царапая до крови руки, мы начали спускаться со скалы. Внизу на камнях пенился ревущий океан. А дальше на волнах шевелилась широ-

кая дорога. Темный силуэт корабля стремительно пересек эту дорогу и скрылся за изгибом острова. А еще через минуту мы услышали глухой удар и пронзительный треск ломающегося дерева.

Внизу мы сняли ботинки и побежали по песку. Нагретый за день солнцем, он все еще был теплым. Потом нам пришлось вброд перейти через маленький заливчик. От океана его отделяла гряда рифов, на которых ревели и разбивались могучие волны.

За поворотом мы увидели корабль: Он лежал на камнях, и океанские волны перекатывались через него. Черные фигуры людей сновали по берегу. Они что-то спасали с погибшего корабля, волны сбивали их с ног, но они поднимались и снова что-то тянули. Мне показалось, что это была бочка.

Наконец пираты выбрались на сухое место. Теперь нам хорошо были видны в лунном свете крепкие фигуры этих людей. Их было пятеро.

— А что, если они увидят нас? — наклонилась ко мне Мила, сиюсь перекричать шум прибоя.

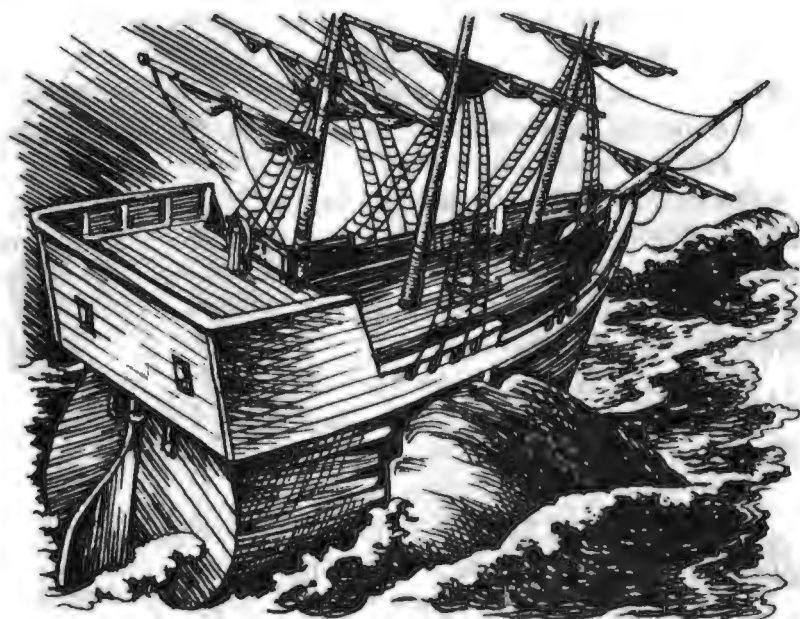
— Пускай увидят. Не страшно!

Но на самом деле мне стало очень страшно, когда я увидел, что пираты двинулись в нашу сторону. Мы пустились наутек, в заливчике я споткнулся о подводный камень и с головой окунулся в солоноватую воду. Ребята помогли мне выбраться на песок в ту минуту, когда пираты подошли к заливчику.

Задыхаясь от волнения и быстрого бега, мы домчались до скалы и начали подниматься вверх. Мокрая одежда хлюпала и мешала мне. Я скользил на камнях и срывался.

— Скорей, скорей! — торопила Мила, насмерть перепуганная этим неожиданным приключением.

Можете представить наш ужас, когда мы увидели, что следом за нами к нашему костру поднимаются и пираты! Но тут я подумал: «А чего я боюсь? Ведь у меня есть волшебный платок!»

Я сунул руку в карман и крепко сжал платок в кулаке. Другой рукой я неторопливо подбросил в костер хворосту и совсем спокойно взглянул на подходящих к нам морских разбойников.

Впереди выступал в полосатой тельняшке и в высоких ботфортах плечистый мужчина с рыжими бакенбардами. Я сразу узнал его. Он приближался к нам, держась за пояс, на котором висел большой изогнутый нож. Пламя костра сверкало в его черных глазах.

Я сделал шаг ему навстречу.

Пират остановился, снял с головы блестящую клеенчатую шляпу и сказал хрипловатым басом:

— Бедные моряки, потерпевшие кораблекрушение у этих берегов, приветствуют юную леди и юного джентльмена.

Он сделал знак остальным четырём пиратам, и все они также стянули со своих голов клеенчатые шляпы и поклонились нам. Они были один страшнее другого — точно такие были нарисованы у меня в моей приключенческой книжке.

— Здравствуйте, Рыжий Пес! — сказал я.

— О-ля-ля! — воскликнул пират с рыжими бакенбардами. — Юный джентльмен знает мое имя?

— Я читал о вас в книге.

Рыжий Пес взглянул на своих спутников и горделиво тряхнул гривой рыжих волос.

— Тысяча чертей и одна ведьма! Я всегда был уверен, что мое имя переживет меня!

— А это Рваное Ухо, — указал я на коренастого пирата с большим оттопыренным ухом, в котором отсутствовала мочка.

— Вы точно смотрели в воду, сэр! — кашлянул он.

— А это Кошачий Зуб! — продолжал я.

Низенький человек с большим носом и тонкими усами неопределенно хмыкнул.

— А вас, кажется, зовут Кривой Ногой? — сказал я пирату со смуглым восточным лицом, в ухе которого покачивалась серьга.

— Так точно, сэр.

— А меня, сэр? — почтительно склонился огромный человек с черной повязкой, закрывающей один глаз.

— Одноглазый!

— Ха! — восторженно воскликнул он.

Как я потом убедился, этим коротким словом он выражал восторг, и недоумение, и все другие свои чувства.

Пираты склонились к своему капитану и о чем-то пошушукались. У Рваного Уха был такой громкий и сви-

стящий шепот, что, когда он заговорил, мне сразу стало ясно, что их всех беспокоит.

— Капитан, — шипел человек с расплюснутым ухом. — Нет ли здесь подвоха? Может быть, этих детей нарочно выпустили на нас и, пока мы точим с ними ляды, нас окружит стража?

— Молчи, Рваное Ухо! — пробасил Рыжий Пес, небрежно отталкивая его. — Ты всегда был трусом. Посмотри, девочка, кажется, сама трясется от страха. Сейчас мы все выясним.

Держа в руках шляпу, капитан сделал шаг вперед и продолжал, обращаясь к нам:

— Не скажут ли молодая леди и юный джентльмен, где находятся их достопочтенные родители? Клянусь брюхом акулы, нам не терпится засвидетельствовать им свое почтение.

— Это невозможно, капитан,— сказал я.

— Почему, сэр? Разве нельзя послать за родителями вашего слугу? — и Рыжий Пес ткнул пальцем в чернолицего Юрку.

— Я не слуга! — вздрогнул Юрка.

— Молчи, бой! — рявкнул Рыжий Пес. — Клянусь брюхом акулы, ваш чернокожий дьяволенок не умеет разговаривать с господами!

— Что? — вдруг громко вскрикнула Мила, которая до сих пор робко жалась к скале. — Он не дьяволенок, а наш хороший товарищ! И вы не имеете права так называть его!

Она говорила все это очень быстро, наступая на Рыжего Пса и размахивая руками перед самым его носом. Я никогда не видел Милу такой сердитой. Капитан отмахнулся от нее, как отмахиваются от назойливой мухи, пожал плечами и расхохотался.

— Не вижу ничего смешного! — кричала рассерженная Мила.

Рыжий Пес с любопытством рассматривал ее. Он даже отступил на один шаг.

— Прощу прощения, миледи. Я обошел на своей лоханке полсвета, пока она не разбилась на этих проклятых рифах, но я никогда не видел, чтобы белые дружили с черными.

Я потянул Милу за рукав и сказал пирату:

— Видите ли, Рыжий Пес, есть другие полсвета, где дружат все люди.

— Но не хотел бы я туда попасть!

— А вас туда и не просят! — громко выпалила Мила.

Стоявший в отдалении и не перестававший что-то жевать Кошачий Зуб невнятно пробормотал:

— Не могу сказать, что хозяева гостеприимно встречают своих гостей.

— А пусть гости не обижают хозяев! — не унималась Мила.

— Ха! — словно выстрелил Одноглазый. — Разве черные могут быть хозяевами?

Он стоял перед нами, расставив ноги в ботфортах и уперев руки в бока.

— Таковыми же, как белые! — резко проговорил Юрка, заражаясь горячностью Милы.

— Ха!

Человек с серьгой в ухе неторопливо подошел к капитану, припадая на одну ногу.

— Капитан, не вздернуть ли нам негритенка на этой пальме?

— Не торопись, Кривая Нога, всему свой черед, — поморщился Рыжий Пес и, заметив, что я их слушаю, сладко улыбнулся мне: — Скажите же, сэр, как нам повидать ваших родителей?

— Наших родителей нет на этом острове, — ответил я простодушно. — Мы здесь одни.

Это было непростительной глупостью. Пираты переглянулись, а Кошачий Зуб зажевал что-то еще быстрее.

— Вы жуеете табак? — наконец сообразил я, с интересом наблюдая, как перекатываются под его загорелой кожей желваки и смешно топорщатся усы.

— Так точно, сэр... — заулыбался Кошачий Зуб.

— Так я и думал! — сказал я Миле и Юрке. — Настоящие морские волки всегда жуют табак и курят трубки.

Мягко ступая на носках, как будто крадучись, ко мне подошел Кошачий Зуб. Я уже заметил, что все его движения были легкими и даже грациозными. Он очень походил на артиста балета. Церемонно кланя-

ясь мне, Кошачий Зуб проговорил мурлыкающим, грудным голосом:

— Хотите попробовать, сэр? Чудесный табачок, сэр! Всегда такое ощущение, точно у тебя во рту ночевали лошади.

Пираты захохотали дружно и громко.

— Нет... не надо... — сказал я. — Спасибо..

Кривая Нога протянул мне дымящуюся трубку.

— Может быть, вам дать мою трубочку, сэр? Две-три затяжки, и у вас будет такое блаженное состояние, словно вы наглотались гвоздей пополам с пауками и пиявками.

— Нет... спасибо...

— Ха! — проговорил Одноглазый. — Молодой джентльмен не жует и не курит табак. Зато он любит, наконец, этот напиток, сладкий, как змеиный яд! — Одноглазый протянул мне большую фляжку.

— Вино? — догадался я.

— Нет, сэр! Ром! Отхлебните, сэр. Нам удалось спасти целый бочонок. Чем больше пьешь, тем короче путь на кладбище.

Я отстранил рукой фляжку, которую Одноглазый держал у моих губ, и покачал головой:

— Я не тороплюсь на кладбище.

Пираты снова расхохотались.

Рыжий Пес издал вдруг какой-то странный шипящий звук. В ту же секунду пираты бросились на нас и скрутили нам руки. Я слышал, как громко стонала Мила и как кричал и сопел, отбиваясь от пиратов, Юрка.

— Пустите! — что было сил закричал я. — Вы не имеете права!

— Ха! — усмехнулся Одноглазый, связывая мне руки.

Он приблизил свой единственный глаз к моему лицу, и я увидел в черном зрачке столько ярости и жестокости, что почувствовал, как весь холодею от ужаса.

Глава пятая,
В КОТОРОЙ ВСЕ ОБОРАЧИВАЕТСЯ
САМЫМ НЕОЖИДАННЫМ ОБРАЗОМ

— Юную леди и юного джентльмена привязать к пальмам! А негритенка — ко мне! — приказал Рыжий Пес.

Меня и Милу крепко прикрутили к деревьям. Рыжий Пес тем временем важно опустился в кресло, и к его ногам швырнули бедного Юрку. Рыжий Пес торжественно пробасил:

— За белых птенцов, пираты, мы потребуем хороший выкуп — мешок денег! А ты, негритенок, будешь служить мне. Слушайте все! Я назначаю себя губернатором этого острова. Ура губернатору!

— Ура-а!.. — заорали пираты.

И где-то в скалах откликнулось раскатистое эхо. В темноте в недалеком лесу шумно вспорхнула стая испуганных птиц.

— Мы вас не признаем губернатором! — крикнула Мила.

— Воркуйте, воркуйте, птенчики! Клянусь брюхом акулы, это только услаждает мой слух! — посмеивался Рыжий Пес.

Пираты по-хозяйски расположились на нашей площадке и съели зажаренную на костре рыбу, запивая ее ромом. По мере того как эти страшные люди отхлебывали из своих фляжек, они делались все развязней и болтливей и наконец запели песню:

Чтобы сладко есть и пить,
Без труда на свете жить,
Нужно денежки добыть,
Ой-ха-ха!..

А чтоб денежки добыть,
Нужно лишь пиратом быть,
Обмануть, украсть, убить,
Ой-ха-ха!..

От свирепых голосов и дикого смеха мороз проди-
рал по коже. В конце концов они перепились и захра-
пели.

— Ах, если бы у меня были свободными руки! —
зашептал я своим товарищам. — Юрка, ты не можешь
каким-нибудь образом развязать нас с Милой?

— Не могу, — простонал он из темноты.

Луна закатилась, костер погас, и вокруг нас черной,
плотной стеной стоял мрак. Все потонуло в этой не-
проницаемой и жуткой темноте.

— Юрка, — умолял я, — попробуй как-нибудь дополз-
ти до нас. — Я слышал, как он вздохнул.

— Рыжий Пес привязал меня к своей ноге...

Мила тихонько всхлипывала:

— Противный Борька... Зачем ты нас затащил на
этот гадкий остров?

Что я мог ответить? Я молчал, глотая слезы обиды
и бессильной злобы. Под конец я задремал, уронив
голову на грудь.

Проснулся я от зычного крика Рыжего Пса. Было
светло. Солнце сверкало в синих волнах океана, снова
свистели и щелкали в лесных зарослях птицы.

Пираты суетились на площадке. Рыжий Пес сидел
в кресле, величественно поглядывая на стоявшего пе-
ред ним на коленях Юрку. Я заметил, что руки у Юр-
ки были уже развязаны.

— Может быть, ты тоже не признаешь меня губер-
натором? — спросил Рыжий Пес, расчесывая свои ог-
ненные бакенбарды серебряной гребенкой.

— Я вас презираю! — страстно и громко воскликнул
Юрка.

Рыжий Пес вскочил, и его красный нос побагровел
еще больше.

— Чисти мои сапоги, бой!

— Ха! — прищелкнул языком Одноглазый.

Все пираты столпились вокруг Юрки.

— Чистить ваши сапоги? — качнул Юрка курчавой головой. — Да ни за что!

Я просто обомлел от его храбрости и только ахнул, когда увидел, как он преспокойно плюнул на сапог капитана.

Рыжий Пес отшвырнул Юрку ногой и заревел, словно бык:

— Вздернуть чернокожего на эту рею! — И он указал пальцем на дерево.

Пираты подхватили Юрку на руки, набросили на его шею петлю и, похохатывая, потащили к пальме.

— Боря!.. — истерически закричала Мила.

— Рыжий Пес, не смей! — Я задыхался от волнения. — Слышите, не смейте! Ох, если бы у меня были свободными руки!

Пираты расхохотались. Вообще, как я заметил, они хохотали по всякому поводу и даже без повода.

Ко мне подошел Одноглазый и больно потянул за ухо.

— Уж не думаешь ли ты, птенец, что если бы у тебя были свободными руки, то ты поколотил бы его превосходительство нашего губернатора?

— И еще как поколотил бы!

Они, конечно, не могли отнестись к моим словам всерьез и опять захохотали, хватаясь за животы и приседая.

— Ваше превосходительство,— давясь смехом, с трудом выговорил Кошачий Зуб,— вам сделали вызов! Бокс! Восемь раундов!

У Рыжего Пса от смеха выступили слезы. Он вытер глаза кулаком и поднес его к моему носу.

— Тысяча чертей и одна ведьма! Мне это нравится! Клянусь брюхом акулы, это будет самое веселое представление в мире! Ну-ка, развяжите птенцов!

Потирая затекшие руки, я незаметно махнул волшебным платком и прошептал:

— Хочу быть сильным и непобедимым.

Пираты, посмеиваясь, расчищали от сучьев площадку, а Мила и Юра в это время пораженно шептались мне:

— Ты сошел с ума, Борька!

— Он убьет тебя одним ударом!

— Посмотрим!..— сказал я и пошел навстречу Рыжему Псу.

— Внимание! — пробасил капитан.— Сейчас начнется представление! Мальчишка! Слышишь, мальчишка? Знаешь ли ты, что в Лос-Анжелосе и в Рио-де-Жанейро я дважды побил Шестипалого Джека?

— Знать не знаю никаких Шестипалых и не понимаю, зачем вы хвастаетесь, Рыжий Пес,— сказал я, глядя прямо в его глаза.— Наверно, вы боитесь, что я вас побью!

— Я боюсь? — взревел Рыжий Пес.— Смотри сюда, мальчишка!

Плечистый, рыжеволосый, он подошел к большому, величиной с одноэтажный дом, замшелому камню.

Этот камень словно врос в землю на краю обрыва. Напрягаясь и тяжело дыша, Рыжий Пес попытался сдвинуть его с места плечом. Конечно, это было ему не под силу. Однако он сказал, вытирая пот с красного лица:

— Ты видишь, этот камень сдвинулся с места. Неужели тебе не страшно, мальчишка?

— Что же тут особенного? — пожал я плечами и, засучив рукава, показал пиратам свой указательный палец. — Вы видите этот палец? Так... Теперь смотрите...

Я подошел к обрыву и совсем легонько ткнул камень пальцем. Земля зашевелилась у нас под ногами — это камень вывернул целые пласты песка и глины. Сначала медленно, словно нехотя, камень перевернулся два раза вокруг себя, а затем с оглушающим грохотом, сбивая и увлекая за собой другие камни, полетел в океан. Было слышно, как внизу всплеснулись волны, и каскад брызг взметнулся до самой площадки.

— Ха! — сказал в наступившей тишине Одноглазый.

— Вот это волшебство! — тихонько вскрикнула Мила.

Все пираты были в замешательстве. Но тут Кошачий Зуб крикнул:

— Случайность! Самая обыкновенная случайность, уверяю вас. Губернатор сдвинул камень, и он уже держался на волоске!

— Конечно, случайность, ваше превосходительство, — подтвердил Рваное Ухо. — Разве по силам птенцу опрокидывать скалы?

Рыжий Пес наконец пришел в себя от изумления:

— Тысяча чертей и одна ведьма! Если мальчишка действительно силен, то тем приятнее будет его поколотить!

— На ринг, на ринг! — хрипло закричали пираты.

— Держись, Борис! — шепнул мне Юрка подбадривающе.

Мила задержала меня и сказала умоляюще:

— Борик, может быть, лучше отказаться?

— Отказаться? — сжал я кулаки. — Нет уж, тысяча чертей и одна ведьма!

Все умолкли. Мы сошлись с Рыжим Псом в самом центре площадки и, как это делают настоящие боксеры перед началом боя, пожали друг другу руки. Когда я протягивал ему руку, то видел над собой могучую гору в полосатой тельняшке, увенчанную рыжей растительностью. Но вдруг эта гора присела и завизжала:

— Ай-ай!.. Не могу! Ой, больно!.. О, моя бедная рука! Отпусти же мою руку, мальчик!

Я отпустил его руку, и он отпрянул от меня, пританцовывая от боли и дуя на пальцы.

— Что случилось, Рыжий Пес? — спросил кто-то из пиратов.

— У этого мальчишки не руки, а клещи!.. Сейчас я его нокаутирую!

Он сделал молниеносный выпад, с силой ударил меня в левую скулу. Но как это ни странно, я не почувствовал этого удара, а Рыжий Пес отлетел на несколько метров, словно наткнулся на стену.

Все безмолвствовали.

— Ничего не понимаю... — бормотал Рыжий Пес, потирая кулак.

— Ты боишься его, Рыжий Пес? — сказал Кошачий Зуб.

— Что? — заревел капитан. — Я его боюсь? Я сделаю сейчас из него медузу!

Как бык, наклонив голову и вращая налившимися кровью глазами, он двинулся на меня. Честное слово, я стукнул его совсем не сильно. Но Рыжий Пес пролетел через всю площадку, сбив с ног Кривую Ногу, и плашмя грохнулся на камни. Я видел, как безмолвные, потрясенные пираты склонились над ним и разжимали стиснутые зубы, чтобы влить в рот глоток рома.

Мила подпрыгивала возле меня на одном месте, не в силах сдержать своего восторга.

— Ты самый сильный человек на свете, Борик!

Юрка изумленно заглядывал мне в лицо:

— Как ты все это делаешь, Борька?

Я не успел ответить, потому что услышал за спиной крадущиеся шаги и оглянулся. Вынув кривые ножи и свирепо вращая глазами, на нас наступали четверо пиратов. Рыжий Пес сидел в отдалении и указывал на меня пальцем.

Я смело принял этот неравный бой. Через несколько секунд четыре морских разбойника валялись на камнях.

— Ага, получили?! — закричала Мила.

Один за другим, трусливо оглядываясь, пираты уползли за обрыв.

Глава шестая,

В КОТОРОЙ КОШАЧИЙ ЗУБ ПРЕДЛАГАЕТ МНЕ БЫТЬ КАПИТАНОМ ПИРАТОВ

— Полная победа, ребята! Небось больше не явятся! — сказал я и, обняв Юрку и Милу, положил им на плечи руки. А это мне никак нельзя было делать, потому что оба они в ту же секунду полетели на землю.

— Чего вы? — обескураженно спросил я.

Они поднялись, потирая плечи.

— Что ты положил нам на плечи?

— Руки...

— Это не руки, а какие-то железные рельсы.

Только теперь я начал понимать по-настоящему, что обладаю невероятной, нечеловеческой силой. Я пощупал свои пальцы, локти, мускулы — казалось, что все было таким же, как всегда. В рассеянности я оперся на пальму. Дерево затрещало и переломилось, словно спичка. Оно с шумом рухнуло на площадку, накрыв своими ветками Милу. Я хотел помочь ей подняться, но она живо вскочила на ноги и бросилась от меня наутек.

— Борис, это невозможно!

— Да, да, Борька, так нельзя! — крикнул мне Юрка, высовывая лицо из-за скалы. — Не подходи ко мне, пожалуйста. Стань сначала таким, как прежде.

Я отлично понимал, что так продолжаться не может, и, превратив себя в обычного человека, бросил волшебный платок на ствол упавшей пальмы.

— Ребята, идите сюда, я теперь такой же, как всегда.

Они осторожно приблизились и ощупали меня.

— Да, теперь ты, кажется, похож на человека, — успокоенно проговорил Юрка. — Объясни наконец, как ты все это устраиваешь.

— Очень просто... — сказал я. — Но согласитесь сначала, что волшебником быть очень приятно!

Они помолчали.

— Чего вы молчите?

— Как бы тебе сказать?... — задумчиво сказал Юрка. — Мне понравилось, как ты колотил... Но...

— Что «но»?

— Но ведь так бывает только в сказке.

— Совершенно правильно, — оживилась Мила. — А в настоящей жизни до всего надо доходить вот этим. — Она показала на свой лоб. — И вот этим. — И она показала на свои руки.

— Да ну вас! — рассердился я. — Смотрите, какие птицы полетели!

Это была стая красивых длиннохвосток с разноцветными перьями. Они промелькнули над нами с певучим клекотом и скрылись в лесу.

— Мы уже видели одну такую, — сказал Юрка. — Очень похожи на павлинов. Наверно, у них вкусное мясо. Вот бы поймать и изжарить на костре!

Я полез в карман за волшебным платком, совсем позабыв о том, что он лежит на стволе пальмы.

— Пожалуйста... Сейчас эта птица свалится к твоим ногам.

— Стой, Борька! — остановил он меня. — Ты хочешь опять сделать какой-нибудь фокус? А что если мы поймаем ее, как настоящие робинзоны?

— А как же мы поймаем эту птицу, Юрка?

— В силок.

Я отошел в сторонку и начал придумывать схему силка. Но в это время Юрка крикнул:

— Вот и все! — И показал мне небольшую веревочку с петлей.

— Только и всего? — Я был разочарован. — Хм... У меня получается побольше.

Я показал Миле и Юрке свою схему, которую начал чертить на площадке. Они переглянулись и рассмеялись.

— В такой силлок, Борька, надо ловить не птиц, а диких слонов.

— Смешной ты, Борик, — вздохнула Мила, с улыбкой глядя на меня. — Ничего-то ты не умеешь.

— Это я не умею? — взорвался я.

— Ты только не сердись.. Я же по-дружески...

— Хватит! Надоели мне ваши нотации.

В эту минуту мы отчетливо слышали страшную песню пиратов и умолкли. Я подбежал к обрыву. Морские разбойники сидели на песке и отхлебывали из фляжек. Океан был спокойным, как ягненок. Там, где недавно klokотал прибой, чуть-чуть шевелились ленивые и прозрачные волны.

Я видел, как Кошачий Зуб сделал какой-то знак Одноглазому и отполз в сторону. Одноглазый загородил от него Рыжего Пса.

— Кошачий Зуб опять лезет к нам, — зашептала возле моего уха Мила. — Боря, мне это надоело!

— Да, Борька, пора домой, — опасливо вглядываясь в приближающегося пирата, сказал Юрка. — Дома, наверно, уже беспокоятся.

— Погодите, ребята... Смотрите. В руках у Кошачьего Зуба белый флаг. Они предлагают нам мир?

— А ну их! — топнула ногой Мила.

— Нет, это интересно, что они нам скажут. Давайте послушаем.

— Только ты на всякий случай опять стань сильным, — предложил Юра.

— Что ты! Теперь они и так будут меня бояться! — небрежно сказал я.

Мы отошли в сторону. Сначала из-за камней высунулся белый флаг, а затем показалась усатая физионо-

мня Кошачьего Зуба. Увидев нас, он умиленно и почтительно заулыбался:

— Сэр! Я прислан к вам как парламентар.

— Вижу,— сурово сказал я.— Что вам надо?

Он по-прежнему жевал табак. И, переложив его языком из-за щеки за щеку, с той же почтительностью продолжал:

— Сэр! Я уполномочен сделать вам чрезвычайно важное предложение.

— Я слушаю.

Он вылез на площадку и сел на камень.

— Видите ли, сэр... Разговор должен быть секретным..

Я посмотрел на приятелей и понял, что они встревожены.

— Не беспокойтесь, ребята...

Грациозно изгибаясь, Кошачий Зуб приблизился ко мне, ступая на носках.

— Сядем, сэр...

Мы сели на ствол пальмы.

Юрка и Мила скрылись в ущелье.

— Если что — свистни! — крикнул мне издали Юрка.

— Если только вы...— предостерегающе сказал я.

Кошачий Зуб испуганно отодвинулся, подвигав в подобострастной улыбке свои кошачьи усы:

— Что вы, что вы, сэр!

— Я вас слушаю.

— Мы признаем вашу полную непобедимость, сэр, и предлагаем вам быть нашим капитаном!

Я смотрел на него во все глаза.

— Что? Я — вашим капитаном?

— Да, сэр.

— У вас есть капитан.

— Рыжий Пес? Мы убьем его, сэр,— спокойно сказал Кошачий Зуб.

Тут я даже привскочил:

— Убьете своего товарища? Да как же вам не советственно говорить это?

Кошачий Зуб сделал какое-то изящное движение рукой:

— Таков закон жизни, сэр. Сильные бьют слабых. Рыжий Пес свое уже сделал. Мы держали его, пока он был нужен, но теперь он сыграет в ящик, сэр! Он не захочет уйти по доброй воле, и нам придется его убирать. Да, сэр, таков закон жизни!

— Это какой-то... звериный закон! — возмущался я.

Кошачий Зуб посмотрел на меня со снисходительной улыбкой:

— Будем откровенны, сэр, как джентльмен с джентльменом... Мы живем для того, сэр, чтобы поменьше работать, но иметь побольше!

Он говорил все это, пережевывая табак и поглаживая мне руку. Но вдруг он скрестил свои руки на груди, и я похолодел, увидев, что мои маленькие ручные часы, которые мне подарила мама в день рождения, исчезли.

— Эй, Кошачий Зуб, отдайте мои часы!

— Ваши часы, сэр? Какие часы?

— Которые вы сейчас сняли с моей руки!

Он глуповато заулыбался и вернул мне часы:

— Простите, сэр, привычка. Больше не буду... Это называется клептоманией, сэр. Когда я работал клерком, все в конторе знали мою болезнь и берегли свои вещи. Совершенно не могу видеть чужую вещь, чтобы не положить в карман... Да, так что вы все-таки думаете о нашем предложении, сэр?

— Мне не нравится ваша жизнь...

— Ах, сэр, я уже сказал вам, что все мы живем для того, чтобы работать поменьше, а иметь побольше! Для этого всегда один человек пожирает другого. Вот, например, мой родной дядя... Он раньше был пиратом, сэр! Он убил и ограбил сто восемьдесят два человека и стал миллиардером!

— Какой ужас! — вырвалось у меня.

— А теперь дядю знает вся страна, и его охраняет полиция, — мурлыкающим голосом продолжал Кошачий Зуб, пережевывая табак. — Обратите внимание на то, сэр, что мой дядя сейчас ровным счетом ничего не делает и только ходит по воскресеньям в церковь, чтобы помолиться Богу. На него работают другие, и уж будьте уверены, он дерет с них три шкуры, сэр! А разве это не тот же разбой? Вообще, все люди в той или иной степени разбойники. Согласитесь, сэр, что это очень приятно — ничего не делать, а иметь много.

— Это... неправильно...

Кошачий Зуб хитро подмигнул мне:

— А разве вы сами, сэр, любите работать?

Я не сразу нашел, что ответить, и замялся.

— Говорите, говорите, не стесняйтесь, сэр,— подбадривающе похлопал он меня по плечу.

— Я... люблю... работать...

Он рассмеялся, не открывая рта и топорща усы. Сейчас он еще больше походил на кошку.

— Не верю, сэр, хоть убейте!

— Я не буду вашим капитаном,— сказал я решительно.

— Сэр...

— Нет, нет! Не хочу!

Кошачий Зуб приподнялся и взмахнул рукой:

— С вашей ужасающей силой, сэр, мы подчиним себе все моря и океаны! Мы ограбим и убьем тысячи людей! — Он говорил, все более увлекаясь, и глаза его алчно засверкали. — Вы станете самым богатым человеком в мире и сможете всю жизнь не работать! На вас будут работать другие! Только подумайте, сэр: до самой смерти ничего не делать!

— Я не разбойник и не миллиардер, чтобы ничего не делать.

— Весьма сожалею, сэр, что вы отказываетесь от своего счастья. Но я думаю, что вы еще подумаете и согласитесь.

— Уходите! — сказал я сердито.

— Но я хотел...

— Уходите! Ну?!

Он мягко отскочил от меня, не переставая кланяться.

— Уношу ноги...— Кошачий Зуб вдруг выпрямился и потянул носом воздух.— Сэр! Сейчас будет шторм! Будет страшный шторм, не приведи Бог! Я знаю эту лужу, как лягушка свое болото, и не говорю попусту. Штормы налетают в этих местах мгновенно, и спасения от них нет! Ищите убежище, пока не поздно, сэр!

Он торопливо убежал.

Глава седьмая,
В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ,
ЧТО МОЙ ВОЛШЕБНЫЙ ПЛАТОЧЕК ИСЧЕЗ

Я продолжал сидеть на стволе упавшей пальмы, совсем расстроенный разговором с Кошачьим Зубом. Больше всего меня обижало и возмущало то, что пираты, эти воры и убийцы, посмели обратиться ко мне с гнусным предложением, словно видели во мне своего единомышленника.

Печальные мысли все больше овладевали мной. Какие наглецы! Ну, допустим, я не люблю подметать пол, стелить кровать, мыть посуду... Но ведь это, в сущности, мелочь, и она не дает им никакого права втягивать меня в свою шайку. А может быть, это не такая уж мелочь, как мне кажется? Мама не раз говорила, что на таких мелочах и проверяется характер человека!

Мои грустные размышления нарушили Мила и Юрка.

— Борик, а что он тебе говорил?

— Всякие глупости...

— Что именно? — допытывался Юрка.

— Да так...

— Ты не хочешь нам сказать? — удивилась Мила.

— Ну смотри, Борька, я тебе это припомню! — в голосе Юрки прозвучала обида.

— Ребята,— сказал я смущенно,— Кошачий Зуб предложил мне быть пиратским капитаном.

— Вот болван! — всплеснул Юрка черными ладонями.

— Я его прогнал...

— Как ему только это пришло в голову? — весело рассмеялась Мила и вдруг подняла лицо к небу.— Ребята, вы посмотрите, как потемнело.

Из-за линии горизонта на океан напоззала величественная темно-фиолетовая туча. Солнце уже скры-

лось за ней, и потоки лучей тонкими шпагами вырывались из-за разорванных вихрящихся концов тучи.

Было очень тихо. Не шумел океан, и на его потемневшей глади не было заметно ни одной шероховатости. Только теперь я обратил внимание на то, что в лесу умолкли все птицы, которые совсем недавно наполняли воздух щебетаньем. Острые листья на пальмах висели не покачиваясь, словно мертвые. Все застыло в каком-то оцепенении. Стало трудно дышать. Воздух был тяжелым и душным.

— Кошачий Зуб сказал, что сейчас будет шторм,— проговорил я, роясь в кармане.— Кажется, он прав. Я читал, что все затихает перед штормом. Но нам этот шторм не страшен...

Последние слова я сказал уже не очень уверенно, потому что не обнаружил в кармане своего волшебного платка.

— Что ты ищешь? — спросила Мила.

— Платок... Где мой платок?

— Синий платок? Ты, кажется, положил его сюда... на ствол пальмы.

— Где? Где он?

Платка нигде не было.

Кривая молния разрезала тучу и словно провалилась в океан. Слабо затрепетали над нашими головами листья деревьев, и в ту же минуту мы увидели, как с океана к берегу идет, растянувшись на несколько километров, высокий черный вал. Только на самой его вершине пенилась вода.

Следом за этим валом шел второй, еще более высокий и грозный. А дальше уже ничего не было видно, потому что фиолетовая туча опустилась к самому океану и скрыла бушующие волны.

На нас пахнуло холодом, зашелестели, зашептали густые листья в кронах деревьев. Со страшной силой рывкнул гром, и почти в ту же секунду с пушечным грохотом разбился о берег первый вал. Стволы де-

ревьев закачались и затре-
щали, и мою рубашку взду-
ло ветром.

— Ищите, ищите! — кри-
чал я. — Ищите, иначе мы
погибли!

Второй вал разбился с
еще большим шумом. Кас-
кады брызг взлетали над
скалой и градом забараба-
нили по нашей площадке.

Мы бросились в ущелье.
Но и туда ворвалась раз-
яренная пена третьего вала.

Милу подхватила волна и понесла из ущелья. Уцепив-
шийся за камень Юрка с трудом удержал ее. Но в это
время на нас обрушилась новая волна и понесла всех

в глубину ущелья. Вероятно, она и спасла нас. Задышавшись и глотая соленую воду, я выбрался на какой-то скользкий выступ.

Стало темно, как ночью. Но молнии вспыхивали одна за другой, и в их синеватом свете я видел, как копошатся на другой стороне ущелья Мила и Юра. Все грохотало и выло вокруг. Казалось, мир рушится.

Потом тяжелым водопадом ударил тропический ливень, сверху посыпались камни, и один из них больно стукнул меня по голове. Я потерял сознание.

Глава восьмая, В КОТОРОЙ МЫ ПЫТАЕМСЯ НАЙТИ ВЫХОД ИЗ ТРУДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Удивительно, что я совершенно ясно слышал, как по комнате ходит мама. Я лежал в постели и, не открывая глаз, спросил:

— Это ты, мамочка?

— Я...— послышался ее голос.

— Ты уже пришла с работы?

— Да...

— Я подмел комнату и вымыл посуду.

— Молодец, сынок! — сказала мама, как мне показалось, сдерживая смех.

— Сейчас я встану и уберу кровать.

— Очень хорошо.

Я приподнялся и протер глаза.

— Такая кровать жесткая... Все тело болит... Понимаешь, мамочка, мне приснился кошмарный сон...

— Какой?

— Будто я, Мила и Юрка...— Я отнял от лица руки, которыми тер глаза, и отшатнулся.

Надо мной склонялись улыбающаяся Мила и черноты Юрка. Оказывается, это Мила разыгрывала меня, подражая голосу мамы.

— Значит, сон продолжается? — со страхом спросил я.

— Продолжается! — вздохнула Мила.

— Юрка, ущипни меня.

— С удовольствием! — обрадовался Юрка и ущипнул меня так крепко, что я привскочил.

— Ну-ну, ты не очень, пожалуйста...

В ущелье было светло и сухо, над самой головой сверкало солнце, и где-то неподалеку посвистывали птицы. Было слышно, как внизу вздыхает океан.

— Вот это был шторм! — восторженно проговорил Юрка. — Меня так трахнуло камнем по коленке, что я до сих пор не могу ступить на ногу.

— А у меня все руки в синяках, — пожаловалась Мила.

— У меня у самого болит голова, — сказал я. — Ребята, что же мы будем теперь делать?

— Как что? — удивилась Мила. — Отправляться домой.

— Это невозможно...

— Ой, почему? — испуганно вскрикнула она.

— Я ведь говорил вам, что у меня пропал платок...

— Не морочь нам голову! — сверкнул глазами Юрка. — При чем тут платок?

— Это волшебный платок...

— Никогда не думал, что платки бывают волшебные. Чепуха какая-то.

— Чепуха? А как мы попали на этот остров, ты об этом знаешь?

— Ничего я не знаю.

— Так вот знай — с помощью волшебного платка!

Лица моих приятелей стали очень серьезными. Я видел, как у Милы задержался подбородок.

— А если... платка нет?

— Значит...— сказал я, чувствуя, что у меня самого начинается дергаться подбородок.— Значит, мы навсегда останемся на этом острове...

Мила и Юрка молчали. Потом я услышал, как Мила всхлипывает.

— Мне надоел этот противный остров! Я хочу домой! Зачем ты нас притащил сюда?

Должен, к своему стыду, сознаться, что тут и я заплакал.

— Перестаньте завывать! — вдруг сердито закричал нам Юрка.

— Я хочу домой! — растирал я кулаком слезы.

— Все хотят домой!

— Я хочу к... к маме...— всхлипывала Мила.

— Все хотят к маме. Борька! Мила! Нам надо что-то придумать.

— Что можно придумать? — безнадежно сказал я.

— Не знаю... Но что-то надо.

— Что? Что?

— Сколько мы пробудем здесь, неизвестно, так?

— Ну, так...

— Нам нужно где-нибудь жить? Ведь правда?

— Правда...

— Нам нужно есть?

— Нужно...— согласился я.— Мне хочется есть.

Осененная какой-то мыслью, Мила перестала плакать и выпрямилась. Слезинки еще сверкали на ее ресницах.

— Давайте строить дом, ребята!

Посоветовавшись, мы решили построить дом где-нибудь в лесу, чтобы его не нашли пираты. И, не раздумывая больше ни минуты, отправились в чащу.

Когда мы спускались со скалы, ветер донес до нас смех и хриплые голоса пиратов. Они распевали свою песню:

А чтоб денежки добыть,
Нужно лишь пиратом быть,
Обмануть, украсть, убить,
Ой-ха-ха!..

— Наверное, опять пьют ром,— покачала головой Мила.

Я с тревогой прислушивался к их песне.

— Боюсь, что они все равно убьют нас... Они такие сильные...

— Не убьют! — ободряюще сказал Юрка. — В общем-то они бездельники и пьяницы! Не трусь, Борька!

Глава девятая,

В КОТОРОЙ Я НАЧИНАЮ ПОНИМАТЬ СМЫСЛ ОДНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ПЕСНИ

После шторма в лесу парило. Мы с трудом пробились сквозь заросли, наполненные криками птиц и шелестом бесчисленного количества крыльев. То и дело ноги попадали в невидимые в траве лужи, оставшиеся после тропического ливня. А с деревьев на нас сыпался град капель. Очень скоро мы промокли до нитки.

Лес становился все гуще. Деревья с огромными черными стволами сплетали над нашими головами ветки, закрывая солнце. Повсюду, словно уснувшие змеи, свисали лианы. Изредка солнечный свет пробивался сквозь кроны деревьев длинными тонкими пальцами, и тогда схваченные этими пальцами капли дождя сверкали, как хрустальные стеклышки.

Мы устали, хотелось есть и пить.

— Я больше не могу, ребята,— сказала наконец побледневшая и осунувшаяся Мила.

— Да, давайте отдохнем,— предложил я.

Но Юрка, шедший впереди нас, не оборачиваясь, крикнул:

— Только, пожалуйста, не вешайте носы!

В эту минуту из-под его ног выпорхнула большая птица, похожая на утку. В гнезде мы обнаружили несколько крупных яиц и тут же разбили и выпили их. Теперь мы почувствовали себя куда лучше и даже развеселились.

Внезапно впереди блеснул яркий свет, и мы вышли на большую поляну. Я широко открыл глаза: посреди поляны мирно пощипывали траву два светло-серых

теленка! Они подняли головы на тонких красивых шеях и уставились на нас немигающими темными глазами.

— Лани! — вскрикнул Юрка. — Ребята, они совсем не боятся нас!

— Ну, ясно! — подтвердил я. — Остров необитаемый, и они никогда не видели людей.

Однако когда мы приблизились к ним и Мила уже протянула руку, чтобы погладить их, они стремительно сорвались с места и исчезли в чаще.

— Ничего, все равно поймает, — пробормотал Юрка, почесывая затылок. — Их мясо, наверно, очень вкусное.

— Ты с ума сошел! — возмутилась Мила. — Я ни за что не буду их есть! Вы видели, какие у них красивые задумчивые глаза?

— Вегетарианка! — заворчал Юрка. — Интересно, чем же ты будешь питаться? Может быть, травой?

— Юрик, мне жалко их...

На черном лице Юрки засветилась хитроватая улыбка.

— А тех яиц, которые ты сейчас ела, тебе не жалко? Ведь из них могли бы вылупиться птицы с задумчивыми глазами!

— Ох, какие вы все, мальчишки, жестокие! — вздохнула Мила.

В конце поляны мы обнаружили одинокую скалу высотой примерно с трехэтажный дом. Вернее, это был огромный камень, попавший сюда, должно быть, еще в доисторические времена, во время какого-нибудь землетрясения. У подножия камня журчал родник с чистой водой. Яркие цветы, растущие вокруг родника, отражались в воде.

Мы не сразу увидели эту скалу, потому что сама природа тщательно замаскировала ее в зелени деревьев. Вся скала была густо увита ползучими растениями.

— Тра-ля-ля! — запел Юрка. — Ребята, в таких случаях Архимед говорил: «Эврика!» Здесь будет наш дом.

— Где?

— В пещере!

— Где ты видишь пещеру?

— Протри глаза!

Наконец я разглядел овальный вход в пещеру на высоте восьми—десяти метров.

— Туда трудно добраться...

— Вот и хорошо, что трудно. Мы сможем там спокойно спать, без боязни, что нас захватят пираты.

Пока Мила собирала на поляне цветы (девчонки всегда приходят в восторг от цветов), мы с Юркой, цепляясь за лианы, с невероятным трудом добрались до пещеры и сели у входа, свесив ноги и тяжело дыша.

— Придется складывать из камней лестницу, — сказал я.

Юрка метнул на меня презрительный взгляд и прикоснулся пальцами к моему лбу:

— Я так и думал: у тебя жар! Ты хочешь, чтобы по этой лестнице вместе с нами в пещеру поднимались и пираты?

— Юрка, но как же мы будем подниматься сами? А Мила вообще сюда не сможет влезть.

— Мы сделаем лестницу из лиан,— сказал Юрка, смотря на меня покровительственным взглядом.— Надо думать, старина! На ночь мы эту лестницу будем поднимать, а утром спускать.

— Юрка, ты гений!

— Я в этом никогда не сомневался,— усмехнулся он.

Мы обследовали пещеру. Она оказалась просторной, уютной и сухой. Наши голоса и шаги гулко отдавались под темным сводом.

Только к вечеру мы сплели лестницу и натаскали в пещеру травы и сухого мха. Постели получились превосходные. Я блаженно вытянулся на своем мягком ложе, чувствуя, как гудят от усталости все мускулы моего тела. В лесу стемнело, но вход в пещеру освещался розовыми отблесками костра, на котором Мила жарила пойманную Юркой птицу. Я слышал, как Мила напевала в тишине:

Работай, друг,
И станет, друг,
Легко на свете жить!
Враг в трудный час
Не сломит нас,
Коль будем мы дружить!

Запомни, друг,
Что пара рук
Не мало дел свершит.
«Терпенье, труд
Все перструт»,—
Народ наш говорит.

Пришла беда —
Будь смел всегда,

Пусть взор горит, как луч,
Трудись бодрей,
Будь веселей,—
Союз друзей могуч!

В нашем пионерском отряде мы частенько распевали эту песенку. Но никогда раньше ее слова не волновали меня так, как сейчас. Ведь действительно, если у тебя хорошие друзья и если ты любишь работать — ничто не страшно!

Юрка, наверно, подбросил в костер хворост, потому что я слышал, как затрещали ветки, и вход осветился еще ярче. А я лежал и думал: «Дорогие мои Юрка и Мила! Какие вы хорошие товарищи! Что бы я без вас делал сейчас? Да, чудесно жить на свете, если у тебя настоящие друзья!»

Я так расчувствовался, что к моему горлу даже подступил комок. Но в это время Юрка крикнул:

— Волшебник, иди есть!

Я спустился по лестнице и уселся у костра. Какой вкусной оказалась жареная птица! Мы вгрызались зубами в горячее, ароматное мясо, и жир золотыми каплями стекал по нашим подбородкам и пальцам.

— Тебе не жалко ее? — съязвил Юрка, кося глаза на Милу.

Она не ответила.

— Не найдут ли нас пираты? — сказал я, с тревогой поглядывая в темную чашу.

— Могут найти за милую душу. — Юрка отбросил в темноту кость и старательно вытер травой руки и подбородок. — Нам нужно произвести разведку и узнать, что они замышляют. Всегда полезно знать, что делается в стане врагов.

Он рассуждал прямо как опытный полководец, и я посмотрел на него с уважением.

— А как мы найдем дорогу обратно? — беспокоилась Мила. — В этом лесу очень легко заблудиться.

Юрка указал пальцем на родник:

— Эта водичка поможет нам найти путь к нашей пещере.

— Каким образом? — удивился я. — Юрка, ты иногда говоришь умные вещи, но сейчас ты что-то загибаешь.

Юрка поднялся во весь рост и взмахнул рукой. Черное его лицо со сверкающими глазами, в которых отражались отблески догорающего костра, сейчас было удивительно красивым.

— Я загибаю? Вы видите, что из этого родника вытекает ручей? Как вы думаете, куда он течет?

— Не знаю.

— Туда же, куда текут все реки мира! Ты очень плохо учил географию в школе. Я уверен, что этот ручей впадает в океан. По берегу ручья мы всегда сможем идти туда и обратно!

**Глава десятая,
В КОТОРОЙ Я УЗНАЮ,
КЕМ ПОХИЩЕН ВОЛШЕБНЫЙ ПЛАТОК**

Утром я отправился по берегу ручья к океану. На нашем совете было решено, что я произведу разведку, а Мила и Юра тем временем соберут побольше кокосовых орехов. Мы вспомнили, что молоко кокосовых орехов очень питательно, а нападало их с пальм после шторма очень много. Крупные, твердые и тяжелые, покрытые жестковатой щетиной, они валялись всюду. Я то и дело натыкался на них, когда шел берегом ручья.

Юрка оказался прав: ручей действительно впадал в океан. И путь по ручью оказался куда удобней и короче, чем через лесные заросли. Вскоре я вышел к океану на песок, размытый ручьем. Здесь ручей был уже темным от ила и беспокойным, потому что смешивался с набегающими с океана волнами.

Запомнив получше место, я двинулся к видневшимся неподалеку прибрежным скалам.

Шторм начисто разметал пиратский корабль. Морские разбойники соорудили из разбитых досок подобие какого-то жилища. Черный флаг с черепом и скрещенными костями развевался над их станом.

Я подобрался как можно ближе к этому страшному логову и залег в камнях.

Рыжий Пес, Одноглазый и Кривая Нога ничком спали на песке. Пират с расплюснутым ухом сидел на бочке и курил трубку.

Меня удивило, что они устроили свой лагерь так близко к океану. Но когда Рваное Ухо вынул из бочки затычку и наполнил свою фляжку, я понял, что их удержало здесь. Бочка с ромом! Она была слишком большой и тяжелой для того, чтобы переправить ее в глубь острова. Эта бочка притягивала их к себе, как магнит.

Я долго лежал неподвижно в канаве. Мягкий ветерок шевелил по временам мои волосы. Остро пахло водорослями. Океан мерно вздыхал в двухстах метрах от меня.

В конце концов меня разморило на солнце и начало клонить ко сну. Но в это время Рыжий Пес пошевелился и сел на песке. Солнце слепило ему глаза. Он прищурился, выплюнул попавший в рот песок и поерошил пальцами свои огненные бакенбарды.

Я слышал, как Рыжий Пес длинно, со свистом зевнул.

— Рваное Ухо! — окликнул он.

— Да, капитан, — лениво ответил пират на бочке.

— А где Кошачий Зуб?

— Полез на скалы, капитан. Мы никак не можем понять, куда делись ребята. Они словно провалились сквозь землю.

— Одноглазый, приведи Кошачьего Зуба, — приказал Рыжий Пес.

— Слушаю, капитан. — Одноглазый неохотно поднялся и скрылся за скалой.

Кривая Нога в это время проковылял к бочке и сделал большой глоток из фляжки Рваного Уха.

Рыжий Пес молча проследил за Кривой Ногой и потянулся к своей фляжке.

— Мне кажется, клянусь брюхом акулы, этот Кошачий Зуб что-то замышляет против меня, — заворчал он, делая глоток.

Рваное Ухо и Кривая Нога многозначительно переглянулись.

Рыжий Пес вдруг рывком поднялся и, тяжело ступая по песку, двинулся к бочке.

— Вы молчите? Может быть, вы все теперь в заговоре против своего капитана, тысяча чертей и одна ведьма? А?

Кривая Нога предусмотрительно перешел на другую сторону бочки.

— Мы так преданы тебе, Рыжий Пес!..

Я не знаю, чем кончился бы этот разговор, если бы в лагере не появились Одноглазый и Кошачий Зуб.

— Что делают дети, Кошачий Зуб? — спросил капитан, по-бычьему наклоняя голову, так что глаз его совсем не было видно за мохнатыми рыжими бровями.

Кошачий Зуб стянул с головы клеенчатую шляпу.

— Я не могу найти их, капитан. Я думаю, что во время шторма их смыло волной в океан.

— Врешь, негодяй! — закричал Рыжий Пес, вскидывая голову. — Ты, наверно, в заговоре с ними! Я еще не знаю, что ты замышляешь, но вижу по твоим подлым глазам, что дело нечисто! Разузнайте, куда скрылись ребята, и я уничтожу их! Клянусь брюхом акулы, я их сотру в порошок и пушу по ветру!

— Ты забыл кулаки юного джентльмена, Рыжий Пес? — негромко проговорил Кривая Нога.

— У меня тоже есть кулаки, тысяча чертей и одна ведьма! Может быть, кто-нибудь из вас забыл, как они пробивают черепа? А? Я могу вам напомнить это! — Рыжий Пес сжал кулаки и взметнул их над головой.

Пираты в страхе отодвинулись от своего капитана.

— Ха! — вырвалось у Одноглазого.

— Опустите кулаки, Рыжий Пес, — невесело улыбнулся Кошачий Зуб, — мы их хорошо помним...

Страшно сверкая глазами, Рыжий Пес походил перед бочкой туда и сюда и остановился перед Кошачьим Зубом.

— Что у тебя торчит из кармана?

Прежде чем Кошачий Зуб успел ответить, капитан сделал быстрое движение, и я увидел в его руке мой синий вояшебный платок. В моей груди горячо заколотилось сердце. Так вот кто украл мой платок! Видно, недаром Кошачий Зуб говорил, что не может пройти мимо чужой вещи, чтобы не прикарманить ее. В первую минуту у меня появилось желание вскочить и потребовать свою вещь. Ведь пираты еще не знали, что я потерял силу. Но страх перед пиратами удержал меня.

— Мне нравится эта штука, Рыжий Пес! — зафыркал Кошачий Зуб, хватаясь за нож. — Это моя добыча!

Рыжий Пес неторопливо спрятал платок в свой карман.

— Теперь это моя добыча, Кошачий Зуб!

— Вот как?

Рыжий Пес и Кошачий Зуб сошлись лицом к лицу, глядя друг на друга с какой-то тупой яростью. Это продолжалось долго — минуту, а может быть, и две. Они стояли, держась за ножи, не мигая и чуть-чуть рыча, совсем по-звериному. Наконец Кошачий Зуб не выдержал и отошел в сторону.

Мне было очень неудобно лежать среди острых камней. Я сделал неосторожное движение, камни посыпались и застучали. Пираты сразу умолкли и настожились.

Обливаясь холодным потом, несмотря на то что было очень жарко, я попятился ползком за скалу и бросился в чащу леса. Поминутно оглядываясь и спотыкаясь о корни и кокосовые орехи, я добрался по ручью до нашей пещеры и, совсем обессиленный, упал на траву.

Мила и Юрка жарили на вертеле куски мяса. Как настоящий охотник, Юрка освежевал лань. Серая шкурка сушилась на солнце.

— Если хочешь, можешь сегодня спать на этой шкуре,— сказал мне Юрка.— Мила отказывается, потому что, видите ли, никак не может забыть глаз лани. Но мясо, представь себе, она попробовала и нашла очень вкусным. Ты чем-то взволнован, старина?

Я рассказал о пиратах.

— Дело дрянь,— озабоченно проговорил Юрка.— Раз ты выяснил, что они во что бы то ни стало хотят нас уничтожить, придется смотреть во все глаза!

Обед был такой вкусный, солнце светило так ласково и в лесу так весело пели птицы, что мы мало-помалу развеселились. Мила и Юрка, пока я был на разведке, собрали целую гору кокосовых орехов, и теперь мы перетаскивали их в пещеру. Во время работы Мила запела пионерскую песенку. Я и Юрка подпевали ей:

Работай, друг,
И станет, друг,
Легко на свете жить!
Враг в трудный час
Не сломит нас,
Коль будем мы дружить!

Наступила тревожная ночь. Мы долго не могли заснуть и тихонечко переговаривались, лежа в своих постелях. Наконец Мила и Юрка умолкли, а я еще долго ворочался на мягкой шкуре лани, прислушиваясь к далекому и грозному шуму океанского прибоя.

Глава одиннадцатая,

В КОТОРОЙ ПИРАТЫ ОСАЖДАЮТ НАШУ ПЕЩЕРУ

— Этого еще не доставало!— сказал утром Юрка, морщась и потирая ногу.— Понимаете, я вчера где-то ушиб ее, и сейчас мне больно ступить. А надо бы сходить посмотреть, не попалось ли чего в наш силоч.

— Оставайся дома,— предложила Мила,— все равно кому-нибудь надо сторожить пещеру. А мы с Бориском пойдем. Я знаю, где ты ставил силок.

Мы спустились, и Юрка из предосторожности поднял лестницу.

В силках билась птица с разноцветным хвостом. Мила тут же, в зарослях, оцципала ее, и мы отправились обратно. У меня нет слов, чтобы описать тот ужас, который охватил нас, когда мы услышали на поляне голоса пиратов.

Скрываясь в высокой траве, нам удалось добраться незамеченными до самой поляны.

Пираты сидели вокруг потухшего костра и жадно доедали остатки нашей лани.

— Хорошо, да мало,— проворчал Рыжий Пес, ковыряя в зубах щепкой.

Кошачий Зуб слегка подтолкнул капитана и глазами указал на пещеру:

— Я думаю, у них там есть большие запасы!

— Произвести обследование? — предложил Кривая Нога.

— Непременно! Загляни-ка туда, Кривая Нога.

— Туда не добраться без лестницы,— покачал головой Рваное Ухо.

Но Рыжий Пес приказал односложно:

— Псть!

Он сидел у костра и смотрел, как его подчиненные строят пирамиду. Кривая Нога оказался на самом верху. Но когда его голова поравнялась с пещерой, оттуда вдруг высунулся Юрка и довольно крепко стукнул пирата палкой.

Это было так смешно, что я прикусил язык, чтобы не расхохотаться. Под крики и ругательства пиратов пирамида развалилась. А Юрка очень вежливо сказал:

— Прошу прощения, Кривая Нога. Кажется, я нечаянно задел вас?

Рыжий Пес замахнулся на Кошачьего Зуба:

— Дьявол! Ты же сказал мне, что дети на охоте!
Кошачий Зуб шарахнулся в сторону и ответил почтительно:

— Я видел, как на охоту пошли белые дети, капитан...

Рыжий Пес нерешительно подергал свои бакенбарды, снял шляпу и поклонился Юрке:

— Добрый день, господин бой. Как ваше здоровье?

— А как вы думаете?

— Не знаю, клянусь брюхом акулы...

— Sterегу наш дом.

Рыжий Пес что-то соображал:

— От кого же, господин бой, надо сторожить дом на необитаемом острове?

— Будто вы не знаете...

— От кого же?

Юрка таинственно понизил голос:

— От диких зверей!

— Я не видел на острове ни одного четвероногого, кроме ланей.

— Зато я видел двуногих!

— Ай-я-я! — воскликнул Рыжий Пес, заражаясь игривым тоном Юрки. — Вы видели двуногих зверей?

— Да, именно двуногих, представьте себе!

— Вот как? И много их вы видели?

Юрка демонстративно пересчитал пиратов, указывая на них пальцем:

— Целых пять...

— Вот как? Пять зверей и три ребенка! Ну, так они вас слопают.

— Подавятся! — подмигнул чернолицый Юрка Рыжему Псу.

— У зверей острые зубы, господин бой!

Кошачий Зуб прибавил мурлыкающим голосом:

— А у вас такие нежные косточки!

— Ничего! — бодро ответил Юрка. — У нас есть такие приспособления, которыми мы выбиваем слишком острые зубы!

— Ха! — рявкнул Одноглазый.

— Вы там один, господин бой? — спросил Рыжий Пес.

— Нет, с приятелем...

Рыжий Пес метнул на Кошачьего Зуба бешеный взгляд. Кошачий Зуб безмолвно пожал плечами. Честно говоря, мы с Милой тоже не сразу поняли, какого приятеля Юрка имеет в виду.

— Кто же этот приятель, господин бой? Он или она?

— Она...

— Можно на нее взглянуть?

— Да, конечно, можно! — И Юрка показал пиратам большую палку.

— Хороша приятельница! — кашлянул Кривая Нога, потирая ушибленное место.

Пираты окружили своего главаря и о чем-то пошептались.

— Скажите, господин бой, вы любите деньги? — внезапно спросил Рыжий Пес.

Вопрос был таким неожиданным, что Юрка не сразу сообразил, что ответить.

— Как вам сказать...

— Давайте будем откровенны, господин бой, как джентльмен с джентльменом.

— Вообще я не против денег.

Рыжий Пес торжествующе взглянул на пиратов:

— Так я и думал. Хотите получить много денег, господин бой?

— Сколько? — бодро спросил Юрка.

— Ровно столько, сколько влезет в ваши карманы! И, клянусь брюхом акулы, чистым золотом!

— Интересно, почему вам так захотелось подарить мне золото?

Красная физиономия Рыжего Пса расплылась в улыбке:

— А мы добрые люди, господин бой!

— О, я знаю! — Тут Юрка не выдержал и рассмеялся, показав белые зубы. — А что же я должен сделать, чтобы получить золото?

— Выполнить одно пустячное поручение, господин бой... И заметьте, что это вам ничего не будет стоить, — быстро говорил Рыжий Пес. — Когда молодой белый джентльмен будет есть, посыпьте его пищу порошком...

Рыжий Пес порылся в кармане и что-то показал Юрке.

— А, понимаю! — заговорщицки воскликнул Юрка. — Я должен его отравить?

— Совершенно правильно, господин бой! Я всегда любил догадливых мальчиков!

Обрадованный Рыжий Пес оседлал одного из пиратов и протянул руку к Юрке, который бесстрашно высовывался из пещеры.

— Значит, по рукам, господин бой?

— Нет, по голове! — задорно крикнул Юрка и сразу с размаху ударил палкой по клеенчатой шляпе.

Рыжий Пес взвыл и свалился на землю.

— Тысяча чертей и одна ведьма! Ты мне еще попадешься, чернокожий!

— У нас предателей не бывает, Рыжий Пес! — скрестив руки, наставительно говорил Юрка.

Рыжий Пес топал у костра ногами.

— Жаль, что у нас нет пороха, не то я по кусочкам разнес бы вас всех по этому острову!

Должно быть, я слишком неосторожно высунул из травы голову, потому что кто-то из пиратов в страхе закричал:

— Белый джентльмен!

Пиратов словно сдуло с поляны. С минуту мы слышали удаляющийся треск и шуршание веток.

Посмеиваясь, мы собрались у костра и зажарили птицу. Я совсем расхрабрился:

— Вы видите, они меня по-прежнему боятся! Сегодня же я пойду к ним и потребую свой платок.

— Тише!

Мила испуганно дернула меня за рукав. Я оглянулся. Из-за дерева высывалась улыбающаяся физиономия Рыжего Пса.

— Добрый вечер, сэр,— пролепетал он снова хриплым басом и, не переставая кланяться, сделал несколько шагов к костру.— Не пожертвуете ли бедному морскому волку хотя бы небольшой кусочек вашей ароматной дичи?

Моя храбрость моментально улетучилась.

— Зачем вы пришли сюда, Рыжий Пес? — дрогнувшим голосом спросил я.

— Запах, сэр... Райский запах от вашего костра бродит по всему острову и бьет в нос, будто ваши кулаки. Ведь мы голодны, как бездомные собаки, сэр: пьем один ром! Мои парни боятся идти к вам, но я подумал, что у белого джентльмена доброе сердце и он не обидит несчастного Рыжего Пса...

— На острове много дичи,— сказала Мила.— Вы можете сами себя накормить.

— Мы привыкли есть чужое, миледи,— вздохнул Рыжий Пес.— Ой как мне хочется есть!

Сердобольная Мила зашептала мне и Юрке:

— Может быть, дать ему кусочек?

Я не ответил Миле, потому что вдруг увидел, что на шее Рыжего пса повязан мой синий волшебный платок! Мое сердце заколотилось, к лицу прилила кровь, и, забыв о всякой предосторожности, я подскочил к пиратскому капитану.

— Рыжий Пес! — закричал я гневно.— Вы вор!

— Конечно, сэр,— ответил он, испуганно пятась.— Даже больше, сэр: бандит!..

— Отдайте мне платок!

— Разве это ваш платок, сэр?

— Да, мой.

Я рывком протянул руку к платку. Рыжий Пес отшатнулся и инстинктивно схватил меня за руку. Суставы моей кисти захрустели. Я рванулся, но было уже поздно...

— Что? — как бык заревел Рыжий Пес. — Ха-ха-ха! Юный джентльмен, кажется, потерял силу? Ха-ха-ха! Теперь мы посчитаемся с тобой, мальчишка!

— Пустите меня, — кричал я, еле ворочая языком от страха и боли. — Пустите!..

Тут Юрка и Мила, мои добрые, славные друзья, как вихрь налетели на пирата. В руках они держали большие палки.

— Мы тебе покажем, морская медуза! — кричал разъяренный Юрка.

— Брюхо акулы! — вторила ему Мила. — Старая ведьма!

Палки мелькали в воздухе и с таким треском обрушивались на Рыжего Пса, что где-то в лесу даже слышалось эхо от их ударов.

Капитан отпустил меня и, закрывая голову руками и страшно сопя, бросился наутек. Я быстро сказал товарищам:

— Скорей наверх, ребята! Сейчас они вернутся! Плохо наше дело... Теперь они знают, что я потерял силу...

Мы поднялись в пещеру и втащили за собой лестницу.

Пираты долго не являлись. По-видимому, они удрали далеко, оставив своего капитана. Мы непрерывно высовывали из пещеры головы, напряженно прислушиваясь к шелесту деревьев и далекому рокоту прибоя.

Наверно, у меня был очень жалкий вид, потому что Мила участливо спросила:

— Тебе страшно?

— Страшновато... — сознался я. — А что?

— Так просто... Борик, ты не волнуйся, все будет хорошо.

— Да я...

— Видишь, Рыжего Пса мы одолели без всякого волшебства.

— Это верно, но...

— Что «но»? — ободряюще говорила Мила. — И жилище без всякого волшебства себе устроили.

— Я ведь не спорю...

— И еды у нас достаточно.

— И знаете, ребята, — взглянул я на лица своих товарищей, — ведь это тоже похоже на волшебство... На острове восемь человек...

— Три человека и пять животных, — поправил меня Юрка.

— Пусть так, — подумав, согласился я. — Трое ребят и пятеро сильных зверей. И эти звери ничего не могут с нами сделать. Разве это не похоже на волшебство?

Мила чуть-чуть улыбнулась:

— А ты прав, у нас есть один добрый волшебник...

— Кто же это?

Она не успела ответить, потому что кусты в отдалении затрещали и на поляну выскользнули пираты. Рыжий Пес рычал, восторженно потрясая руками:

— Он стал слабым, как мокрица! Я мог бы свить из него веревку! Мы быстро выкурим их из этого гнезда!

— Ха! — громыхнул Одноглазый. — Жареная птица!

— Молчать! — ткнул его кулаком капитан. — Сперва добудьте мне этого мальчишку!

Пираты попытались добраться до нашей пещеры, становясь друг другу на плечи. Но догадливый Юрка метнул в них кокосовый орех, и Кошачий Зуб со стоном полетел на землю.

Мы обрушили на пиратов целый град кокосовых орехов. Тяжелые, как бомбы, они сбивали разбойников с ног. Бессильно ругаясь и проклиная нас, разбойники отползали по траве в сторону.

— Не лезьте, куда вас не просят! — крикнула Мила, стараясь попасть орехом в Рыжего Пса.

— Это вам не поможет, миледи! — ответил он, уклоняясь от удара. — Мы расположимся здесь лагерем и возьмем вас измором. Хотите условие?

— Какое условие?

— Выдайте мне юного джентльмена, и мы оставим вас в покое!

— Никогда! — в один голос крикнули Мила и Юрка.

— Прекрасно, тысяча чертей и одна ведьма! Эй! Тащите сюда бочонок с ромом! Будем пировать здесь, на страх птенцам. Рано или поздно они выпадут из своего гнездышка!

Глава двенадцатая,

В КОТОРОЙ РАСКРЫВАЕТСЯ СЕКРЕТ УЗЕЛКА

Осада была долгой и утомительной... Каким-то образом пиратам удалось доставить на поляну тяжелую бочку с ромом. Вероятно, в ней сильно поубавилось содержимое.

Они пили, пели и даже плясали. Только на вторые сутки четверо из них свалились и заснули. Но Рыжий

Пес все еще бодрствовал. Покачиваясь, он бродил по поляне и пьяно бормотал:

— Кошачий Зуб, налей еще... Спишь? Спи, Кошачий Зуб! Вы все спите? Один я держусь на ногах... Рыжего Пса не так-то легко свалить, клянусь брюхом акулы! — Он отхлебнул из фляжки и погрозил мне кулаком. — Я сделаю из тебя медузу!

Ветер раздувал его рыжие волосы. Он потоптался на одном месте и пропел заплетающимся языком:

Нужно лишь пиратом быть,
Обмануть, украсть, убить,
Ой-ха-ха!..

Он хотел потанцевать, но, зацепив одной ногой за другую, упал в траву.

— Все спят, тысяча чертей и одна ведьма! — невнятно бормотал он, беспомощно барахтаясь в траве. — Один я... держусь на ногах!

Через несколько секунд мы услышали его зычный храп.

Мила вдруг сбросила из пещеры лестницу. Прежде чем я успел сообразить, что она собирается сделать, мы с Юркой увидели ее уже внизу на поляне.

Мы отчаянно махали ей руками:

— Вернись! Что ты делаешь! Ты погибнешь!..

Она приложила палец к губам:

— Тише... Я за твоим платком, Борик...

Затаив дыхание, я видел, как она наклонилась над Рыжим Псом. Он заворочался и зачмокал губами. Мне показалось, что она заколебалась на несколько секунд, но вдруг решительно сдернула платок с шеи пиратского главаря.

Кто бы мог думать, что в этой девочке столько смелости! Через минуту, слегка задыхаясь, она поднялась в пещеру.

— Они завязали на платке какой-то узелок... Такой крепкий! Придется зубами...

— Не развязывай! — закричал я. — Не смей! В этом узелке главное волшебство!

— Ой! А я уже развязала!..

Вокруг нас вдруг потемнело.

— Что ты наделала, Мила!

Я выхватил из ее рук платок и безнадежно сел на шкуру лани. Наступила полная тишина. Что-то загремело и заскрежетало. Красные, желтые, синие, зеленые огни вихрем закружились вокруг меня. Я зажмурился, но как раз в это время все смолкло. Мне было так страшно, что я долго не решался открыть глаза.

— Ребята, — тихонько позвал я.

Мне никто не ответил.

Я чуть-чуть приоткрыл один глаз и сквозь ресницы увидел белую скатерть и настольную лампочку.

Я попал домой! Какое это было счастье! Я перенесся с острова прямо на диван в столовой.

— Миленькая ты наша столовая! — зачарованно шептал я, озираясь. — Миленький ты мой диванчик!

Настольная лампа тускло освещала комнату. Мне показалось, что в темном углу кто-то стоит.

— Мила, Юрка! — окликнул я. — Это вы?

Из мрака вышли... кто бы вы думали? Пираты! Пять звероподобных людей подходили ко мне, сняв шляпы и противно улыбаясь.

— Здравствуйте, сэр! — прохрипел Рыжий Пес. — Зачем вы бежали с острова?

— Уходите... — стучал я зубами, не в силах закричать.

— Не будем больше ссориться, сэр. Мы уже так привыкли к вам, и без вас нам сделалось очень грустно.

Они окружили меня, и я почувствовал душный запах рома.

— Уходите! — сжимался я на диване. — Что вам от меня нужно?

— Мы хотим, сэр, чтобы вы поняли, что такие люди, как мы...

— Бездельники и тунеядцы! — перебил я. — Я это давно понял.

— Ха! — рявкнул Одноглазый.

— А ведь мы вас так полюбили, сэр! — продолжал Рыжий Пес. — Я даже решил уступить вам добровольно место капитана!

— Пропадите вы пропадом! Как вы сюда попали?

— Это легко объяснить, сэр. Ведь вы сами вызвали нас из старой книжки, которую читали...

— Уходите опять в книжку!

— Нет, сэр, — промурлыкал Кошачий Зуб, топорща усы. — Теперь мы не расстанемся с вами. Куда вы, туда и мы. Вы наш волшебник!

— Никакой я не волшебник! — воскликнул я. — Теперь я знаю, что самый великий волшебник на свете — это труд...

— Ха!

— Убирайтесь вон! — завопил я. — Мама, мама!

— Не зовите маму, сэр, — покачал головой Кошачий Зуб, старательно пожевывая табак, — это бесполезно.

Я замахал волшебным платком. Но платок больше не действовал: ведь Мила развязала узелок!

— Мы больше вас не отпустим, сэр! Вы — наш! — говорил Рыжий Пес.

— Наш! — зарычали пираты, протягивая ко мне руки.

Я в ужасе зарылся лицом в подушку и вдруг почувствовал легкое прикосновение чьей-то руки к плечу. Так осторожно и ласково прикосаться ко мне мог только один человек на свете...

— Мама! — закричал я. — Мапочка, милая!..

Как я обнимал и целовал ее! Она очень растрогалась и даже сделала вид, будто не замечает, что я в ботинках лежу на диване.

— Мама, а где... — Я хотел сказать «пираты», но почему-то так и не выговорил этого слова.

— Ты хотел спросить, где Юра и Мила?

— Да...

— Они только что звонили по телефону. Это очень странно. Они оба чувствуют себя плохо и не придут

сегодня.— Она легонько сжала мою голову своими теплыми ладонями.— Ты выглядишь тоже совсем больным, мой милый...

— Нет, я здоров, мамочка...

Я случайно взглянул на синий платок, который все еще держал в руке, и вздрогнул.

— Мама, ты говорила, что главное волшебство этого платка заключалось в узелке.

Она улыбнулась:

— Да, у бабушки в старости была плохая память, и, чтобы не забыть чего-нибудь, она завязывала на платке узелок.

— Ну?

— Поэтому она ничего не забывала и в конце концов стала называть свой платок волшебным.

— И все?

— Все...

— Но кто же тогда развязал узелок на платке?

— Наверно, ты сам,— сказала мама, поглаживая меня по голове.— А ты снова завяжи его, чтобы никогда не забывать...

— Чего?

— Ну, например, того, что нужно помогать своей маме. Вот тогда этот платок и для тебя станет волшебным!

Ночью я спал плохо, бредил и вскакивал с постели.

Но знаете, что самое удивительное? Утром я узнал, что милиция задержала в нашем городе пять жуликов. Говорят, что один из них был совершенно рыжий, другой прихрамывал на одну ногу, а третий носил на лице черную повязку. Человек, который рассказывал мне об этом, не запомнил, как выглядели еще два задержанных.

Может быть, эти жулики никогда не были пиратами, но с моего сердца свалилась тяжесть, и в следующую ночь я спал совершенно спокойно...

ПУТЕШЕСТВИЕ НА УТРЕННЮЮ ЗВЕЗДУ

Иллюстрации
В. Алексеева

Глава первая,
**В КОТОРОЙ ТРИ ПРИЯТЕЛЯ
ЗНАКОМЯТСЯ С ВНУЧКОЙ ВОЛШЕБНИКА**

Вероятно, вы уже заметили, что в очень многих книгах живут добрые или злые волшебники. В этой повести тоже есть волшебник с белой, мягкой, почти шелковой бородой. Знающие люди утверждают, что такие бороды бывают только у добрых волшебников.

Долгое время в дачном поселке никто не подозревал, что этот человек — волшебник. Его тесовый домик, похожий на древний теремок, с башенкой и узорчатой резьбой, стоял на отшибе, на крутом пригорке, окруженный зеленым забором и со всех сторон скрытый высокими густыми елями. Ни один житель поселка не знал, что делается за зеленым забором. Изредка поселковые мальчишки видели, как человек с белой бородкой куда-то уезжал из своего дома на машине, но в тот же день обычно возвращался обратно.

Он всегда сам правил машиной. Иногда рядом с ним сидела белокурая девчонка. Ее волосы были уди-

вительно светлыми, почти такими же, как борода человека, сидящего за рулем. Поэтому мальчишки прозвали девочку Седой.

Седая выходила из кабины, открывала ворота и снова закрывала их, когда машина въезжала во двор. Легко щелкал запор на воротах, и все затихало. Можно было подумать, что в тесовом домике за густыми елями никто не живет.

Но однажды девочка появилась в поселке. Это случилось, когда три приятеля, ученики шестого класса Илья, Никита и Лешка, играли посреди улицы в «чижа». Все трое были в белых майках и синих трусиках, с царапинами и ссадинами на коленях, и все на первый взгляд походили друг на друга, потому что все одинаково загорели и три их носа одинаково облупились.

Но при желании вы, конечно, сразу отличили бы одного от другого. Русоволосый Илья повыше ростом, широкоплечий, коренастый, сероглазый. Никита — пониже, толстенький, кругленький, пышнощекий, волосы у него темные, со светлым отливом, а глаза большие, карие. Третий, Лешка, был худощав, костляв, рыжеват, и глаза на его конопатом лице светились непонятным зеленовато-желтым светом.

Итак, они играли в «чижа»...

Илья ударил палкой по заостренному носику «чижа» и широко размахнулся, чтобы «запулить» подскочивший «чиж» подальше от кона, к стоящему в отдалении Лешке.

Но «чиж» так никуда и не полетел. Он шлепнулся рядом с Ильей на дороге, потому что Илья замер в замахе с удивленно приоткрытым ртом. Он застыл так, словно позировал художнику или скульптору.

— Седая! — шепнул Илья.

Сидевший на траве Никита вскочил.

Стройная девочка в ярко-голубом платье неторопливо шла по улице, помахивая пустой хозяйственной сумкой. Светлая коса свешивалась через ее плечо на грудь.

Девочка была красива. Пожалуй, даже очень красива. Когда она подошла поближе, приятели сразу убедились в этом. И еще они увидели, что глаза девочки такие же ярко-голубые, как и платье, смотрят вперед задумчиво и грустно и словно ничего не замечают.

Она прошла бы мимо, если бы ее не окликнул конопатый Лешка. Он был самый большой задира в поселке.

— Эй, Седая! — крикнул Лешка. — Споткнешься!

Он медленно подходил к ней, скрестив на груди костлявые загорелые руки.

Девочка остановилась, и ее светлые ресницы, густые, словно веточки молоденькой елки, чуть-чуть дрогнули.

— А, это вы, — сказала она, будто была давно знакома с ними: — Здравствуйте, богатыри.

— Чего?.. — удивленно протянул Лешка. — Какие богатыри? А хочешь, я тебя чижом стукну?

— Молчи, Рыжий! — шикнули на него возмущившиеся ребята.

— А чего она дразнится? — почесал Лешка кончик облупленного носа.

— Я же в шутку, — сказала девочка. — Это дедушка про вас сказал, что вы богатыри в трусиках...

— А откуда твой дедушка про нас знает? — недоверчиво улыбнулся Илья.

— Мой дедушка все знает, — серьезно сказала она. — Он Волшебник.

Приятели переглянулись, и Лешка презрительно прыснул:

— Вот врет и не краснеет!

— Я никогда не вру, — чуть обиженно проговорила девочка. — Мой дедушка самый большой Волшебник

на свете!.. Скажите, ребята, где здесь магазин? У нас кончился сахар.

— За тем углом,— предупредительно указал Илья.

Но Лешка ядовито посмеивался:

— Если твой дедушка Волшебник, почему же он сам не сотворит сахар?

Она вздохнула: .

— Если бы он захотел, то смог бы сделать и сахар. Но он думает о другом. Он даже не станет вечером пить чай, если я не напою...

— А о чем он думает? — допытывался Илья.

— Это тайна,— снова вздохнула она и пошла дальше.

Приятели молчали. Можете себе представить, как они были озадачены.

— Девочка! — крикнул ей вслед Илья.— Как тебя зовут?

Она полуобернулась и ответила:

— Забава.

— Забава? — пробормотал Илья.— Вот чудное имя...

Когда девочка скрылась за углом, кругленький и толстощекий Никита, который до сих пор не проронил ни одного слова и стоял неподвижно, словно замороженный Волшебником, передернул вдруг плечами и горячо шепнул:

— Ребята! Это нельзя так оставить!

Илья и Лешка выжидательно посмотрели на него.

— Давайте разведем эту историю? — заговорщическим тоном продолжал Никита.

— Как? — в один голос спросили Илья и Лешка.

— Перелезем через забор...

— Когда?

— Сегодня вечером.

— Вот здорово! — воскликнул Лешка и от удовольствия потер ладонь о ладонь.— Только, чур, не дрейфить! Встретимся, когда стемнеет... Да, ребята, наденьте штаны, а то возле забора такие густые елки, что можно исколоться.

Глава вторая,
В КОТОРОЙ ПРИЯТЕЛИ УЗНАЮТ,
ЧТО ПРОИСХОДИТ ЗА ЗЕЛЕНЫМ ЗАБОРОМ

Как совсем стемнело, мальчики осторожно подобрались к таинственному забору. Ночь была тихая, безлунная и черная. Звезды отчетливо мерцали над елками, и Млечный Путь стыл в небе огромным неясным облаком. Было душно, пахло смолой и теплой сыроватой землей.

Приятеля долго лежали на колючем ковре из высушенных елочных иголок, прислушиваясь и безуспешно стараясь разглядеть что-нибудь в щелях забора.

— Полезли! — наконец решительно сказал Илья и пошевелился.

Елочные иголки зашуршали под ним.

— Тише!.. — зашипел Лешка, который храбрился днем, но теперь вдруг почувствовал, что его покидает смелость. — Ребята, может, не надо?

— Почему? — удивился Никита.

— А если там собака?

— Ну да! — Илья выплюнул попавшую в рот елочную иголку. — Если бы там была собака, она давно бы нас учуяла.

— А может, собака ученая... Ты перелезешь, она тебя хватъ за это самое место!

— Ну да, хватъ! — усмехнулся в темноте Илья. — Я ее сам хватчу за это место... Тьфу! Сколько иголок в рот набилось! Полезли!

Высокий и сильный, он легко подпрыгнул, ухватился за верхнюю доску, бесшумно подтянулся и сел, опустив ноги по ту сторону забора.

— Чего там? — нетерпеливо спросил Никита.

— Темнота... За ветками ничего не видно, — шептал Илья. — Нет, стой, где-то светится!

— Где?

— Да кто же его знает!

— Дай руку! — заволновался Никита и через несколько секунд, отдуваясь, сел на заборе рядом с Ильей.

— Ребята, не надо! — жалобно простонал внизу Лешка.

— Отстань ты! А еще говорил: «Чур, не дрейфить!» — презрительно бросил Илья и спрыгнул по ту сторону забора.

— Ребята! — заметался среди елок Лешка. — А как же я? Никита, помоги!

— Не пищи! — сердито сказал Никита. — Держись за мою ногу. Да не дергай так, а то я слечу!

— Ух ты, — пробормотал Лешка, взбираясь на доски. — Какой забор высокий. А где Илья?

— Чш-ш!.. — раздалось из темноты. — Прыгайте...

Никита и Лешка прыгнули и тихонько взвизгнули, потому что угодили в заросли крапивы.

— Илья, куда теперь? — простонал Лешка. — Ох, лицо горит! Где ты, Илюшка?

— Здесь... Молчите!

Наконец они нашли его. Илья лежал в высоких лопухах в десяти метрах от веранды тесового дома. Темный силуэт загадочного дома с ажурной башней над верандой ясно вырисовывался на фоне звездного неба. Все окна были темны, и только в чуть приоткрытой двери на веранде серебрилась полоска света.

— Небось спят, — сказал Лешка, но Илья предостерегающе ткнул его кулаком в бок.

Над круглым столом в веранде вспыхнула лампа. Свет упал на крыльцо и на круглую клумбу с яркими цветами.

Дверь распахнулась, и на пороге показалась Забава. Она была все в том же голубом платье.

В одной руке девочка держала обычный никелированный чайник, а в другой — решетчатую подставку к нему. Капельки пота сверкали на ее лице.

Она негромко напевала песенку, смысл которой стал понятен мальчикам значительно позже:

Мамы, папы, до свидания!
Космонавтам вылет дан!
Полетел в созвездье дальнее
Наш волшебный мыслеплан!

Во Вселенной всё мы высмотрим
И доложим обо всем.
Не страшны нам реки быстрые,
И моря нам нипочем!

Видим горы, скалы грозные...
Станный мир... тревожный час!
Мамы, папы, в ночи звездные
Поищите в небе нас!

Нет конца просторам Вечности,
Но тепло родной Земли
По дорогам Бесконечности
Мы с собою пронесли!

Она поставила на скатерть чайник и, перегнувшись через перила, глубоко вздохнула и крикнула в темноту:

— Дедушка! Чай готов! Слышишь, дедушка? Хватит гулять!

— Иду, внучка! — раздался за домом глухой, чуточку сипловатый голос.

Из-за угла быстро вышел человек с седой бородой. Десятки белых мотыльков, потревоженных его шагами, вспорхнули с клумбы и закружились в воздухе, словно хлопья снега. Помахивая в такт шагам рукой, словно он дирижировал невидимым оркестром, человек обогнул клумбу и бодро взбежал по заскрипевшим

ступенькам на веранду. Он был строен, так же как и его внучка, и если бы не шелковая борода, наверно, походил бы на совсем молодого человека. И глаза у него были молодые — ясные и голубые, как у внучки.

Забава внимательно посмотрела на него.

— У тебя сегодня веселые глаза, дедушка.

— Да, внучка! — сказал он торжественно.

— Дедушка! — вскрикнула она радостно. — Неужели ты...

— Да, я нашел наконец

то, что искал! Великое волшебство совершено! Еще когда ты не родилась, я сделал много удивительного и волшебного. Всякий раз люди радовались и благодарили меня, потому что все, что я давал им, помогало жить и быть сильными. Ведь ты знаешь, что я добрый волшебник.

— Знаю, дедушка.

— Я не мог найти только одного...

— Это я тоже знаю.

— Да, Забава, год за годом искал я эту волшебную тайну и не мог найти. Ты подросла и стала понимать, как мне трудно... Я часто видел тебя печальной, и от этого мне становилось еще тяжелее! Ты всегда помогала мне, девочка, как могла, и я очень ценю твою помощь. Я очень люблю твои заботливые руки! И вот сегодня... несколько минут назад я совершил то, о чем мечтал всю жизнь.

Забава внезапно обняла Волшебника и прижала голову к его груди. Так стояли они с минуту в молча-

нии, и он поглаживал ее растроганно и нежно. Наконец она повернула к свету лицо, и мальчики увидели, что ее ресницы влажно сверкнули.

— А теперь пить чай! — вытирая глаза кулаком, строго сказала Забава.

— Слушаюсь! — по-военному ответил дедушка и сел за стол спиной к затаившим дыхание мальчикам.

— Ты опять забыл положить в стакан сахар, — покачала головой Забава.

Волшебник склонился над стаканом и зазвенел ложечкой.

— Забавушка, а почему ты не приглашаешь пить чай наших гостей? — совсем неожиданно спросил он.

— Каких гостей, дедушка?

— Трех богатырей, которые лежат сейчас в лопухах и не сводят с моего затылка глаз. Видишь, лопухи зашевелились?..— продолжал он, не поворачивая головы.— Стойте, богатыри! Бежать бесполезно, потому что калитка заперта, а через забор перелезть не так уж просто, если я захочу поймать вас. Идите лучше пить чай.

— Ребята, идите же,— гостеприимно сказала Забава.

Казалось, она совсем не была удивлена.

Первым поднялся Илья, затем показалось толстошее и очень смущенное лицо Никиты, и наконец из лопухов вынырнула огненная Лешкина шевелюра. Переминаясь с ноги на ногу, приятели молча стали перед крыльцом.

Волшебник оглядел их с улыбкой, щуря один глаз.

— Я понимаю, вы хотите извиниться за то, что тайком перелезли через забор, но от смущения не можете найти слов,— сказал он лукаво.— Не будем больше говорить об этом. Мне точно известно, что вы сюда пришли с добрыми намерениями. Ведь правда?

— Правда,— поспешно ответил Лешка,— честное слово!

— Не нужно без толку давать честное слово. Ведь я и так вам верю. Вам очень хотелось узнать, что происходит за этим забором, и вы просто не догадались постучать в калитку.

Человек с белой бородой каким-то непонятным образом читал их мысли. Мальчикам стало даже немножко страшно. Теперь они уже почти не сомневались, что перед ними сидит самый настоящий волшебник.

Забава зазвенела посудой.

— Пейте, ребята, чай остывает.

Приятели робко поднялись на веранду, потоптались перед столом и сели. Продолжая щурить глаз,

Волшебник молча ждал, когда они сделают по глотку из своих стаканов.

— Я пью чай только с сахаром и терпеть не могу конфет,— проговорил он,— но Забава любит конфеты. Я подозреваю, что вы сходитесь с ней вкусами. В этой вазочке лежат конфеты. Хорошие шоколадные конфеты! Берите их смело.

Илья засунул в рот конфету. Она оказалась очень вкусной, и он тут же пожалел, что взял только одну.

— Ты сейчас подумал, что хорошо бы взять вторую конфету,— вдруг сказал Волшебник.— Бери, богатырь! Тебя зовут Ильей?

— Да,— тихонько сказал Илья, потрясенный умением волшебника видеть все насквозь.

— Илья... Славное имя... Итак, ты Илья Муромец,— продолжал человек с белой бородой и внезапно посмотрел на Алешку: — А ты Алеша Попович?

Лешка вздрогнул и поперхнулся.

— Алеша Попов,— сказал он, откашливаясь и краснея так, что на его лице исчезли веснушки.

— Нет, братец, Алешей Поповым ты был по ту сторону забора. А здесь ты Алеша Попович. Вот так! А что касается третьего богатыря, то мы назовем его Добрыня Никитич. Согласен?

— Согласен,— поспешно кивнул Никита, посасывая конфету и причмокивая.— Только по-правильному меня зовут Никита Добрынин.

— Это ничего, что не совсем подходит,— сказала Забава.— Дедушка любит переиначивать имена. Меня, например, зовут не Забава, а Вероника.

Волшебник чуточку рассердился.

— Я ничего не переиначиваю, потому что ты на самом деле Забава, а эти мальчишки — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович! У нас повсюду много богатырей, только они об этом не подозревают, хотя и совершают богатырские дела. Да, друзья

мои, на нашей земле никогда не переводились богатыри и волшебники! Никогда!

— Но мы... еще не сделали ничего богатырского,— нерешительно сказал Илья.

— Сделаете! Обязательно сделаете! — Человек с белой бородой сжал кулак и слегка пристукнул им по столу.— Помнишь ли ты о том, Добрыня Никитич, как много веков назад ты победил Змея Горыныча и спас из плена красавицу Забаву Путятишну?

— Я? — изумленно открыл рот Добрыня Никитич, переставая сосать конфету.

— Да, именно ты!

— Не... помню...

— А я помню! И сдается мне, что тебе еще раз придется спасти Забаву.

— Когда?

— Скоро, очень скоро... Кстати сказать, вам, добрые молодцы, Илья Муромец и Алеша Попович, тоже придется очень скоро совершать подвиги!

Приятели молчали, не зная, что подумать. Может быть, человек с белой бородой потешается над ними?

— Товарищ Волшебник,— сказал Илья Муромец, отодвигая пальцем стакан,— а какое волшебство вы совершили сегодня?

— Я давно ждал этого вопроса, потому что, лежа в лопухах, вы слышали, как я говорил Забаве о великом волшебстве. Хорошо, я расскажу вам. Слушайте...

Глава третья,

В КОТОРОЙ ЧЕЛОВЕК С БЕЛОЙ БОРОДОЙ РАСКРЫВАЕТ ТРЕМ БОГАТЫРЯМ ТАЙНУ СВОЕГО ВОЛШЕБСТВА

Волшебник задумчиво помолчал. Было слышно, как в темноте трещали кузнечики. Вдали на железной дороге зашумела электричка. Эхо в лесу настойчиво

повторяло ее удаляющийся шум. Ночной ветерок принес на веранду резкий запах цветущего табака. Два белых мотылька вились над столом, то и дело ударяясь об электрическую лампу.

— Вы любите сказки? — вдруг спросил он.

— Да, — в один голос сказали богатыри.

— Так я и думал, — закивал он головой. — Только не думайте, что волшебство бывает только в сказках. Хорошая сказка только предвосхищает то, что случается потом на самом деле.

— Это как? — спросил Алеша Попович и потрогал пальцем облупленный нос.

Приятели знали, что он всегда поступает так, когда чем-нибудь озадачен.

— Очень просто! — быстро сказала Забава. — Было много сказок о ковре-самолете, а теперь люди и вправду летают на самолетах.

— Правильно, — снова закивал человек с белой бородой. — А вспомните старую сказку о волшебном яблоке, которое катается по блюдцу и показывает то, что происходит где-то далеко-далеко.

— Телевизор! — догадался Добрыня Никитич и самодовольно заулыбался.

— Тоже правильно... Давай вспомним еще что-нибудь, — продолжал Волшебник. — Ну, вспомнили?

— Вспомнил, — сказал Илья Муромец. — Иванушка скачет на Коньке-Горбунке на Луну... к Месяцу Месяцовичу!

— Космическая ракета! — выпалил Добрыня Никитич, и его толстощекая физиономия снова расплылась в улыбке.

— А теперь скажите, богатыри, разве все это не волшебство? Ракета, летящая на Луну? Ведь чудеса, правда? И согласитесь, что творить такие чудеса под силу только волшебникам и богатырям! Я ведь уже сказал вам, что у нас никогда не переводились волшебники и богатыри!

— Волшебники — это ученые, — сказал Илья Муромец. — Я знаю: вы — ученый.

— Думай обо мне что хочешь, — прищурился человек с белой бородой, пряча под опущенными ресницами улыбку, — только я волшебник, и вы сейчас в этом убедитесь... Что бы вы сказали, если бы я перенес вас... — Он поднял из-за стола и протянул руку к ночному небу. — Что бы вы сказали, если бы я перенес вас к одной из этих звезд?

— Полетели! — сорвался с места Илья Муромец. — Товарищ Волшебник, пожалуйста, давайте полетим!

— А куда мы полетим? — с сомнением в голосе спросил Добрыня Никитич, который не любил принимать поспешных решений. — Если на Марс или на Венеру, то это еще можно... А если куда-нибудь дальше...

Волшебник остановил его движением руки:

— Ты хочешь сказать, что если лететь дальше нашей Солнечной системы, то для этого может не хватить человеческой жизни?

Добрыня Никитич помолчал, соображая.

— Ну, конечно, не хватит... До Луны наша ракета летит около трех суток... Ну так Луна совсем рядом! Если же на Марс или на Венеру лететь, небось потребуются много месяцев. А ведь Марс и Венера, можно сказать, наши соседи. Они вместе с Землей вокруг одного Солнца вертятся. Ну а если улететь из нашей Солнечной системы к другим солнцам... — Добрыня безнадежно покачал головой. — Ста лет будет мало!

— А можно со скоростью света лететь! — торопливо сказал Илья Муромец, давно и очень страстно мечтающий о межпланетных путешествиях. — Триста тысяч километров в секунду! Я читал, что есть ученые, которые уже изобретают такие ракеты. Забыл, как она называется...

— Фотонная ракета, — подсказал Волшебник. — Ну что же, я вижу, что вы неплохо разбираетесь в космосе, что делает честь ученикам шестого класса. Однако

я считаю, что для космического пространства триста тысяч километров в секунду — черепашья скорость. Конечно, до нашего Солнца с такой скоростью можно добраться за несколько минут, но если бы вы полетели на фотонной ракете к другому солнцу — а другое, самое ближайшее к нам солнцу в созвездии Центавра, — для такого путешествия потребовалось бы четыре года. Заметьте, четыре года только туда да четыре года обратно!

— Ой-ой! — вздохнул Алеша Попович. — Что-то мне не очень хочется лететь на Центавр...

— А я все равно полетел бы! — тряхнул головой Илья Муромец. — Подумаешь, восемь лет!

— А мы перенесемся еще дальше! — вдруг сказала Забава.

Богатыри, словно по команде, повернули к ней удивленные лица. Она сидела за столом, положив подбородок на колени и с нежностью глядя на Волшебника.

— Правда, дедушка?

— Правда, Забава, — улыбнулся он. — Я перенесу вас в такую даль, в такую даль...

— Неужели со скоростью света? — спросил Илья Муромец.

— Быстрее! В миллион раз быстрее! — воскликнула Забава.

— Этого не может быть! — сказал Добрыня Никитич. — Триста тысяч километров в секунду — это предельная скорость, известная на Земле.

Волшебник положил руку на его плечо.

— Ты правильно сказал, Добрыня: известная на Земле... А что, если существует скорость, которая еще никому, кроме меня, не известна?

Все молчали. Да и что можно сказать, когда слышишь такое, что никак не укладывается в голове? У Добрыни Никитича вдруг мелькнула мысль: «Этот че-

ловек — великий гений! А может быть... Может быть, он сошел с ума?!»

А человек с белой бородой неожиданно для всех рассмеялся весело и задорно, совсем как школьник:

— Ты подумал сейчас, Добрыня, что я гений или сумасшедший! Не опускай стыдливо глаз, богатырь! И не беспокойся: я не сумасшедший. Я ведь уже сказал вам, что я волшебник... Самый обыкновенный волшебник... Но даже волшебнику не всегда все бывает под силу. Так вот, я много лет искал волшебную тайну пространства и времени... Кстати, знаете ли вы, что они совершенно различны?

— Знаем,— дрогнувшими губами шепнул вспотевший от смущения Добрыня Никитич.

— Пространство и время не имеют ни начала, ни конца. Я бы сказал, что они едины в своей бесконечности... Вы понимаете меня? — строго спросил Волшебник.

— Да,— соврал Добрыня Никитич и незаметно вытер рукавом капельки пота на своем лице.

— Нет, вы совсем не понимаете меня! — вдруг рассердился Волшебник.— Мальчишки! Хорошо, я буду говорить яснее. Сколько метров от веранды до калитки, Вероника? — спросил он, впервые за вечер называя внучку ее настоящим именем.

— Двадцать метров, дедушка.

— Сколько нужно секунд, чтобы пройти это расстояние?

— Не знаю... Быстрыми шагами — секунд десять.

— Так вот, люди мыслят на Земле, приноравливаясь ко всему земному. Они рассуждают так: двадцать метров до калитки — это мало. А вот до города от нашего поселка — шестьдесят километров — это много... Дальше... Десять секунд — это очень мало. А если Земля повернулась один раз вокруг своей оси — это уже много: двадцать четыре часа. Но что такое «много» или «мало» для космоса, где нет ни калитки, ни

земных минут, секунд и часов? Как только вы отрешитесь от земных представлений, вам не от чего будет вести отсчет расстояния и времени! И тогда секунда будет все равно что тысяча или миллион лет. А двадцать метров — все равно что миллиард километров. Я нашел тайну бесконечности! Мое волшебство заключается в том, что мне не нужно ни часа, ни года, ни тысячи лет, ни тысячной доли мгновения, чтобы перенестись с Земли в другие миры!

— Но это... — робко начал Илья Муромец.

— Сказка? — сверкнув глазами, быстро спросил Волшебник. — Да, сказка! Как только вы перелезли через зеленый забор, вы очутились в сказке. — Он помедлил и вдруг добродушно улыбнулся. — Когда вы будете рассказывать о том, что видели и еще увидите сегодня, найдутся люди, которые скажут, что это совсем неправдоподобная сказка. И пусть себе говорят! Они очень скучные люди, потому что не умеют мечтать!

Илья Муромец зачарованно смотрел на Волшебника, и в его широко открытых глазах горел такой восторг, что Забава, нечаянно взглянувшая на него, почему-то порозовела и, запрокинув голову, расхохоталась звонко и весело. Ее белая коса змейкой скользнула с плеча на спину.

Но он не обратил на Забаву никакого внимания.

— Теперь я все знаю, — уверенно сказал Илья человеку с белой бородой, рассеянно теребя свой чуб, выгоревший за лето на солнце, — вы специалист по всяким полетам.

— Да, — сказал Волшебник, — когда-то я подарил людям ковер-самолет, а сегодня я дал им мыслеплан! Хотите, я покажу вам свой мыслеплан?..

— А где он? — тихо спросил Алеша.

— Да вот же он! — Волшебник развел руками, и что-то вдруг ослепительно сверкнуло.

Мальчики вскочили со своих мест. От изумления они не смогли сказать ни одного слова.

Терраса, на которой они только что пили чай, исчезла...

Глава четвертая,

В КОТОРОЙ ГЕРОИ ЭТОЙ СКАЗКИ ПОПАДАЮТ НА НЕИЗВЕСТНУЮ ПЛАНЕТУ

Они очутились в квадратной комнате с золотистыми светящимися стенами. Ни окна, ни двери! Стены, излучающие ровный приятный свет, были гладкими, будто отполированными.

В комнате стояло несколько мягких кресел. Вот и все, что было в ней, если не считать прикрепленного к одной из стен щита со множеством белых кнопок и над щитом большой карты звездного неба.

— Садитесь, — повелительно сказал Волшебник.

Они сели в кресла.

— А куда мы полетим? — спросил Добрыня Никитич.

— Ребята, а может, никуда не надо? А? — тихонько захныкал Алеша Попович.

— Молчи, Рыжий! — шепнул Илья Муромец.

— Мы перенесемся, ребята, в одно из самых далеких от Земли созвездий, — негромко сказала Забава. — Да, дедушка?

— Да, Вероника, да, Забава! Мы понесемся сейчас, друзья, со скоростью мысли, или, если хотите, со скоростью мечты!

— Пожалуйста, не надо далеко, — продолжал хныкать Алеша Попович. — Товарищ Волшебник... ребята! Давайте лучше на Венеру или на Марс.

— Ну какая же это будет сказка? — пожал плечами Волшебник. — Перенестись на Марс или на Венеру можно с помощью обыкновенной ракеты, которую наши люди уже научились строить.

— Мы перенесемся, ребята, в созвездие, которое носит мое имя,— сказала девочка и покраснела.— Первое путешествие в космос дедушка обещал посвятить мне. Это созвездие называется Волосы Вероники.

— Да, да, Волосы Вероники,— взволнованно закивал Волшебник и ткнул твердым пальцем на карту.— Вот оно, небольшое созвездие нашего северного неба... Видите, оно расположено между созвездиями Волопаса, Де-

вы, Льва и Гончих Псов. Здесь находится северный полюс Галактики. И так далеко это созвездие, эта крохотная кучка звезд, что все они кажутся нам совсем неяркими, едва различимыми с Земли. А между тем в созвездии Волосы Вероники десятки огненных живых солнц! К одному из этих солнц — смотрите, вот к этой малюсенькой точке — мы и перенесемся сейчас.

— И погибнем! — визгливо вскрикнул Алеша Попович.

— Почему? — недоуменно посмотрел на него Волшебник.

— Потому что ни на какой звезде нельзя жить! Мы сгорим в одно мгновение, — быстро и громко говорил Алеша Попович.

Звуки его голоса до краев наполнили квадратную комнату и, казалось, с треском отскакивали от светящихся стен.

— Не говори так громко, пожалуйста, — поморщился Волшебник. — Я сказал, что мы перенесемся к одному из солнц созвездия, а не на само Солнце. У многих звезд есть свои планеты, так же как у нашего Солнца есть Земля, Марс, Венера... Никто еще не видел ни в один телескоп планет в других солнечных системах. Но они есть! На одной из таких планет мы сейчас и окажемся... — И он подвинул свое кресло к щитку с белыми кнопками и задумался.

Внезапно Волшебник вскинул руки, и его пальцы забегали по кнопкам, как бегают по клавишам рояля пальцы музыканта. Кнопки слабо пощелкивали, наполняя комнату шелестом. Наконец он медленно опустил руки, словно устал.

— Забава, — тихо сказал Волшебник, — сколько сейчас времени?

Она посмотрела на маленькие наручные часы.

— Десять часов вечера, дедушка...

— Ты видишь на щите эту крайнюю кнопку?

— Да, дедушка.

— Нужно сделать последнее движение... Пусть эта честь принадлежит тебе! Прикоснись же пальцем к этой кнопке, девочка!

Забава сделала шаг к щитку и прикоснулась к кнопке.

Мыслеплан чуть-чуть дрогнул. Впрочем, это, может быть, только показалось взволнованным путешественникам.

— Все,— проговорил Волшебник торжественно.

— Что «все»? — шепотом спросил Илья Муромец и облизнул пересохшие вдруг губы.

Волшебник поднялся с кресла. Его лицо было спокойным и бледным.

— Мы в созвездии Волосы Вероники, друзья! В одной из солнечных систем этого созвездия, на планете, о существовании которой на Земле даже не подозревают!

— А на этой планете есть воздух? — тревожно спросил Алеша Попович.

— Я уже проверил... Есть! Забава, сколько сейчас времени?

— По-прежнему десять часов, дедушка... Нет, уже одна минута одиннадцатого.

— Мы уже целую минуту находимся на другой планете!

Глава пятая,

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ПЕРВЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ КОСМИЧЕСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Стена медленно раздвинулась. В образовавшемся проходе все увидели тьму. Непроницаемую ночную тьму, из которой отчетливо повеяло теплом и запахом каких-то цветов.

Может быть, Волшебник пошутил и они по-прежнему на террасе в дачном поселке? Разве не цветами с маленькой клумбы пахнет сейчас?

Нет! Слишком острым и незнакомым был аромат.

— Как сильно пахнет медом! — сказала Забава.

Волшебник первым шагнул в темноту, и следом за ним, торопясь и сталкиваясь в проходе, бросились остальные. Густой теплый мрак со всех сторон навалился на них.

Мыслеплан, снаружи оказавшийся круглым, будто огромный золотой апельсин, лежал в очень густой и высокой траве. Она доходила мальчикам до пояса. Глаза путешественников начали привыкать к темноте, и в слабом свете, исходящем от золотого шара, трава показалась им необычайно розового цвета. На ощупь она была клейкой и мягкой и резко пахла медом. Порывы теплого ветра раскачивали ее, и трава шелестела беспрерывно и ровно.

Черное небо над их головами пылало бесчисленными звездами. Что это было за небо! Незнакомые созвездия, целые группы звезд, словно живые, дрожали, мерцали, переливались голубоватым, желтым и красным светом.

Все молчали, пораженные невиданным зрелищем.

— Как красиво! — взволнованно прошептала Забава. — Дедушка, а где наша Земля?

— Земля? Неужели ты думаешь, девочка, что сможешь увидеть отсюда нашу Землю? Скорее можно разглядеть пылинку в облачке. Но наше Солнце я покажу вам...

— Где, где, дедушка?

— Вон в том маленьком созвездии чуть виднеется желтая звездочка...

— Я не вижу...

— Да, ее трудно рассмотреть, эту звездочку... Но это и есть наше Солнце, и где-то там вокруг него

совершают свой вечный полет Земля, Венера, Юпитер, Марс и другие наши планеты.

— Как далеко!

— Далеко? Это не то слово, девочка! В человеческом языке нет названия, которым можно было бы обозначить число километров, отделяющих сейчас нас от нашей Солнечной системы.

— Даже страшно становится...— повел плечами Алеша Попович.

— Не бойтесь, друзья! С вами добрый волшебник!

Между тем тьма поредела, и вдаль начали вырисовываться неясные очертания скалистых гор. Острые пики и глыбы вздымались над незнакомой планетой высоко и грозно. Небо над ними быстро бледнело, звезды тускнели, таяли на глазах и исчезали.

Ветер стих. В молочном сумраке стало видно все пространство вокруг мыслеплана. Это была широкая долина, поросшая высокой розовой травой. Слева линию горизонта закрывала темная гряда леса. Он тянулся в сторону скал и терялся где-то в предгорьях. Справа долина постепенно понижалась и, по-видимому, заканчивалась обрывом над рекой. Оттуда слабо доносились журчание и плеск воды. Однако разглядеть, что происходит там, внизу, было невозможно, потому что за обрывом огромным мохнатым облаком висел белый туман.

Космонавты не двигались, зачарованно глядя, как рождается утро на незнакомой планете. Вот в розовой траве засвистала невидимая птичка тонко и прерывисто: «Фью-фью-фью-фью!» Ей ответила другая, потом третья, четвертая... Но, может быть, это свистели не птицы, а какие-нибудь животные?

— Смотрите, смотрите! — вдруг испуганно вскрикнул Алеша Попович.

Из тумана одна за другой вынырнули огромные крылатые тени. Их было не меньше десятка. Забава вздрогнула:

— Ой, какие странные птицы!

— Кажется, летучие мыши...— неуверенно сказал Илья Муромец.

— Какие же это летучие мыши? — запротестовал Добрыня Никитич. — В каждом крыле метра три!

Крылатые чудовища с длинными хвостами пролетели над путешественниками, издавая пронзительные воркующие звуки. Теперь были хорошо видны их змеевидные темные туловища с четырьмя короткими лапами и большие вытянутые головы с маленькими круглыми глазками. Легко и бесшумно взмахивали они перепончатыми крыльями. Одно из чудовищ отстало от стаи, сделало плавный круг и, открыв пасть, тонко запищало.

— Будто ножом по сковородке! — усмехнулся Илья.

В пасти чудовища блеснули белые игольчатые зубы.

— Пожалуй, их можно назвать птерозаврами, — сказал Волшебник, — хотя я представлял их себе несколько иначе... Крылатые ящерицы. Да, да, гигантские крылатые ящерицы. Подобные твари жили на Земле в юрском периоде...

Птерозавр все еще парил над ними, вытянув перепончатые крылья. Наконец он с недовольным клекотом полетел следом за стайей.

— А они опасны? — спросил Алеша Попович, приходя наконец в себя и зябко поводя плечами.

— Как знать...— Волшебник задумчиво поглаживал белую бороду. — Даже волшебники не всегда понимают все сразу, особенно если они находятся на чужой планете...

Небо над далекими горами покраснело, накаляясь все ярче и ярче, и стало наконец багровым. Вершины скалистых гор внезапно ослепительно засверкали.

— Снег, снег! — ахнула Забава. — На горах снег!

На долину от гор упали длинные тени. И теперь в свете разгорающегося дня путешественники вдруг увидели: все, что растет на этой планете, удивительного

розового цвета! Розовая трава... Странные розовые деревья в лесу... Далеко внизу за обрывом, за облаком тумана, нежно-розовая дымка покрыла неясные просторы заречья: должно быть, там тоже рос розовый лес.

— Это просто... просто невероятно! — развел руками Илья Муромец. — Честное слово, так не может быть!

— Не бросай на ветер честного слова! — строго посмотрел на него Волшебник. — Ты же видишь, что здесь все растения розовые? Значит, это может быть!

— Но понимаете... — появился мальчик. — Мы учили в школе, что в каждом растении есть хлорофилл, от которого зависит зеленый цвет. Хлорофилл обязательно зеле-

неет под действием солнечных лучей! Ну, конечно же, я это точно помню: растения вдыхают углекислоту и под действием хлорофилла разлагают ее и выдыхают кислород. Таким образом, растения поддерживают жизнь всех животных. Ведь без кислорода жить нельзя!

— Без кислорода действительно нельзя жить, — ворчливо проговорил Волшебник, — но кто тебе сказал, что вот эти розовые растения тоже не вдыхают углекислоту и не выдыхают кислород?

— Но ведь они розовые. Значит, в них нет хлорофилла!

— А это бабушка надвое сказала, дорогой Илья Муромец! На нашей Земле тоже есть розовые и даже красные растения, содержащие хлорофилл. Вероятно, ты невнимательно слушал учителя... Багрянки! Да, друзья, багрянки, целое семейство водорослей! Кстати сказать, из багрянок добывают йод. Их происхождение до сих пор не выяснили ученые. Но я-то уверен, что именно эти водоросли были прародителями всей растительности на Земле в ту пору, когда на ней зарождалась жизнь. Ведь то, что водоросли были первыми нашими растениями, известно давно. Неизвестно только, какого цвета они были. Уверю вас, друзья, они были красного цвета! Такие же, как и современные багрянки. Эти багрянки великолепно приспособляются к разным условиям жизни. Они могут существовать и на море на большой глубине, и на суше! Они, остатки древнего мира, всегда напоминают нам о его молодости.

— Дедушка, — быстро перебила его Забава, — если все так, как ты говоришь, значит, эта розовая планета совсем молодая?

— Именно это я и хочу сказать! — взмахнул рукой Волшебник.

И, словно по движению его руки, из-за снежной вершины вырвался поток режущих глаза лучей, и солнце, неведомое, незнакомое солнце, но такое же,

как и то, к которому они привыкли на Земле,—огнедышащее, слепящее и радостное—засверкало над планетой.

— Это... это чудесно! — тихо и взволнованно прошептала Забава.

Глава шестая,

В КОТОРОЙ ЗАБАВЕ И АЛЕШЕ УГРОЖАЕТ СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

— А теперь,— сказал Волшебник,— я с Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем посмотрю, что делается внизу, вон там, за обрывом, а Забава и Алеша Попович останутся сторожить наш волшебный шар.

— Дедушка,— надула губы внучка,— но мне тоже хочется пойти с вами.

Он покачал головой.

— Нет, Забава, мыслеплан оставлять нельзя. Никто не знает, что может случиться... Надеюсь, тебе здесь не будет ни страшно, ни скучно: ведь с тобой останется такой отважный богатырь! — И он прижал пальцем облупленный нос Алеша Поповича.— Пойдемте же, Илья и Добрыня!

Они удалились, шурша травой, и скоро скрылись за обрывом.

— Алеша,— вздохнула Забава,— с шаром ничего не случится, если мы немного походим.

— А куда ты хочешь идти? — опасливо спросил тот.

— Совсем недалеко. Давай только дойдем до леса и посмотрим, какие так деревья. Кругом ровное поле, и нам все время будет виден мыслеплан.

— Ну что же, пойдём... — согласился Алеша не очень охотно.

Забава шла впереди. Крупные бабочки с такими же розовыми, как трава, крыльями вспархивали из-под ее ног и снова садились, становясь невидимыми.

«Фью-фью-фью-фью!..» — свистели там и тут какие-то птицы.

Несколько стрекоз величиной с голубя кружились над Забавой и Алешей.

— Ого! Да они кусаются! — вскрикнул вдруг он, ударя себя по затылку и отшвыривая странное насекомое. — Тьфу, какие хрупкие и противные! Я думаю, что они больше похожи на комаров, чем на стрекоз.

Девочка не ответила, внимательно глядя вперед. Она неторопливо шагала, раздвигая траву руками. Сочные стебельки, увенчанные мохнатыми метелочками, шуршали, ломались и хрустели под ногами. Розовая, пахнущая медом пыльца окрасила ее руки. Скоро светлые волосы Забавы, ее брови и ресницы порозовели.

А солнце в безоблачном и таком же нежно-синем, как и на Земле, небе поднималось все выше. Становилось жарко.

— Пойдем обратно, — предложил Алеша. — Хочется пить.

— Отдохнем немного в лесу. Ладно? Смотри, шар отсюда хорошо виден, и кругом никого нет.

Они подошли к лесу. Теперь, когда их глаза все больше привыкали к розовому цвету, заполнившему весь этот удивительный мир, лес уже не казался им необычным. Он стоял неподвижный, высокий, густой. Его деревья очень напоминали гигантские папоротники. Но в глубине этот розовый лес темнел так же, как и на Земле, и из его таинственной чащи тянуло сыростью и прохладой.

— Как здесь хорошо! — весело пропела Забава. — Как хорошо!.. Побежим, Алеша!

Он остановился и засопел недовольно:

— Хватит!

— Еще чуточку. Самую чуточку!..

Платье Забавы замелькало между стволами величественных папоротников. У основания они были корявыми и скорее бурыми, чем розовыми. Такие же бурые, мягкие мхи устилали почву, скрадывая шум шагов. Лапчатые ветви сплетались в вышине, и в разрыве ветвей там и тут призрачными туманными колоннами падал солнечный свет.

— Забава! — кликнул Алеша. — Я не пойду дальше! Где ты? Я тебя не вижу!

— Я здесь! — ответила она издалека. — Здесь поляна. И очень красивые цветы... Ты слышишь меня, Алеша? Как они пахнут! Как они пахнут, Алеша!

Недовольно посапывая, он пошел на ее голос и вдруг остановился, удивленный. Забава стояла посреди большой поляны. Ее окружали большие цветы с яркими красными лепестками. Густой, сладкий аромат наполнял воздух.

— Упругие, как резина! — крикнула Забава, с трудом срывая цветок и поднося его к лицу. — Похожи на тюльпаны... Правда?

Он не успел ответить, потому что Забава вдруг вскрикнула и упала.

— Забава? Что с тобой? — закричал Алеша, подбегая к девочке.

Она лежала без сознания.

— Забава, Забава... — повторял он растерянно, не зная, что предпринять, и заплакал.

Яркие цветы неподвижно стояли вокруг. От нежных лепестков волнами струился теплый дурманящий аромат. У него закружилась голова...

Глава седьмая,

В КОТОРОЙ ВОЛШЕБНИК И ДВОЕ БОГАТЫРЕЙ ДЕЛАЮТ НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ

Волшебник, Илья Муромец и Добрыня Никитич спускались с отлогого холма, поросшего все той же густой розовой травой. А им навстречу от шумящей где-то внизу воды поднимался белый туман. Теплый и влажный, он скоро окружил их плотной стеной.

— Держитесь-ка за руки, друзья, чтобы не потеряться, — сказал Волшебник. Его голос прозвучал в тумане

глухо, будто в подземелье.— А знаете что? Ведь это, кажется, не туман, а самый обыкновенный пар... Разумеется, так и есть!

Они сделали еще десяток шагов и остановились у скалы, из-под которой прозрачным потоком вырывался могучий источник. Ветерок срывал с воды клубы пара и уносил их в сторону, на холм.

Вода в источнике kloкотала так сильно, что им пришлось говорить очень громко, чтобы расслышать друг друга. Сначала Волшебник, а потом и мальчики опустили в воду руки. Она была горячая и такая прозрачная, что сквозь завихрения воды можно было различить каменистое дно.

Путешественники медленно шли по каменистому берегу источника. А когда клубы пара рассеялись, они поняли, что этот теплый ключ дает начало реке, широко разлившейся в долине. Там и тут виднелись небольшие островки с высокой розовой растительностью. Две большие птицы, испуганные пришельцами,

забили в зарослях крыльями и с гортанным криком улетели в туман. Их тревожный крик, наверное, послужил сигналом для тысяч других птиц. Бескрайней тучей взметнулись они в воздух со всех островков. В воздухе потемнело. Шум их крыльев походил на внезапный ураган, который, однако, затих так же быстро, как и начался.

Но, по-видимому, этот ураган беспокоил еще одно существо, пришедшее на водопой и задремавшее в теплой воде. Посреди реки заплескалось что-то черное. Притихшие путешественники увидели, как над водой вытянулась толстая, как бревно, змееподобная шея с маленькой головкой. Голова неторопливо повернула узкие глаза сначала направо, потом налево. Затем над водой выросло гигантское темно-серое туловище.

Богатырям стало страшно. Они крепче прижались к Волшебнику, и он вдруг рассмеялся и начал весело потирать руки.

— Бронтозавр! — совсем по-мальчишески воскликнул он. — Клянусь моей бородой, один из самых роскошных видов травоядных ящеров! Надо думать, эта малютка весит не менее сорока тонн. Чудеснейший экземпляр! Не бойтесь, друзья! Это животное страшно только по виду, ведь оно не признает никакого мяса.

Медленно ступая по воде, бронтозавр вышел на берег и шумно отряхнулся. Неуклюжий многометровый хвост животного тяжело ударил по воде, взметнув каскад брызг.

Вытянув такую же многометровую шею, бронтозавр медленно озирался. Наконец он успокоенно изогнул шею, открыл пасть, очень похожую на пасть змеи, и с хрустом сорвал пучки розовой травы. Шея его снова вытянулась вверх. Он звучно и неторопливо жевал траву, прикрыв свои узкие глазки серыми веками.

И вдруг бронтозавр застыл. Казалось, он даже перестал дышать. Недоеденная трава выпала из пасти на песок.

В зарослях розового кустарника послышалось грозное рычание. И в ту же секунду со стремительностью, которая так не вязалась с его неуклюжим видом, бронтозавр повернулся задом к кустарнику. Но он не собирался бежать. Голова на длинной шее медленно раскачивалась, потемневшие глазки загорелись яростью, и из пасти вырвался громоподобный воинственный вопль. Трудно сказать, что это больше напоминало — рычание льва или рев разъяренного быка. Но таким жутким был этот крик, что мальчики снова в страхе прижались к Волшебнику.

Бронтозавр воинственно бил по земле хвостом.

Прошла секунда, другая... Из зарослей высунулась чудовищная хрипящая пасть с оскаленными зубами. Длинный раздвоенный язык, точно молния, метался между рядами зубов.

Прошло еще несколько секунд, и на песок выползла на четырех мощных лапах то ли ящерица, то ли крокодил, если только так можно назвать звероподобное пресмыкающееся величиной со слона. Это чудовище было несколько меньше бронтозавра, но по тому, как оно готовилось к борьбе, как прижимало к песку брюхо, собираясь сделать прыжок, как нервно подрагивало его тело, одетое в темно-се-

ребристый костяной панцирь, было видно, что перед бронтозавром опасный враг.

— Что это? — невнятно бормотал Волшебник. — Диноцефал? Очень похоже! Так и есть, диноцефал! Ну, это, кажется, страшный хищник, и мы, друзья, сейчас будем свидетелями никем еще не виданной битвы.

Диноцефал сделал прыжок. И в то же время бронтозавр взмахнул хвостом. Раздался пушечный удар. Диноцефал, этот бронированный великан, отлетел в сторону и перевернулся на спину. Мальчики ахнули.

Однако диноцефал, как видно, обладал ужасающей силой. Он тут же вскочил на лапы, сделал новый прыжок и вновь был опрокинут. Снова и снова бросался он на врага, и все неуверенней действовал хвостом бронтозавр. Вот его многотонный хвост впустую свистнул в воздухе и обрушился на берег, вывернув целую гору песка и красной глины.

Этого и ждал диноцефал. Два гиганта сцепились в смертельной схватке. Тучи пыли, брызги воды и комки мокрой глины полетели на безмолвных путешественников, потрясенных этой битвой. Почва сотрясаясь под ногами, и где-то далеко в заречье эхо повторяло дикие вопли сражающихся.

Огромные челюсти диноцефала сомкнулись на щеке бронтозавра, раздался треск, и фонтан крови с силой ударил в воздух. Бронтозавр захрипел и умолк.

Диноцефал лежал на поверженном сопернике и отдыхал, закрыв глаза и тяжело дыша. Отчетливо слышалось, как журчит и булькает кровь бронтозавра.

Наконец диноцефал открыл глаза, приподнялся на передних лапах и вдруг рванул зубами тушу бронтозавра.

Его челюсти были остры, как бритва. Они легко вырывали огромные куски мяса, и диноцефал с жадностью проглатывал их, поматывая своей бронированной головой и удовлетворенно урча. Гигант пожирал гиганта... Это было отвратительное зрелище.

— Я... не могу... это видеть,— прошептал Добрыня Никитич.— Пожалуйста, давайте уйдем отсюда...

Волшебник не успел ответить, потому что диноцефал внезапно перестал рвать свою жертву и уставился на путешественников неподвижными красноватыми глазками.

Он не торопился нападать. Может быть, он был удивлен появлением невиданных существ, а может быть, в нем пробудилось то чувство невольного трепета, которое уже давно испытывают на Земле все животные перед высшим существом — Человеком.

Путешественники не двигались. Шли секунды, а диноцефал не сводил с них круглых, налитых красной мутью глаз. Но вот его пасть приоткрылась, снова молнией заметался в ней раздвоенный язык, и раздалось негромкое хриплое рычание.

Переваливаясь с боку на бок, диноцефал сбежал на коротких лапах с туши бронтозавра, прижал брюхо к песку и снова зарычал.

— Бежим! — не выдержал Добрыня Никитич и попятился.

Диноцефал прыгнул. И в то же мгновение произошло что-то странное и непонятное.

Тело звероподобного пресмыкающегося удивительным образом перевернулось в воздухе. Громко застучав своим жестким панцирем, диноцефал плашмя упал на камни. Он был мертв, и только его хвост все еще конвульсивно подергивался.

— Это... сделали вы? — приходя в себя, спросил Волшебника побледневший Илья Муромец.

— Нет, это сделал не я, — медленно покачал головой Волшебник и подошел к мертвому чудовищу.

— Но кто же?

— Не знаю, не знаю, — пожал он плечами. — Такое впечатление, что диноцефал убит электрическим током. Или... или, может быть, ультразвуковым лучом... Я не думал, что...

Волшебник не договорил, так как розовые кусты раздвинулись, и на берег выскользнули какие-то люди. Именно люди, а не другие существа, потому что они стояли на двух ногах, а в верхних конечностях держали серебристые трубки с многочисленными темными клапанами. Одеты в глухие желтые костюмы, плотно облегающие их стройные тела, они остановились в нескольких метрах от путешественников и нацелили в них свои серебристые трубки.

Их было четверо, этих необычных людей с невидимыми лицами, скрытыми такими же, как и костюмы, желтыми масками. Лишь в узких прорезях у лба можно было различить блеск настороженных и любопытных глаз.

— Ну, теперь я ничего не понимаю, — тихонько проговорил Волшебник. — На этой молодой планете,

где жизнь зародилась, судя по всему, не так уж давно, еще не может быть мыслящих существ. Придется мне лишиться себя звания Волшебника.

Услышав его голос, люди в желтых костюмах зашевелились. Тот из них, кто стоял впереди, протянул к Волшебнику руку и сказал певучим гортанным голосом:

— Сино Тау?

В его голосе отчетливо слышался вопрос. Волшебник развел руками и миролюбиво улыбнулся:

— К сожалению, я бессилен ответить вам, уважаемый.

Человек в желтом костюме повторил:

— Сино Тау?

— Нет, нет, лучше не спрашивайте,— продолжал улыбаться Волшебник.— Вот если бы все поднялись к нашему мыслеплану, я бы мог при помощи волшебной шкатулки понять ваши слова и разъяснить вам, кто мы такие.— И Волшебник жестом пригласил незнакомцев следовать за собой на холм.

— Тото! — строго крикнул человек в желтом.

— Ага, понимаю! — закивал Волшебник.— «Тото», должно быть, означает «нельзя». Выходит, ребята, мы пленники. Но в таком случае, уважаемый, не разрешите ли вы сбегать за моей шкатулкой одному из мальчиков?

Он ткнул пальцем в грудь Добрыни и снова указал на холм.

По-видимому, незнакомцы на этот раз поняли Волшебника. Они коротко посоветовались друг с другом, заворковав своим гортанным голосом, и тот, кто стоял впереди, указал рукой на Добрыню.

— Риду!

— Риду,— повторил Волшебник.— Беги, Добрыня, иначе, клянусь моей бородой, нам придется плохо... Волшебная шкатулка стоит в мыслеплане под моим сиденьем.

Добрыня со всех ног бросился выполнять распоряжение.

**В КОТОРОЙ ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ
ОКАЗЫВАЕТ ПОМОЩЬ ЗАБАВЕ И АЛЕШЕ ПОПОВИЧУ**

Подбежав к мыслеплану, запыхавшийся Добрыня прежде всего увидел, что Забава и Алеша исчезли. Сначала ему казалось, что они спрятались в розовой траве.

— Перестаньте дурачиться! — громко сказал он, вытирая рукавом пот на лице. — Мне не до шуток, ребята!

Ему никто не ответил. Только розовая трава ровно шумела под ветром да звонко посвистывали скрывающиеся в ней какие-то существа.

Добрыня обеспокоенно огляделся по сторонам, заглянул в мыслеплан. Там было душно и пусто.

— Ребята, — закричал он, все больше тревожась, — где вы?

И тут Добрыня обнаружил в хрупкой и ломкой траве след. Он отчетливо был виден до самого леса.

— Хороши сторожа! — недовольно проворчал Добрыня и, не раздумывая, побежал по следу.

Розовые мотыльки и стрекозы вились над ним.

Он остановился только в лесу, в густой тени могучих папоротников. Следы товарищей терялись в мягких мхах.

— Ребя-а-ата!.. — в отчаянии закричал Добрыня.

«А-а-ата!» — ответило эхо.

— Где-е-е-е вы?..

«Де-е вы?..» — отозвался лес.

Он был наполнен жуткой тишиной. Белые неясные столбы света, словно дым, переплетались в его таинственной чаще.

Добрыня прислонился к бурому величественному папоротнику и всхлипнул. И в ту минуту, когда ему показалось, что Алеша и Забава погибли в этом жутком и суровом лесу, он услышал слабый крик.

Спотыкаясь о цепкие корни папоротников, Добрыня стремглав бросился на него. Он падал, вскакивал и снова бежал.

И вот наконец поляна. Огромные красные тюльпаны. И душный сладкий запах...

Он не сразу нашел Алешу и Забаву. Они лежали неподвижные, бледные среди цветов, которые нежно склонялись к ним, прижимались к их рукам и лицам.

— Ребята,— дрогнувшим голосом проговорил Добрыня.

Алеша открыл глаза и прошептал:

— Не дыши... Цветы выпускают какой-то газ.— Его глаза обессиленно закрылись.

Добрыня все понял. Сначала он вытащил из цветов Забаву и положил на мох в тени папоротника. Удушье стискивало грудь мальчика. Он вытер вспотевшее лицо, жадно глотнул воздух и снова бросился в цветочные заросли.

Подхватив под руки бесчувственного товарища и чувствуя, что тоже теряет силы, Добрыня добрался до папоротника и тоже свалился на мох.

Долго пролежали они, обессиленные, безмолвные, забрызганные темным тягучим соком страшных цветов.

Непонятный звук донесся до слуха Добрыни. Ему почудилось, что кто-то вытягивает свою ногу из густой, вязкой грязи.

«Пфф-чмок!» — раздалось совсем близко. Затем наступила короткая тишина. И снова «пфф-чмок!».

Добрыня открыл глаза и совсем неподалеку снова увидел высокий цветок с красными лепестками.

Выступающие наружу темно-багровые корни цветка сокращались, словно самые обыкновенные гусеницы, и ползли. Неудержимо ползли! Они упрямо вырывали из почвы свои острые влажные присоски — «пфф-чмок!» — и все ближе подбирались к лежащим ребятам. Вместе с корнями двигался стебель, оранжевые листья, красный венчик. А следом ползли, чуть покачиваясь в воздухе, сотни других цветков.

— Они живые! — громко сказал Добрыня и вскочил.— Вставайте, ребята! Скорей!..

Забаву и Алешу с трудом поднялись.

— Очень кружится голова,— слабо сказала девочка, когда они медленно тронулись в обратный путь.

Только теперь Добрыня заметил, что лица, шеи, руки Забавы и Алеши покрыты синевато-розовыми пятнами.

— Ой, что с вами делается?! — воскликнул он.

Девочка посмотрела на Алешу, потом на свои руки и с тревогой спросила:

— У меня такое же лицо?

— Да... Эти цветы, кажется, присосались к нам, как пиявки, и пили нашу кровь.

Забава вдруг заплакала: что делать, все девочки боятся потерять свою красоту.

— Забава,— с мольбой в голосе проговорил Добрыня,— я тебя очень прошу, не плачь...

Как всякий мужчина, он не выносил женских слез.

— На кого я теперь похожа? — всхлипывая, говорила Забава, отворачивая лицо.

— Честное слово, ты очень красивая! — горячо сказал Добрыня.

— Эти пятна скоро пройдут,— успокоил ее Алеша, который совсем расхрабрился, когда опасность миновала.— Давайте, ребята, вернемся и уничтожим эти проклятые цветы!

— Нельзя! — быстро запротестовал Добрыня.— Нас ждут...

И он рассказал об удивительной встрече с людьми в желтых одеждах.

Глава девятая,

**В КОТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ УЗНАЮТ,
ЧТО РОЗОВАЯ ПЛАНЕТА НАЗЫВАЕТСЯ ЭО ТАУ,
А НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ — УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА**

Люди в желтых одеждах, должно быть, решили, что Добрыня обманул их и скрылся. Посовещавшись на своем гортанном языке, незнакомцы приказали Вол-

шебнику и Илье подняться на холм и, не спуская с них серебряных трубок, двинулись следом. Когда Забава и ее товарищи вышли из леса, Волшебник и Илья, конвоируемые желтыми стражами, уже подошли к мыслеплану.

Все встретились у входа в мыслеплан. Увидев пятна на лицах у ребят и следы темной жидкости на их костюмах, незнакомцы разом взволнованно заговорили, объясняя что-то друг другу.

— Ах, Забава,— сказал Волшебник внучке,— я вижу, что вы попали в какую-то переделку! Наверняка виновато, как обычно, твое любопытство, а ведь я просил вас посторожить мыслеплан.

— Прости меня, дедушка...

— Я всегда прощаю тебя,— вздохнул тот.— Однако сейчас я прежде всего хочу выяснить, с кем мы встретились на этой планете.

Старик скрылся в мыслеplane и сейчас же вынес наружу металлическую голубую шкатулку. Он надел на плечи ремни и укрепил ее на груди. Затем Волшебник включил рычаг, и в шкатулке раздался легкий треск.

Поняв, что им ничто не угрожает, незнакомцы опустили серебряные трубки и с интересом склонились над шкатулкой.

— Почему вы задержали нас, уважаемые? — спросил старик.

И звенящий металлический голос внутри волшебной шкатулки сейчас же перевел эту фразу на какой-то незнакомый язык: «Тико лизаро нефту?»

Пораженные незнакомцы дружно рассмеялись. Это был самый обыкновенный человеческий смех.

— Эль Сино Тау? — ответил вопросом на вопрос один из них. — Эль Синот?

Звенящий голос в шкатулке перевел:

«Вы со Звезды Гроз? Вы синоты?»

— А где находится планета, на которой живут синоты и которую вы назвали Сино Тау — Звездой Гроз? — спросил Волшебник.

— А разве вы не знаете сами? — удивился незнакомец.

— Нет, клянусь моей бородой!

— Сино Тау — одна из трех планет нашего солнца.

— Как называется планета, на которой мы сейчас находимся?

— Эо Тау — Утренняя Звезда. Это самая молодая планета нашей солнечной системы.

— А вы сами, уважаемые, постоянно обитаете здесь, на Утренней Звезде?

— Нет, мы эферийцы — жители третьей, наиболее древней планеты. Она называется Эфери Тау, что означает — Холодная Звезда.

— Очень приятно познакомиться... Кстати, как вас зовут, уважаемый эфериец?

— Клад.

— Очень приятно,— повторил Волшебник.— Как я и думал, вы такие же космические путешественники, как и мы! Ведь правда?

— Мы действительно прибыли сюда с Холодной Звезды. Но скажите нам, откуда прибыли вы с этими милыми детьми?

Волшебник с любезным видом предложил всем войти в мыслеплан и указал эферицам на звездную карту. Они внимательно рассматривали мириады светлых точек на темном фоне карты.

— Вот ваше солнце,— сказал Волшебник.— Видите, оно затерялось здесь в продолговатом пучке звезд. Мы называем этот пучок, это несколько необычное созвездие, Волосами Вероники...

Клад долго молчал, соображая.

— Звездная карта кажется мне несколько необычной,— наконец проговорил он.— Наше солнце мы называем Ладом.

— А теперь я покажу вам наше Ладом,— улыбнулся Волшебник.— Взгляните вот на это созвездие, уважаемый Клад. Вот звезда побольше альфа Центавра. А рядом с ней совсем крохотная звездочка. Это и есть наше солнце! Прямо скажем, оно далековато отсюда. Но, уж поверьте мне, это совершенно великолепное Ладом! Кстати, по величине оно очень напоминает ваше светило. Только у нашего светила не три планеты, а девять. На одной из них мы и обитаем. Наша планета называется Земля!

— Земля...— задумчиво повторил Клад.

— Ну, а мы, если хотите, земляне...

— Земляне, и, кроме того, еще мы земляки,— улыбнулась Забава.

— Зэмлаки...— с трудом выговорил эфериец и, как показалось землянам, чуть пожал плечами.— Но это невозможно!..— вежливо прибавил он.

— Что невозможно, уважаемый Клад?

— Полет из такой далекой солнечной системы.

— Почему?

— Для этого не хватит многих человеческих жизней, даже если лететь с самой большой скоростью, какая существует в природе, — со скоростью света. Синоты, например, уже овладели тайной этой скорости. Но и они, друг земляк, рискуют отправляться в путешествие со своей планеты Сино Тау лишь к солнечным системам ближайших звезд. Вы назвали эти звезды Волосами Вероники. О, земляк, нам, конечно, давно известно ваше созвездие, но оно всегда представлялось нам недоступным. Нам всегда казалось, что его можно достигнуть лишь в мыслях, в мечте! Поэтому ваше созвездие у нас так и называется — Лотари Тау — Созвездие Мечты.

— Красиво, клянусь бородой! — воскликнул Волшебник. — Ведь правда, ребята, приятно жить в таком созвездии? Но продолжим наш разговор... Вы, уважаемый Клад, близки к истине, когда говорите, что в мыслях можно достигнуть самого недоступного. Значит, все-таки существует такая, я бы заметил, волшебная сила, данная природой разумному существу. Вот этой силой, смею вас заверить, мы и владеем. И волшебный шар, который нас сюда доставил, так и называется — мыслеплан!

— Мыслеплан? — помедлив, повторил Клад и поднял руку к своей голове, скрытой желтой маской.

— Вы меня прекрасно поняли, уважаемый! — обрадовался Волшебник. — А теперь ответьте мне еще на один вопрос. Мне показалось, что вы приняли нас за представителей Звезды Гроз — Сино Тау. А синоты, как видно, не очень-то пользуются вашим расположением...

— Синоты — наши ненавистные враги! — так резко и быстро сказал эфериец, что звенящий голос в голубой шкатулке даже поперхнулся, переводя его слова. — Вы, друг земляк, скоро все узнаете об этих подлых

существах... Только не сейчас. Сейчас надо позаботиться о ваших детях, которые отравлены ядом Тибери Като — Цветов Смерти.

— Отравлены ядом? — всплеснул руками Волшебник и растерянно опустил в кресло. — Что вы надеялись, Забава?..

Забава хотела что-то ответить и не смогла — только беззвучно шевельнула побелевшими губами. Ее синие глаза с ужасом смотрели на эферийца.

— Не волнуйся, девочка, — ласково сказал Клад. — Яд Тибери Като становится смертельным лишь после второго восхода Ладос. У нас есть еще время... Но, чтобы предупредить действие яда, нам нужно немедленно отправиться в горы, где находится временная стоянка космических разведчиков с Эфери Тау — с Холодной Звезды.

Глава десятая,

В КОТОРОЙ ЗЕМЛЯНЕ СОВЕРШАЮТ ПОЛЕТ НАД УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДОЙ

В руке Клада появился крохотный светлый коробок. Вначале землянам показалось, что это обычные спички. Но эфериец четко произнес в коробок:

— Эми вур тонто...

«Говорит руководитель экспедиции», — тут же перевел голос волшебной шкатулки.

«Дежурный экспедиции слушает», — прозвучал из коробки ответ.

Илья толкнул плечом Добрыню и прошептал восторженно:

— Вот это радиоаппарат!.. Наверное, на полупроводниках...

Клад продолжал:

— Друг дежурный, срочно вышлите летательный аппарат в Долину горячих источников.

Последовала небольшая пауза, и голос дежурного сообщил:

«Летательный аппарат поднялся в воздух, друг руководитель».

Все вышли из мыслеплана, и вход за ними беззвучно закрылся.

Раскаленное, слепящее солнце стояло в самом зените. Воздух стал горячим и тяжелым. Умолкли птицы, все утро звеневшие в долине. Ветер стих, и розовая трава склонила мохнатые головки, словно замерев в поклоне перед всеильным и могучим Ладом.

Из-за папоротникового леса на небо напозла большая иссиня-черная туча, косые молнии непрестанно бились в ее толще, будто хотели вырваться наружу и не могли. Медлительный гром, как далекий крик бронтозавра, катился из-за леса.

— Ого! — сказал Волшебник. — Собирается роскошный дождь!

— На Утренней Звезде часто бывают дожди, — ответил Клад. — Но пусть это не беспокоит вас, друг земляк. Гроза не помешает нашему полету. Мы сможем легко уйти от тучи.

Волшебник посмотрел на мыслеплан. Эфериец понял его без слов и предупредительно проговорил:

— И это пусть вас не беспокоит, друг земляк. Ваш мыслеплан останутся сторожить трое моих товарищей. У них надежное оружие! — И он показал свою серебряную трубку.

Добрыня, которого, по-видимому, не так уж сильно обеспокоило сообщение о том, что он отравлен ядом Цветов Смерти, заинтересованно спросил:

— Скажите, пожалуйста, там, возле источника, вы убили диноцефала из такой штуки?

— Да, мальчик.

— Эта штука заряжена какими-нибудь пулями?

— Штука? — удивился Клад. — Какое странное слово... Штука у нас называется фланом, мальчик. Флан — это

конденсатор ультразвуковой энергии. Зверь, которого ты назвал диноцефалом, был убит ультразвуковым лучом.

— А разве я говорил не то же самое? — удовлетворенно заулыбался Волшебник и погладил свою бороду. — Нет, старый бородач, ты еще не потерял права называться волшебником!

— Флан обладает колоссальной силой, — продолжал Клад. — Ультразвуковой луч молниеносно разрушает клетку — основу всякой материи.

Эфериец вскинул серебряную трубку и навел ее в гущу травы. Чуть слышно щелкнул клапан, и розовые растения вдруг полегли, словно срезанные косой.

— Вот это да! — пощелкал языком Добрыня. — Если бы у нас была такая вещь, Цветы Смерти уже гнили бы в лесу!

Забаву мало интересовало грозное оружие эферицев. Заслоняясь рукой от жаркого Ладо, она то и дело облизывала сухие губы и наконец жалобно прошептала Волшебнику:

— Как хочется пить!..

Она сказала это очень тихо, однако голос волшебной шкатулки немедленно перевел:

«Перито фамур!..»

Клад вынул из бокового кармана круглую пластину, которая сразу же превратилась в его руке в прозрачный сосуд.

— Складной стакан, — шепнул Алеша и провел кончиком языка по губам: жажда уже давно томила и его.

Эфериец протянул сосуд Забаве. Она взяла и разочарованно пролепетала:

— Но ведь... он пустой...

— Но сейчас будет полный! — рассмеялся Клад.

Его глаза весело блеснули в прорези маски. Он бросил в сосуд щепотку какого-то порошка. Порошок зашипел, воздух легко завихрился над сосудом, и че-

рез несколько мгновений он до краев наполнился прозрачной водой.

— Пей, девочка.

Забава с жадностью прильнула к сосуду.

— Чудесная вода! — благодарно улыбнулась она. — Вкусная и холодная. Большое вам спасибо!

Затем напились мальчики.

— Химическая реакция, — сказал Волшебник, беря сосуд с новой порцией воды. — Насколько я понимаю, уважаемый Клад, вы добываете эту жидкость прямо из воздуха?

— Да, друг земляк. Воздух Эо Тау содержит не менее пяти процентов водяных паров. Ну, а теперь мы отправимся в горы...

Летательный аппарат, похожий на большую белую птицу, плавно помахивая широкими крыльями, вынырнул из-за тучи и начал стремительно снижаться. Неподалеку от мыслеплана крылья аппарата приподнялись и затрепетали, как трепещут крылья голубя, когда он садится на землю. Белая птица мягко опустилась в траву.

— Очень интересно! — воскликнул Волшебник. — Летательный аппарат с подвижными крыльями вместо пропеллера. Надо полетать, друг Клад, вы полностью овладели тайной полета птиц.

Земляне поднялись по маленькой лестнице в кабину и сели на мягкие откидные стулья.

Илья Муромец вопросительно посмотрел на Волшебника:

— Кажется, у эферийцев все сделано из пластмассы: и этот самолет, и костюмы, и складной стакан, и даже ружья... то есть фланы...

— Возможно, возможно... — задумчиво сказал Волшебник. — Видишь ли, дорогой Илья, очень скоро и на нашей милой Земле пластмасса станет основой всей жизни. Когда-то у нас был каменный век. Был у нас век железный... А теперь наступает век пластмассы. Великолеп-

ный и прочнейший материал, равного которому я ничего не знаю!

Тяжелый удар грома покати́лся из нагльвающей тучи. Клад поспешно поднялся в кабину, и в ту же минуту над головами путешественников что-то коротко прошуршало и смолкло. Земляне не сразу поняли, что над ними появилась легкая куполообразная крыша, такая прозрачная, что казалось, их ничто не отделяет от внешнего мира. Только сразу стало очень тихо. Молнии беззвучно резали темную тучу.

Земляне видели, как трое эферийцев у мыслеплана прощально подняли руки. Летательный аппарат неслыш-

но оторвался от поверхности планеты и, плавно набирая скорость, взвился над долиной.

Удивительная панорама открылась перед глазами космонавтов.

Далеко-далеко раскинулась розовая планета с оврагами и невысокими холмами. Повсюду дымились паром горячие источники. С высоты они выглядели крошечными. Казалось, что кто-то разбросал в розовой траве клочки ваты. Ручейки и реки затейливо вились там и тут.

Тень от тучи медленно ползла по долине. Бескрайний лес, уходящий за линию горизонта и похожий на огромный ярко-розовый ковер, задернула серая пелена ливня. Туча была совсем рядом с космонавтами, лучи невидимого солнца нежно золотили ее рваные клубящиеся края.

Через несколько секунд туча осталась позади, и все зажмурились от ворвавшегося в кабину солнца.

Летательный аппарат пересек долину и полетел над лесом. Громада снежных гор торжественно плыла навстречу. Над самой высокой конусообразной вершиной виднелся узкий дымок.

— Вулкан! — воскликнул в тишине Илья.

— Да, — подтвердил Клад, — действующий вулкан. Мы называем его Гаустав, что означает Огнедышащий.

Внезапно снежные горы скрылись: летательный аппарат влетел в затемненное ущелье. Темные нагромождения скал справа и слева бесшумно понеслись назад.

Забава испуганно вскрикнула. Ей казалось, что аппарат сейчас врежется в стремительно приближающийся выступ скалы. Но аппарат, чуть накренившись, плавно обошел выступ, и Забава снова вскрикнула — на этот раз восхищенно и радостно:

— Море!

— Океан! — поправил Клад.

Беспредельная синяя ширь виднелась в расщелине скал.

Летательный аппарат вынырнул из ущелья и круто повернул налево. Зачарованные путешественники молча смотрели по сторонам, на их лицах застыли неподвижные улыбки. То, что они видели, было непередаваемо величественным и красивым...

Справа, на глубине трех-четырех километров, под солнцем поблескивал солнечными бликами океан. Его синева была густой, как масло.

Слева проносились горы, поросшие розовой растительностью. За первым хребтом виднелся второй, голый и скалистый. А еще дальше — третий, высокий, заснеженный и суровый, нестерпимо сверкающий в лучах полуденного солнца.

— Это восхитительно, друзья мои! — с чувством промолвил Волшебник. — Есть на свете такая волшебная сила, перед которой снимаем шапки даже мы, волшебники. Имя этой силы — Природа!

Снова стал виден Гаустав. Он царственно возвышался над всеми горами. За его острую вершину зацепилось светлое облачко: темный дым вулкана обхватывал это облачко с двух сторон и словно сжимал в своих объятиях.

— Сейчас мы будем в лагере, — сказал вдруг Клад и легким движением руки сбросил с головы маску.

Земляне с нескрываемым интересом смотрели на эферийца. У него было продолговатое лицо с очень белой, пожалуй, даже несколько изнеженной кожей. Над высоким лбом слегка завивались редкие волосы каштанового цвета. В общем, это было почти обыкновенное «земное» лицо, с прямым носом, тонкими губами; его темные большие глаза смотрели на землян с приветливой улыбкой.

Необычными были только ресницы и брови Клада. Густые, черные, четко очерченные, они подчеркивали белизну его лица.

— Да, — заулыбался Волшебник, — таким ресницам, друг Клад, могла бы позавидовать любая земная красавица.

— Ресницы — отличительная черта людей с Эфери Тау, друг земляк, — пояснил Клад и вздохнул. — Страшные ураганы часто проносятся по нашей холодной планете. Они несут пыль и мельчайший песок: мы все давно ослепли бы, если бы наших глаз не защищали такие ресницы.

— Понятно, — сказал Волшебник и с достоинством прикоснулся к своей бороде. — Ну, а такая растительность, простите меня, друг Клад, украшает лица эфериЙцев?

— Украшает? — спросил Клад, не скрывая своего удивления. — Мне это не кажется красивым, друг земляк.

— Вот как! — слегка обиделся Волшебник.

— Право же, это совсем бессмысленная растительность, и мы уничтожаем ее специальным раствором, как только мальчик становится мужчиной. Если хотите, мы уничтожим и вашу бороду, друг земляк.

— Ну нет! — воскликнул Волшебник. — Я иного мнения о своей бороде.

Клад рассмеялся и сказал:

— Кстати сказать, наши враги, люди Сино Тау, тоже носят бороды. Именно поэтому мы приняли вас за синота.

— Это меня очень огорчает, друг Клад. Но, как у нас говорится, о висках не спорят... — Старик смущенно оглянулся на мальчиков и невнятно пробормотал: — Хотел бы я видеть доброго волшебника без бороды...

Чтобы прекратить неприятный для дедушки разговор, Забава спросила краснея и запинаясь:

— Скажите, пожалуйста, друг Клад... зачем вы носите эти желтые маски и костюмы?

— Эти маски и костюмы, девочка, предохраняют нас от зноя Эо Тау, которого мы никогда не испытывали на нашей холодной планете. Даже в горах Эо Тау, где сравнительно прохладно, мы чувствуем некоторые затруднения. Кроме того, у нас на Эфери Тау воздух в сравнении с воздухом Эо Тау сильно разрежен. Поэтому легко дышится нам только здесь, в горах. А внизу от излишков кислорода нам помогают избавляться наши желтые маски. Но, друзья, мы продолжим беседу позже... Мы уже прилетели в наш лагерь.

Глава одиннадцатая,

В КОТОРОЙ ЗЕМЛЯНЕ ЗНАКОМЯТСЯ С КРАСАВИЦЕЙ ФЛЕР

Взволнованные космонавты, словно по команде, посмотрели вниз. Летательный аппарат медленно парил над огромным горным плато, с трех сторон окруженным темными зубчатыми скалами.

Четвертая, открытая сторона плато кончалась головокругительным каменистым обрывом над океаном. Даже отсюда, с воздуха, было видно, на какой страшной высоте основали разведчики Эфери Тау свой лагерь.

Глубоко-глубоко внизу белела тоненькая и, казалось, неподвижная ниточка океанского прибоя. Там, должно быть, бушевал шторм. Но здесь, в тишине можно было лишь догадываться, с каким шумом разбивались о прибрежные камни пенистые валы.

Посреди плато двумя рядами возвышались шестигранные строения с прозрачными, поблескивающими под солнцем куполообразными крышами. А рядом с ними стояли летательные аппараты, такие же, как и тот, в котором находились сейчас земляне.

Из строений торопливо выбегали люди. Их было много — несколько десятков. Они приветливо махали руками снижающимся космонавтам.

— Они приветствуют вас, друг Клад? — спросил Илья Муромец.

— Нет, они приветствуют вас, мальчик.

— Нас? Разве они уже знают о нашем прибытии на Эо Тау?

— Об этом в лагерь должны были сообщить мои товарищи, оставшиеся сторожить мыслеплан. Троем из вас врач нашей экспедиции сейчас окажет помощь.

Крылья летательного аппарата приподнялись и затрепетали, словно крылья птицы. Легкая вибрирующая дрожь передалась от аппарата землянам. Но это продолжалось не больше трех секунд. Аппарат неслышно коснулся поверхности плато. Невидимая крыша над головами путешественников разомкнулась, и в кабину ворвались струи холодного воздуха и громкие гортанные возгласы:

— Верито, зэмлаки!

— Верито, верито!

— Зэмлаки, верито!

Волшебная шкатулка поперхнулась, защелкала и наконец перевела: «Привет землякам!»

Летательный аппарат окружили люди в желтых костюмах. Десятки глаз, опущенных темными ресницами, сияли улыбками.

Волшебник поднялся во весь рост и торжественно крикнул:

— Верито, эферийцы!

— Верито! — дружно ответили разведчики Эфери Тау.

Земляне вышли из кабины. Им было холодно, и их зубы начали мелко-мелко постукивать. Они дышали, широко открыв рты: им не хватало воздуха. В ушах зашумело.

Клад сделал движение рукой, и разведчики Эфери Тау сразу умолкли и расступились, образуя проход.

С трудом поднимая сразу ослабевшие ноги, земляне двинулись за Кладом к высокому шестистенному строению. Одна из стен с мягким шелестом поднялась перед ними и сейчас же опустилась, как только они вошли в помещение. Клад остался по ту сторону входа.

В помещении было относительно тепло и дышалось легче.

— Приступ горной болезни, — сказал Волшебник. — Не огорчайтесь, друзья, это неприятно главным обра-

зом вначале. Я думаю, постепенно мы сможем при-
выкнуть к разреженному воздуху. В молодости я под-
нимался с альпинистами на Казбек и испытывал тог-
да то же самое.

Земляне осмотрелись. Они стояли посреди шести-
гранной комнаты с высокими гладкими стенами.
Солнце заливало ее светом сквозь прозрачный пото-
лок. Как потом убедились земляне, таких шестигран-
ных комнат в каждом строении насчитывалось не
меньше дюжины; они примыкали одна к другой,
словно соты в пчелином улье. Внутренние стены этих
комнат-сотов были непрозрачными, а наружные про-
свечивали, как стекло, и закрывались легкими золоти-
стыми шторами.

Несколько низких мягких сидений, и перед каж-
дым сиденьем такой же низкий столик с отполиро-
ванным верхом — вот и все, что было в той комнате,
в которой оказались земляне.

— Ну что ж,— сказал Волшебник,— эти сиденья
располагают к отдыху. Давайте сядем, друзья.

— Эферийцы, кажется, уже забыли про нас,— кап-
ризно проговорила Забава,— а Клад обещал показать
нас врачу.

Волшебник погрозил ей пальцем:

— Я сам беспокоюсь о вашем здоровье, однако это
не означает, что мы должны ворчать, как это делаешь
ты, внучка. Эферийцы приняли нас, как самых почет-
ных гостей, и...

Он не договорил, потому что наружная стена под-
нялась, на землян снова пахнуло холодом, и в комна-
ту вошла девушка со светлым ящиком в руке.

Невысокая, стройная, с короткими вьющимися во-
лосами, с еще более нежным, чем у Клада, лицом, с
неясными тенями от ресниц под глазами, она каза-
лась слабенькой и беспомощной, но была так необык-
новенно хороша, как иной раз выглядит хрупкий, но пре-
лестный цветок, распустившийся не в лесу под ярким

солнцем, а зимой в заснеженной оранжерее. Это сравнение пришло в голову Волшебнику: он любил цветы.

И Волшебник, и Забава, и мальчики смотрели на девушку затауманенными, улыбающимися глазами — так некоторые люди слушают чарующую слух музыку или рассматривают какую-нибудь удивительную, поразившую воображение картину.

Вошедшая, вероятно, не поняла, что они ошеломлены ее красотой. Ее губы дрогнули в улыбке, и она певуче проговорила:

— Верито...

— Верито, дитя мое,— глухо и растроганно ответил Волшебник.

— Мне сказали, что вы сможете понимать меня при помощи какого-то механизма,— продолжала она, все еще улыбаясь.— Я врач экспедиции.

— Вы врач? — изумился Волшебник.— Но сколько же вам лет, прелестное дитя?

Она помедлила несколько мгновений.

— Я хочу ответить так, чтобы вы поняли меня, потому что не знаю, сколько времени длится год на вашей планете.

— В нашем году триста шестьдесят суток... Иными словами, наша Земля, совершая полет вокруг Солнца, оборачивается вокруг себя триста шестьдесят пять раз.

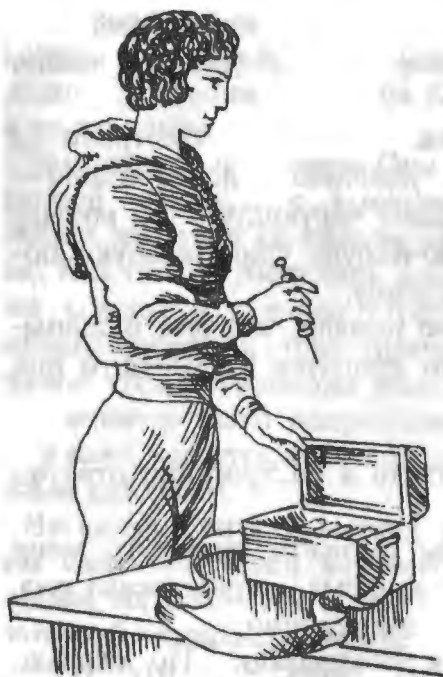
Она закивала головой и пояснила:

— Эфери Тау оборачивается вокруг себя четыреста двадцать два раза, пока летит вокруг нашего Ладо.

— Сколько же раз планета Эфери Тау облетела Ладо с тех пор, как вы родились, прелестное дитя?

Она спокойно ответила:

— Сто девяносто два раза, и еще после этого Эфери Тау обернулась вокруг себя триста один раз.

— Что?! — воскликнул Волшебник, вскакивая. — Это немыслимо! Вам почти сто девяносто три года?.. Да нет же, значительно больше в переводе на земное время! Ведь наш год короче вашего. Вы шутите, дитя мое!.. Впрочем, я не имею права называть вас так. Ведь вы значительно старше меня, старика!..

— Дедушка, — перебила его Забава, — а может быть, сутки на Эфери Тау короче, чем на Земле?

— Гм... не думаю... —

Он помолчал и погладил свою бороду. — Сейчас проверим. Скажите, дитя мое... Простите! Скажите, доктор, знаете ли вы, что такое секунда?

Он ритмично постучал по столу: раз, два, три, четыре...

Она сразу поняла его и, согнув длинные изящные пальцы, повторила стук.

— Тиль, — сказала она. — Секунда — это тиль. Правда, мне показалось, что вы стучали несколько чаще, чем я. Возможно, ваша секунда на какую-то долю короче нашего тилиа. Сто тилей составляют один тиль-тиль. А сто тильтилей равняются одному солтану. В наших сутках, которые мы называем по солнцу — ладос, восемнадцать солтанов.

— Значит, вам, уважаемый доктор, в два раза больше земных лет, чем я предполагал, — упавшим голосом проговорил Волшебник. — Ну, конечно же, в ваших сутках сто восемьдесят тысяч тилей, то есть пять-

десять земных часов. Причем это в том случае, если считать, что тили и секунды суть одно и то же... Но скажите, пожалуйста, каким образом эферийцам удастся жить целые столетия? И еще один вопрос, как вас зовут?

— Меня зовут Флер, дорогой земляк,— ответила она.— Об остальном я расскажу после того, как сделаю детям прививку против яда Тибери Като и накормлю вас обедом.

— Нужна прививка? — испугалась Забава.— А это больно?

— Как тебе не стыдно, Забава! — вдруг рассердился Илья Муромец и покраснел.— Может, ты думаешь, что лучше умереть, чем делать прививку?

Девочка смущенно взглянула на Илью и потупилась:

— Терпеть не могу никаких прививок...

— Хорошо,— серьезно сказал Волшебник,— не делайте ей прививку, дорогая Флер.

Забава молчала. Ее светлые реснички задрожали и подбородок задергался часто-часто.

— Ты хочешь, дедушка... чтобы я умерла? — Она почти плакала.— Да? Скажи, дедушка?

— По-моему, этого хочешь ты сама, Забавушка.

— Я же... не отказываюсь от прививки...

Флер весело рассмеялась и открыла свой ящик с какими-то иглами и пробирками:

— Милая девочка,— сказала она,— врачи Эфери Тау уже много тысячелетий не причиняют боли своим пациентам.

И действительно, укол, который она сделала в позвоночник Забаве, а потом двум богатырям, был совершенно безболезненным. Казалось, что она легко касается спины своими тонкими пальцами.

— Вот и все,— проговорила Флер, закрывая медицинский ящик.— Вам больше ничего не угрожает, дети.

Затем она направилась к одной из внутренних стен и кивком головы пригласила землян следовать за собой. Стена поднялась, и все перешли в другую комнату.

— Это ваша столовая... или, если хотите, ваша кладовая.

— Наша? — удивленно шевельнула бровями Забава.— Почему наша?

— Весь этот дом по распоряжению руководителя экспедиции принадлежит вам.

— Но зачем же нам весь дом?

— Вы наши добрые гости. Для вас в этом доме поддерживается необходимая температура, и вы не будете испытывать здесь нужду в кислороде.

Волшебник церемонно поклонился.

— Передайте, дорогая Флер, горячую благодарность вашему начальнику.

— Руководителю,— поправила она.— У нас нет начальников.

— Приношу свои извинения...

— Меня беспокоит только одно,— продолжала Флер.— Сможете ли вы привыкнуть к нашей походной пище? Если нет, мы попробуем обеспечить вас такой едой, к которой вы привыкли на своей планете.

С этими словами Флер вынула из стенного шкафа несколько желтых банок и поставила их на стол перед путешественниками.

— Консервы? — догадался Добрыня и проглотил слюну.

И он, и его товарищи уже давно проголодались, но никто из них не решался заговорить об этом.

— Да,— сказала Флер,— в этих консервах есть все необходимое, чтобы в человеческом организме поддерживалось горение. Такой банки достаточно на сутки

— А это вкусно? — неожиданно спросила Забава, и ее щеки, лоб и даже шея залились румянцем.

— Во всяком случае, сытно, девочка,— улыбнулась Флер и, обернувшись к Волшебнику, прибавила: — Ешьте, пожалуйста, и вы. Консервы открываются очень легко. Вот так...

— Кисель? — спросила Забава, разглядывая темную ароматную жидкость, и нерешительно поднесла банку к губам.— О, ребята, это напоминает дыню! Пахнет дыней! Я могу выпить десять таких банок!

Однако она не выпила и половины содержимого банки.

— Больше не могу. Кажется, я пожадничала... Большое спасибо, дорогая Флер!

Ее голос звучал совсем вяло, она потерла пальцем глаза.

Флер взглянула на Забаву и сказала:

— А теперь, дорогие земляки, вы ляжете спать. Очевидно, вы давно не отдыхали.

Забава посмотрела на часы.

— Очень давно! Ой, на Земле сейчас десять часов утра! Значит, мы покинули Землю двенадцать часов назад!

— Удивляюсь, как ты до сих пор не заснула,— покачал головой Волшебник.— Должно быть, сказалось нервное напряжение... Да, уважаемый доктор, сейчас нам нужен сон. Только сон...

Глава двенадцатая,

В КОТОРОЙ ФЛЕР РАССКАЗЫВАЕТ ЗЕМЛЯНАМ ИСТОРИЮ УМИРАЮЩЕЙ ПЛАНЕТЫ ЭФЕРИ ТАУ

Богатыри спали долго. Первым проснулся русоволосый Илья Муромец. Сбросив с себя очень легкое, но теплое одеяло, он потянулся и свесил с постели ноги.

Постель напоминала небольшую лодку. В ее мягком углублении было удобно спать, но не сидеть. Илья зевнул и спрыгнул на пол.

Рядом с ним безмятежно и сладко спали в постелях-лодках приятели. Толстощекий Добрыня Никитич лежал на спине, смешно вытянув трубочкой губы, и при каждом выдохе тоненько посвистывал. Конопатый Алеша Попович спал, свернувшись клубочком и подложив под щеку костлявый кулак.

— На зарядку становись! — весело скомандовал Илья.

Добрыня всхрапнул, потер глаза и молча выпрыгнул из постели.

Алеша заворочался, забормотал что-то и перевернулся на другой бок.

— Лешка, вставай!

— Отстань! — сердито сказал Лешка. — Чижиком огрею!

Илья и Добрыня переглянулись и расхохотались.

— А чижик-то улетел, Лешка!

— Врете вы все! — сонно бормотал он. — Я бы ни в жизнь вам не проиграл, если бы Илюшка не запулил чижика на огород.

Добрыня, посмеиваясь, пощекотал высунувшуюся из-под одеяла Алешину пятку. Алеша взвизгнул и вихрем слетел с постели.

— Ух ты! — воскликнул он, пораженно уставясь на золотистую штору. — Где это мы, ребята?

Но тут Алеша увидел синеватые пятна на своих руках и сразу вспомнил о Цветах Смерти. Он хотел было поведать друзьям о нахлынувших на него чувствах и мыслях про далекую милую Землю, где можно было так чудесно играть в «чижика», но в эту минуту в стену постучали.

Затем стена приподнялась, мальчики увидели ноги Забавы с синяками на щиколотках и услышали ее голос:

— Вы проснулись, ребята? Скорей принимайте душ и завтракайте. Нас уже ждет Флер... А душ здесь чудный, ребята! Вода бьет прямо с потолка, со стен, с пола. Замечательно!

...После завтрака все собрались в самой большой комнате дома. На одной из ее стен был укреплен широкий стекловидный экран и под ним два ряда клавишей.

Красавица Флер сидела подле экрана в кресле.

— Доброе утро,— неожиданно сказала она по-русски.— Сегодня я хочу попробовать говорить с вами на вашем языке. Не удивляйтесь... Пока вы спали, я в течение трех солтанов упражнялась с вашей шкатулкой. И, кажется, сделала некоторые успехи. Правда?

Она произносила слова совершенно правильно, ее выдавал лишь самый легкий акцент.

Волшебник развел руками:

— Но разве можно за три часа... то есть за три солтана изучить язык, уважаемый доктор?

— Видите ли, друг земляк, эферийцы в сравнении с жителями вашей планеты живут долго. С самого раннего детства нас воспитывают так, чтобы наша память с каждым днем делалась все более отточенной. Каждый нормальный взрослый человек обладает у нас такой натренированной памятью, которая дает ему возможность запоминать все новое сразу, моментально. А чтобы не утомлять мозг, мы можем заставлять себя забывать все ненужное. Но так же быстро мы восстанавливаем в памяти и все забытое.

— Это не укладывается в моем уме, друг доктор!

— А эферийцев это не удивляет уже много тысячелетий. Собственно, я и хочу сейчас вам рассказать об эферийцах и нашей планете Эфери Тау. Садитесь, друзья.— Она указала им на низенькие кресла, стоящие перед экраном.

— Но не отрываем ли мы вас от каких-либо важных дел? — предупредительно спросил Волшебник.

— Нет, нет... В экспедиции еще есть врачи, друг земляк. А мне поручено находиться с вами до тех пор, пока вы будете нашими гостями.

— Мы чрезвычайно обязаны вам, друг доктор!

Она опустила ресницы, чтобы скрыть блеснувшую в глазах улыбку. Было похоже, что ее немного забавляет торжественная церемонность Волшебника.

— Я не стану утомлять вас очень подробным рассказом,— начала Флер своим певучим голосом.— Наша планета Эфери Тау прошла такой же путь, какой проходят во Вселенной все планеты. Миллионы и миллионы раз обернулась она вокруг Ладо, прежде чем на ней зародилась жизнь. И снова миллионы раз Эфери Тау обернулась вокруг Ладо, прежде чем из простейших организмов образовались более совершенные животные. Одно из них стало в конце концов передвигаться на двух конечностях, освободив две другие конечности для труда. Я имею в виду руки... А как только появился труд, животное перестало быть животным, так как стало размышлять. Таким образом, труд сотворил человека.

— Ну что ж,— сказал Волшебник,— это очень напоминает историю жизни на нашей Земле.

— Правда,— продолжала Флер,— синоты, побывавшие в других солнечных системах, утверждают, что они встречали мыслящие существа, передвигающиеся на четырех конечностях, и что эти конечности служат им одновременно как руки.

— Человекообразные обезьяны,— вставил Добрыня.

— Нет,— запротестовал Волшебник,— обезьянообразные люди! Обезьяны не мыслят, дорогой богатырь!

— Не будем, однако, сейчас говорить о том, что происходит в других солнечных системах,— снова заговорила Флер.— Итак, на Эфери Тау появился человек. Вначале он мало отличался от животного, но все-таки это уже был человек, потому что его действия уже были сознательными.

— Первобытный человек, — подсказала Забава.

— В истории Эфери Тау этот человек называется безресничным. У него были узкие глаза в виде щелей, с толстыми сморщенными веками без ресниц. Бесконечное количество звериных инстинктов еще руководило многими действиями безресничных людей. Они ели сырое мясо, они собирались стаями, нападали друг на друга, и сильные отнимали у слабых добычу. Убить, отнять — это было законом жизни! Стаи безресничных людей говорили на разных языках. И снова миллионы раз планета Эфери Тау облетела вокруг Ладо, прежде чем эти звероподобные люди стали более или менее походить на современного человека. В то далекое время природа Эфери Тау отдаленно напоминала природу Утренней Звезды, на которой мы сейчас с вами находимся. Это был расцвет нашей планеты! Короткая зима и большое, сравнительно теплое лето. Люди научились выращивать полезные растения и разводить нужных животных. Начала развиваться наука. Но по-прежнему группы людей говорили на разных языках и по-прежнему враждовали. Очень часто страшные войны прокатывались по нашей планете, и люди безжалостно уничтожали друг друга. И как это ни странно, меньше всего страдали те, кто сам не воевал, а посылал на войну других.

Флер умолкла на несколько секунд и посмотрела на гостей. Они внимательно слушали ее.

— Тут я должна сказать о людях, которые назывались у нас в ту далекую старину торри. Сейчас это кажется невероятным, но что делать, так было! Жизнь командовало жалкое меньшинство — торри, а народ лишь исполнял волю этого меньшинства. Торри имели все, но не работали и жили в неге и изобилии. А большинство не имело ничего. Абсолютно ничего!.. Люди голодали и очень часто умирали от разных болезней. Торри считались особенными, избранными. Они уверяли, что существуют для того, чтобы все ос-

тальные работали на них и воевали за их интересы. Они всячески доказывали, что так хочет владыка Вселенной, который в образе пылающего Ладос постоянно смотрит на Эфери Тау. «Таков закон Ладос, — говорили они. — Кто не подчинится этому закону, того великий Ладос сожжет огненным светом своих глаз!» Увы, люди верили этой глупости, и ужасающая несправедливость длилась долго, очень долго... Бесчисленное количество раз Эфери Тау облетела вокруг Ладоса, прежде чем люди решили построить жизнь иначе, более справедливо.

— «Кто не работает, тот не ест»? — вдруг спросил Волшебник. — Не по этому ли признаку решили построить жизнь эферицы?

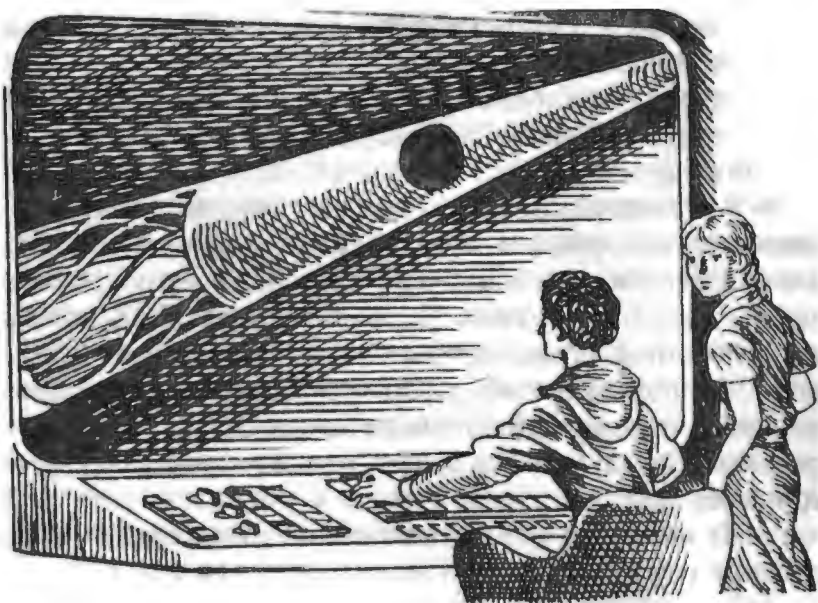
— Именно так, друг земляк!

— Это нам знакомо, — заулыбался Волшебник и торжествующе подмигнул богатырям. — Великолепный принцип!

— С тех пор прошло много времени. На нашей планете наступила Эра великой дружбы. Наука достигла величайшего расцвета и сделала радостным труд человека. Руки человеку стали нужны лишь для того, чтобы управлять механизмами. Эферицы уничтожили все болезни и удлинili свою жизнь в семь-восемь раз. Постепенно все люди начали говорить на одном языке. Но Эфери Тау облетела вокруг Ладоса еще несколько миллионов раз, и в нашу жизнь пришло необратимое бедствие.

— Что случилось, дорогая Флер?

— Наша планета начала стареть так же, как рано или поздно стареет и умирает все во Вселенной. Давно исчезли полезные ископаемые... Правда, мы научились создавать их искусственно и получать необходимую нам энергию и тепло из воды океанов. Но, совершая свой вечный полет, Эфери Тау все больше и больше теряла во Вселенной атмосферу. Сначала планета теряла такие ничтожные крохи, что это никого не беспокоило. Но

проходили миллионы лет, и потери стали катастрофическими. Вместе с атмосферой начала исчезать вода. Человечеству Эфери Тау грозит гибель!

— Это ужасно!..— прошептала Забава.

— А еще раньше в результате какого-то катаклизма из мирового пространства прилетел огромный метеорит и превратился в спутника Эфери Тау. В силу сложных законов всемирного тяготения этот спутник-гигант движется по очень вытянутой орбите. Но, приближаясь и удаляясь, он систематически нарушает режим Эфери Тау, уносит остатки атмосферы. Страшные пыльные ураганы стали охватывать нашу планету, разрушать и засыпать песком города. Вместе с ураганами на нас обрушился холод мирового пространства. И наши люди вынуждены были уйти с поверхности в глубь планеты.

— Давно это произошло? — спросил Илья.

— Сравнительно недавно: пятьдесят тысяч лет назад... Но в наших внутрипланетных хранилищах исся-

кают запасы воды и кислорода, которые заготовили для нас предки...

Флер умолкла. Молчали и земляне, взволнованные ее рассказом. Волшебник задумчиво теребил шелковую бороду.

— Я чувствую, друзья, что вас огорчил мой рассказ,— мягко сказала Флер.— Право же, я не хотела этого... Чтобы успокоить вас, я добавлю, что эферийцы не смотрят мрачно на свое будущее. Ведь жизнь во Вселенной вечна, друзья. А раз так, то мы будем жить! Не так давно эферийцы приняли решение переселиться с умирающей планеты на Эо Тау — на Утреннюю Звезду, самую юную планету нашей солнечной системы.

— Именно это я и предполагал! — воскликнул Волшебник.

Забава всплеснула руками:

— Какие же эферийцы молодцы!

Флер рассмеялась:

— Спасибо, девочка, за ласковые слова о нашем народе. Ну что ж, ты права! Я люблю наш народ — упорный, сильный, жизнелюбивый и талантливый!.. А теперь, если хотите, я покажу вам нашу планету Эфери Тау.

→ Пожалуйста, покажите, дорогая Флер!

Флер прикоснулась пальцами к клавишам. Стекловидный экран озарился мерцающим светом и слабо загудел.

— Космический телевизор, — восхищенно шепнул Добрыня Никитич приятелям.

Флер расслышала его и пояснила:

— Это не совсем так, мальчик. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но это скорее космический локатовизор. Ведь для телевизора необходима станция, передающая изображение, а локатовизор не нуждается в такой станции. Я сама выбираю нужный объект и посылаю к нему пучок радиоволн. Эти волны отражают-

ся от объекта и возвращаются обратно в виде изображения. С помощью космического локатовизора мы можем наблюдать все, что происходит в нашей солнечной системе. Волны локатовизора проходят расстояние от Утренней Звезды до Эфери Тау в течение двухсот тилей. Это составляет около трех с половиной ваших минут. Столько же времени волны идут обратно. Следовательно, мы будем наблюдать с вами то, что происходило на Эфери Тау около семи минут назад.

Экран потемнел. Бесчисленные звёзды, подрагивая, заблестели в чернильной тьме. Затем крохотная звездочка в центре экрана начала набухать, расширяться и вдруг засияла, словно луна в ночном небе. Неясные контуры материков и горных хребтов угадывались на золотистой планете. А планета продолжала быстро расти и словно летела навстречу сидящим у экрана землянам.

Золотистый цвет бледнел, таял, планету окутывала едва различимая блекло-голубая дымка.

— Остатки атмосферы? — не сводя глаз с экрана, спросил Волшебник.

Флер молча кивнула.

Планета с каждой секундой разрасталась, стала серовато-бурой и наконец заполнила своей массой весь экран. Горы, пропасти, пустыни летели будто под крылом самолета. Темные рваные тучи там и тут вихрились на поверхности.

— Пыль,— тихо сказала Флер.— Как всегда, пыль... Смотрите, здесь когда-то был главный город эферицев.

В темных клубах урагана на экране мелькнули развалины города.

— Здесь больше нечего смотреть,— вздохнула она и нажала клавиш.— Уйдем внутрь планеты...

Земляне вздрогнули от неожиданности. Нет, то, что они увидели, совсем не казалось «внутренностью планеты»!

На синем своде горели искусственные солнца. Среди бледно-зеленых садов и плантаций голубели тонкие извилистые каналы. А на их берегах повсюду виднелись стройные шестигранные строения с прозрачными крышами. И повсюду под синим сводом в лучах искусственных солнц парили легкие летательные аппараты, точно такие, как и тот, на котором уже совершили полет земляне.

— Сколько тысячелетий, сколько гениального народного разума потребовалось соединить воедино, чтобы создать это чудо! — вдруг глухо проговорил Волшебник и в волнении поднялся с места.

Забава и мальчики взглянули на Флер. Она все так же грустно улыбалась.

— Флер, — сказала Забава, — дорогая Флер, неужели вы должны все это покинуть?

— Да, девочка. И как можно скорее! — Она ударила пальцем по клавишу и выключила локатовизор. — Тысячи наших разведчиков на Эо Тау уже готовы к приему первых космических кораблей с переселенцами. Первыми прилетят дети и молодежь. Уже давно юные эферийцы живут на нашей умирающей планете в условиях, приближенных к условиям Утренней Звезды. У нас мало кислорода, но для детей и молодежи мы ничего не жалеем. Поэтому им не нужно будет привыкать здесь, на Эо Тау, к теплу и к излишкам кислорода в атмосфере. Разведчики уже построили для них целые города. Сейчас отряды разведчиков заканчивают уничтожение ядовитых растений и хищных животных на Эо Тау.

Волшебник заинтересованно посмотрел в темные глаза Флер.

— А ведь вы, друг доктор, сдается мне, уже акклиматизировались на Утренней Звезде. Во всяком случае, вы дышите одним с нами воздухом.

— Да, мне это дается сравнительно легко. Но мой отец...

— Мы знаем его?

— Да, это Клад.

— Руководитель экспедиции?

— Он не только руководитель экспедиции. Он крупнейший ученый Эфери Тау.

— И ему здесь трудно?

— Очень... Ведь он уже не молод...

Флер не закончила. Где-то под прозрачным куполом комнаты раздался шорох невидимого радиорепродуктора и мужской голос отчетливо произнес:

— Бесонто! Бесонто!

В КОТОРОЙ ЗЕМЛЯНЕ УЗНАЮТ О БОРЬБЕ ДВУХ МИРОВ

Флер рывком поднялась с места, и землянам показалось, что ее красивое лицо стало еще бледнее.

— Тревога! — с некоторым трудом выговорила она и вынула из кармана на груди светлый коробок — крохотный радиоаппарат, который земляне видели накануне у Клада.

Она спросила что-то взволнованной скороговоркой, и мужской голос так же быстро что-то ответил ей.

— Мне разрешено остаться с вами, — уже спокойней сказала Флер, пряча радиоаппарат. — По экспедиции объявлена тревога, и разведчики на всей планете занимают места для обороны. Наши приборы зарегистрировали в космосе полет межпланетного корабля.

— Кто это может быть? — спросил Волшебник. — Синоты?

— Только синоты! Это уже не первая их попытка высадиться на Эо Тау и уничтожить эферицев.

— Уничтожить? Зачем? Что за бессмысленная жестокость! Вы очень взволнованы, Флер?

Она, не отвечая, опустилась в кресло и один за другим нажала несколько клавиш. И снова экран локатовизора озарился мерцающим светом.

— Вы уже знаете, что в нашей солнечной системе существуют три планеты: Эфери Тау, Сино Тау и Эо Тау.

— Да, Флер...

— Наиболее древняя, уже отжившая свой век планета, Эфери Тау, обращается вокруг Ладос по самой дальней орбите. А самая молодая и, если так можно выразиться, еще необжитая планета, Эо Тау — первая по порядку от Ладос планета. Ее среднее расстояние от Ладос — сто десять миллионов земных километров.

— Гм... Примерно такое же расстояние разделяет Солнце и нашу юную планету Венеру, — задумчиво

пробормотал Волшебник.— И как это ни удивительно, ее тоже называют Утренней Звездой... Впрочем, удивляться нечему; я думаю, что в каждой солнечной системе есть и молодые, и старые планеты. Но, простите, я отвлекся... Продолжайте, дорогая Флер.

— Сино Тау — вторая по порядку планета нашей системы. Ее отделяют от Ладоса сорок миллионов километров, в то время как наша бедная умирающая планета удалена от Ладоса почти на триста миллионов километров. Сино Тау находится в полном расцвете... Да вот она, эта злополучная планета! Смотрите...

И снова с черного экрана на землян полетел золотисто-сизый шар, с каждой секундой увеличиваясь в объеме. Вот он заполнил всю ширину экрана, и земляне увидели сквозь голубую дымку атмосферы белоснежные облака, густую синеву океанов и нежную зелень незнакомых материков.

Флер с сердцем ударила по клавишу и выключила локатовизор.

— Огромная планета — и всего полтора миллиарда жителей! — сказала она, сдвигая черные брови. На ее переносице четко обозначилась морщинка.— Великолепные стойкие урожаи, чудесный климат! Что еще надо людям этой планеты? Нет, я не хочу называть людьми хищников!

Волшебник тихо спросил:

— Вы их ненавидите?

Она промолчала.

— Сорок лет назад на Эо Тау опустились наши первые корабли, и на планету высадились разведчики — сорок тысяч человек. Это были наши лучшие люди, лучшие ученые Эфери Тау! Они очень долго, с самой ранней юности готовили себя к научному подвигу, к жизни в необычных условиях. Они жертвовали всем, чтобы спасти человечество Холодной Звезды от гибели... А через год на Эо Тау высадились синоты и убили наших разведчиков! Убили безжалостно и

хладнокровно сорок тысяч великих ученых! Разведчики даже не оказали им сопротивления, они радостно приветствовали гостей с соседней планеты и... были уничтожены...

Флер говорила, опустив подрагивающие ресницы. Больше ничто не выдавало ее волнения, но земляне ясно чувствовали, сколько усилий ей стоило сдерживать себя.

— Зачем синоты это сделали, Флер?

— После своего дикого злодейства они прислали на Эфери Тау ракету с наглым посланием. Они объявляли Утреннюю Звезду своей планетой и заявляли, что и впредь будут уничтожать всех эферийцев, пытающихся обосноваться на Эо Тау. Мы отправили на Сино Тау своих парламентаров, чтобы рассказать, что наша планета умирает. Разумеется, синоты уже знали об этом, их космические корабли иногда посещали Эфери Тау... Парламентеры должны были убедить синотов, что у нас нет другого выхода, что добраться до других солнечных систем мы пока не в состоянии. А у синотов уже есть сверхскоростные корабли, на которых они давно путешествуют по Вселенной. Нам было известно, что они видели много необжитых планет, еще более прекрасных, чем Утренняя Звезда! Но синоты не захотели об этом говорить с нашими парламентарями. Тогда парламентеры предложили им другой выход: совместно обосноваться на Утренней Звезде, если они когда-нибудь пожелают покинуть свою цветущую планету Сино Тау. Они рассмеялись в ответ. Наконец мы пообещали синотам навечно покинуть нашу солнечную систему, если они откроют тайну своих сверхскоростных кораблей.

— Что синоты ответили вашим парламентарям, Флер?

— Они убили парламентаров... Среди них был мой муж...

Земляне безмолвствовали. Флер поднялась с кресла и прошла по комнате. Ее желтый костюм мягко зашуршал в тишине.

— Гады! — вдруг громко сказал Илья Муромец. — Как я ненавижу этих синотов!

— И я! — горячо прибавила Забава.

— Милые дети! — печально улыбнулась Флер, останавливаясь посреди комнаты. — Было бы несправедливо ненавидеть всех синотов без исключения... Я не сообщила вам одного важного обстоятельства... Видите ли, наши ученые свое главное внимание долгое время посвящали только одной цели: как украсить жизнь внутри планеты. Понимаете? Это был для нас вопрос жизни и смерти! Что ж, поэтому ученые Сино Тау, к сожалению, кое в чем опередили наших ученых. Но только кое в чем... Во многом они отстают от нас. Общественный строй на Сино Тау бесконечно отстает от наших высокогуманных, чистых и светлых человеческих отношений. Синоты переживают сейчас тот период своей истории, который очень напоминает былые отношения нашего народа с торри. Меньшинство на их планете имеет власть и все блага, а большинство живет на положении рабов. У нас Эра великой дружбы, у них — бесконечные войны. У нас наука служит народу, а у них — кучке хищников. Вся их планета разделена на два враждующих лагеря. Торри обоих лагерей яростно борются друг с другом за власть на планете.

— А народ страдает? — возмутился Добрыня Никитич.

— Конечно. Очень страдает!

— А что же народ не уничтожит этих торри? — засопел Алеша Попович и сжал кулак. — Я бы им так дал!..

Флер пожала плечами:

— Ну, это уж дело народа Сино Тау. Я-то уверена, что наступит время, когда торри исчезнут на их планете так же, как они исчезли когда-то на Эфери Тау. Но пока они существуют, мы вынуждены считаться с

этим. Тем более что торри владеют совершеннейшими средствами межпланетных путешествий и страшным всеразрушающим оружием.

В радиорепродукторе раздался шорох, и снова прозвучал тревожный мужской голос:

— Берку тино латос!

— Дежурный сообщает, что приборы зарегистрировали в космосе второй межпланетный корабль,— сказала Флер.

Одна из шестигранных стен комнаты поднялась, и земляне увидели Клада. Он был в том же, что и вчера, желтом, плотно облегающем его фигуру костюме. Лишь лицо руководителя экспедиции оставалось открытым, маска свободно висела за его плечами.

Темные глаза Клада смотрели спокойно и сосредоточенно.

— Верито,— проговорил он и, не ожидая ответа на приветствие, быстрыми твердыми шагами подошел к экрану и включил локатовизор.

Волшебник поспешно поднял с пола голубую шкапу и щелкнул рычагом.

— Рито фас! — сказал Клад.

«Вот они!» — перевел металлический голос шкапу.

Посреди черного океана, на фоне далеких мерцающих звезд и неясных туманностей грозным видением возникла конусообразная ракета. Гигантский поток белого огня вырывался из конуса, но на экране этот поток казался совершенно неподвижным. Неправдоподобный, захватывающий дыхание столб огня упирался в широкий раструб хвостового устройства, и сразу можно было подумать, что столб, словно огненный мост, соединяет конус ракеты с хвостом. В ослепительно белом тумане земляне не сразу увидели сложные ажурные крепления, внутри которых сверкал и бушевал этот страшный лучистый поток.

Когда дело касается техники, у всех мальчиков сразу появляются десятки вопросов. Поэтому три бога-

тыря сразу зашептались и заспорили. Забава замахала на них руками, но они даже не заметили ее движений.

— Что случилось? — громким шепотом недовольно спросил Волшебник.

Илья Муромец кашлянул.

— Это фотонная ракета?

— Судя по всему...

— Значит, из сопла ракеты бьет поток лучистой энергии?

— Допустим...

— Но это же поток немыслимой силы!

— Конечно...

— Почему же он не срывает и не сжигает вон того раструба в хвосте ракеты?

Флер оторвала глаза от экрана и посмотрела на богатырей.

— Этот раструб, мальчики, не что иное, как огромный отражатель. Он не принимает энергию на себя, а отбрасывает ее назад, и вся конструкция ракеты поэтому устремляется вперед.

— С какой скоростью?

— Со скоростью близкой к скорости света.

— Но почему же все-таки,— допытывался Добрыня,— эта энергия не расплавляет и не испаряет отражатель? И вообще всю ракету?

— Как раз это и есть тайна синотов.— Она повернула лицо к экрану и прибавила: — Вы видите черный круг на конусе ракеты?

— Да,— в один голос сказали богатыри.

— Это отличительный знак одной из враждующих групп торри. Другие торри рисуют на своих космических кораблях черный треугольник. Одних мы называем кругляками, а других угловатыми.

— А какая из этих групп лучше? — спросила Забава.

— Обе хуже,— невесело усмехнулась Флер.

— А ведь в этих названиях есть смысл,— подумав, сказал Илья.

— И еще какой! — прибавил Алеша Попович.— Одни круглые дураки, а другие угловатые!

— К сожалению, это не так,— вздохнула Флер.— Если бы наши враги были дураками, нам не стоило бы труда справиться с ними. Они умные и жестокие хищники!

Клад защелкал клавишами локатовизора. Ракета с кругом на конусе исчезла, и во мгле, как водопад, посыпались звезды. Через несколько секунд волнение на экране улеглось, и все увидели другую ракету. Она мало отличалась от первой, если не считать того, что на ее корпусе был изображен большой черный треугольник. Так же мощно и ровно сверкала в бездонной темноте Вселенной колонна белого огня.

Клад молча смотрел на ракету.

— Кругляки будут на Эо Тау через тридцать пять минут, а угловатые — минут через пятьдесят,— спокойно проговорил он и выключил локатовизор.— По предварительным расчетам, их ракеты опустятся в районе Большого города... Флер, я немедленно вылетаю.

— В район Большого города?

— Да.

— Хорошо, папа...— Ее голос звучал так же спокойно.— Только надень, пожалуйста, маску. Ты очень часто забываешь это делать, а потом тебя мучает сердце.

— Да, да,— рассеянно кивнул он.

— Надень немедленно! — настойчиво твердила она.— В этот дом ты тоже не должен был входить без маски.

Клад послушно натянул на голову желтую маску и направился к выходу.

— Я рекомендую, Флер, тебе и нашим гостям спуститься к морю,— сказал Клад с порога.— Торри зна-

ют, что на берегу у нас нет никаких строений. Там вы будете в безопасности.

— Хорошо, папа...

Клад переступил порог, но она остановила его:

— Папа!

— Да, Флер.

— Береги себя...— сказала она совсем тихо.— Помни, что, если... с тобой что-нибудь случится, твоей дочери и твоему внуку будет очень больно...

Он не отвечая прощально поднял руку и скрылся за стеной.

Глава четырнадцатая,

В КОТОРОЙ НА УТРЕНнюю ЗВЕЗДУ ВЫСАЖИВАЮТСЯ ХИЩНИКИ С СИНО ТАУ

Летательный аппарат за одну минуту перенес Флер и землян на широкий каменный берег.

В воздухе было очень тихо, и океан дремал. Его бесконечная пустынная синева походила на туго натянутое полотно. Ни одной складочки, ни одного пятнышка на поверхности, и только отраженное Ладом пылало в воде и слепило глаза.

Земляне вышли из кабины, и в их лица резко пахнуло влажным теплом, запахами сырости и водорослей. И еще что-то знакомое вплеталось в эти запахи моря — запах меда. Он плыл, этот нежный, чуточку пряный запах, в дрожащих клубах горячего воздуха со склонов гор, заросших розовой травой и папоротниками. А тысячи каких-то птиц в зарослях, так же как и на Земле, на все голоса звонко пели свой радостный гимн великому Ладом и вечной жизни во Вселенной.

Флер сразу ушла в тень скалы, которая круто нависала над морем. Два огромных птерозавра сорвались из-за нагромождения камней и, лениво взмахивая пе-

репончатыми крыльями, улетели в ущелье. Эхо доносило на берег их недовольный пронзительный писк. Флер не обратила на птерозавров никакого внимания.

— Вам жарко и трудно дышать, Флер? — участливо спросил Волшебник, прислушиваясь к ее беспокойному дыханию.

— Нет, нет! Мой организм уже достаточно натренирован...

Она опустилась на камень и предложила землянам сесть.

Море нежно шевелилось на прибрежной гальке. В его насквозь просвечивающей глубине, в колеблющихся отсветах солнца виднелось каменистое дно, красно-бурые водоросли. Мелкие пузырьки блестели на игольчатых листьях. Медуза величиной с метр плыла над водорослями, словно парус раздувая свой розовато-лиловый зонт. Невдалеке из воды с легким плеском выскочила огромная оранжевая рыба и, пролетев метров двести, бесшумно исчезла в синеве моря.

Илья опустил руку в воду и вскрикнул обрадованно:

— Ребята, вода просто горячая!

— Не горячая, а теплая, — поправила Забава, — градусов тридцать.

Если ты, читатель, даже чем-нибудь озабочен, но если тебе всего двенадцать лет и если ты жарким днем находишься на берегу реки или теплого моря, разве не появится у тебя желание окунуться в прозрачную, ласковую воду?

Богатыри молча смотрели друг на друга, и в их глазах было написано одно и то же нестерпимое томление.

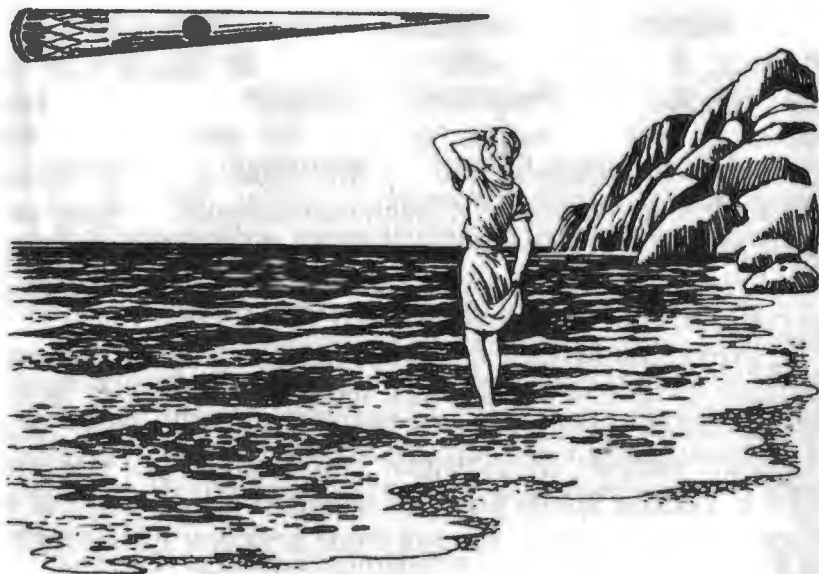
— Скажите, доктор, — запинаясь, пробормотал Илья. — Можно?

— Что? — не поняла Флер.

— Исккупаться...

— Но... — начал Волшебник.

Флер перебила его:

— Конечно, можно, мальчик. В морях и океанах Эо Тау уже уничтожены подводные хищники. Во всяком случае, те из них, которые близко подходят к берегам.

Через минуту три загорелых богатыря, фыркая и повизгивая, плескались в море. Забава с завистью посматривала на мальчиков. Она не умела плавать. Так она и бродила по воде у самого берега, подтянув подол голубого платья.

Волшебник и Флер беседовали о чем-то в тени скалы, и он то и дело озабоченно прищуривал глаза, поглядывая на купающихся.

Богатыри отплыли довольно далеко, но их голоса четко звучали над тихой водой.

— А вода-то соле-о-ная,— восторженно отплеывался Добрыня.

— Смотрите, ребята, как я по-соминому ныряю! — визжал рыжий Алеша Попович и, зажимая пальцами нос, ушел вниз головой. Ноги его беспомощно барахтались над водой.

Забава поднесла к глазам ладонь, закрываясь от солнца, и внезапно ясно увидела, как далеко-далеко на горизонте от небольшого облака отделилась небольшая черная точка. Девочка не успела открыть рот, чтобы крикнуть, потому что через секунду точка превратилась в ракету, с бешеной скоростью приближающуюся к берегу. А еще через секунду она гигантской тенью мелькнула в вышине над головой Забавы и скрылась за снежным хребтом.

Ракета пролетела с выключенными двигателями, однако скорость ее казалась неправдоподобной, фантастической. Лишь после того, как она исчезла, слуха Забавы достиг надрывный, хватающий за сердце свист. Теплая волна воздуха зарябила воду, ударила в берег и зашумела на склоне горы ветками папоротников.

— Ракета! — закричала девочка, задыхаясь. — Торри!

Все произошло так быстро, что богатыри, увлеченные купанием, ничего не заметили. Но сидящие под скалой Флер и Волшебник услышали удаляющийся свист и вскочили.

Забава бежала к ним, прыгая через камни:

— Дедушка!.. Флер!.. Синоты!..

— Куда полетела ракета? — глухо спросила Флер.

— Вон туда... Над ущельем...

Флер растерянно взглянула на Волшебника:

— Я покину вас ненадолго...

— Этого нельзя делать, Флер! — запротестовал он. —

Ни в коем случае!

— Я вернусь очень скоро, — торопливо проговорила она, и ее лицо впервые порозовело. — Я только посмотрю, что собираются делать синоты... Судя по всему, их ракета опустится не там, где ее ждали. Нужно радировать разведчикам...

— Но это безумие, Флер! Нельзя лететь навстречу смерти!

Она закачала головой:

— Поймите: в Большом городе наши люди... отец... Я только посмотрю и радирую...

— В таком случае я полечу с вами. Я не оставлю вас одну, Флер.

— А я? — сорвавшимся голосом спросила Забава.

— Хорошо, и ты, — согласилась Флер. — Только скорей! Пожалуйста, скорей! Нельзя терять ни одной секунды!

Они бегом бросились к летательному аппарату.

Богатыри почувствовали наконец что-то неладное и размашистыми саженками поплыли к берегу. Летательный аппарат взлетел над камнями, сделал крутой полукруг и на мгновение повис над плывущими мальчиками. Волшебник высунулся из кабины и торопливо крикнул:

— Ни о чем не беспокойтесь, богатыри! Мы сейчас вернемся!

Белая птица взмыла в высоту. Забава видела, как богатыри в синих трусиках выбрались на берег и, подняв головы, следили за удаляющимся аппаратом.

Ее сердце тоскливо забилося.

— Надо было их взять с собой, — сказала она.

— Нет, нет, девочка, у нас нет времени!

Аппарат набирал скорость. Пронеслись назад и словно провалились скалы. Снежные вершины внизу кутались в туман. Величественный белый Гаустав с дымящейся вершиной поднимался впереди из туч. Вначале Забаве показалось, что вулкан не так уж велик и что до него вот-вот можно будет дотянуться рукой. И лишь по тому, как медленно приближались провалы и скалистые выступы, торчащие из снега, можно было догадаться, насколько велик этот необычный вулкан.

Но вот и он остался позади.

Снова скользили под аппаратом темные скалы, ущелья... Совсем неожиданно скалы оборвались над котловиной.

— Ракета! — вскрикнула Забава.

Даже отсюда, с высоты, она выглядела гигантской. Стоэтажный дом, может быть, мог сравниться с ней.

Ракета стояла на хвосте, среди выжженной почерневшей растительности, обратив к небу острый конус. Крепления между конусом и хвостом были усеяны сотнями крошечных фигурок. Будто муравьи, сновали они по бесчисленным лестницам ракеты.

Крылья летательного аппарата вдруг затрещали, захлопали и застыли. Флер рывком схватила за рычаги управления.

— Не понимаю, что это?.. Что?.. — шептала она, включая и выключая пощелкивающие рычаги.

Крылья аппарата не двигались. Все больше и больше кренясь и планируя, белая птица снижалась на скалы.

— Мы падаем! — Забава стиснула зубы и вцепилась в рукав дедушки.

Не говоря ни слова, старик крепко прижал девочку к своей груди.

Однако удар оказался несильным. Амортизаторы смягчили его и мягко подбросили аппарат в воздух. Снова и снова белая птица подскакивала на камнях и наконец успокоилась на краю пропасти.

Трое пассажиров, не спуская глаз с космического корабля синотов, вышли из кабины.

Грозная ракета, усеянная снующими фигурками, возвышалась посреди котловины в трех-четыре километрах от них. На ее сером конусе был ясно виден черный круг.

— Как бороться с этими хищниками? — голос Флер задрожал. — Мы не привыкли воевать, друг земляк... На нашей планете все войны закончились тысячелетия назад!..

Волшебник молча теребил свою бороду.

— Дедушка! — вскрикнула Забава. — Почему ты молчишь? Почему ты ничего не придумашь?

— Погоди, Забава... Я, кажется, придумал...

Флер взглянула на него с надеждой. Он продолжал:

— С хищниками надо поступать так, как принято поступать с хищниками. Их уничтожают, дорогая Флер!

— Как? — вырвалось у нее.

— Так же, как вы уничтожаете хищных зверей и ядовитые растения на этой планете.

— Это можно сделать с помощью ультразвукового флана?

— Почему только флана, Флер? В той комнате, где я сегодня спал, висит схема. Эта схема объяснила мне, что ученые Эфери Тау при помощи ультразвуковой энергии колоссальной силы могут даже останавливать землетрясения... Простите, планетотрясения. И не только останавливать, но и вызывать их.

Флер смотрела на него широко открытыми глазами.

— Вызвать планетотрясение? О, я поняла вас, друг земляк! — Она торопливо вынула из кармана свой крошечный радиоаппарат. — Эми танто Флер... Эми

танто Флер,— упорно повторяла она и наконец, спрятав радиоаппарат, безнадежно опустила руки.— Он тоже не действует...

— Смотрите, смотрите! — закричала Забава.

С одной из лестниц космического корабля выбросились два темных человеческих силуэта. И сразу же за их спинами распахнулись косые крылья. Два человека, вытянувшись в воздухе, летели над выжженной котловиной к скалам. «И-и-и-и», — послышался ровный звук, напоминающий свист пули.

Флер бросилась в кабину летательного аппарата и выпрыгнула из нее с серебряной трубкой в руке. Ее глаза посветлели от ненависти. Она прицелилась в летящих синотов и застонала:

— Не действует... Все вдруг перестало действовать... Все!

Два человека в продолговатых головных уборах и сложных костюмах, очень похожих на водолазные, опустились рядом с ними на скалу. Их крылья, словно веера, неслышно сложились за спиной.

Один из синотов, с пышными красноватыми бакенбардами на таком же красноватом лунообразном лице, что-то резко и коротко сказал другому. Другой синот, с лицом землистого цвета и выпуклыми стекловидными глазами, сделал шаг к Флер и грубо вырвал из ее рук серебряную трубку.

— Я бы не сказал, что у этих молодцов хорошие манеры! — сердито проговорил Волшебник, нажимая какие-то клапаны на голубой шкатулке. Металлический голос немедленно перевел его слова на язык синотов.

— Горено! — повелительно сказал человек с рыжими бакенбардами, оборачиваясь к своему спутнику.— Отбери у старика этот ящик. Быстрее, Горено!

— Слушаю, великий Скорпиномо,— странным скрипящим голосом проговорил синот с землистым лицом и двинулся к Волшебнику.

— Но, но! — прикрикнул Волшебник, отступая. — Если вы отнимете мою шкатулку, то потеряете всякую возможность понимать нас.

— Хорошо, пока не трогай его, Горено, — поднял руку синот с бакенбардами. — Но скажи мне, старик, почему кибернетическое устройство в твоём ящике не перестало действовать так же, как перестали действовать ваш летательный аппарат и ваше ультразвуковое ружье, из которого меня собиралась застрелить эта красивая женщина? Ведь наша ракета сейчас излучает особые электромагнитные волны. А в радиусе действия этих волн вся техника становится мертвой.

— Но ведь не стали же мертвыми летательные приборы за вашими спинами, — сказал Волшебник.

— Это уж наша военная тайна, старик!

— А почему вы думаете, что у меня нет никаких тайн?

Круглые зеленоватые глаза Скорпиномо смотрели на Волшебника со злым любопытством.

— Я выпрысну из тебя эту тайну, старик. Вы — мои пленники! Меня лишь удивляет, почему ты носишь бороду и скорее походишь на синота, чем на эферийца.

— Теперь я очень сожалею, что не сбрил бороду, — с сердцем сказал Волшебник. — Впрочем, меня успокаивает мысль, что моя борода не походит на ваши отвратительные бакенбарды!

— Дедушка! — испуганно вскрикнула Забава.

— Послушай, старик, — не повышая голоса, сказал Скорпиномо, — если ты будешь неуважительно говорить о великих завоевателях космоса, я прикажу Горено по волоску выдрать твою седую щетку. Ты меня понял, старик? А теперь скажи мне, кто эта девчонка?

— Моя внучка.

— А кто эта женщина?

— Вы можете сами спросить ее об этом.

Скорпиномо в упор взглянул на Флер.

— Кто ты, красавица?

Отвернувшись от Скорпиномо и вздрагивая от волнения, Флер сказала Волшебнику:

— Дорогой земляк, передайте, пожалуйста, этому злодею, что я презираю его и не буду отвечать на вопросы.

Забава похолодела от ужаса. Ей представилось, что синот сейчас ударит Флер. Однако Скорпиномо не двигался, а его зеленоватые птичьи глаза смеялись.

— Ну что ж,— проговорил он,— когда я наведу порядок на этой планете, ты будешь почитать меня! Ты мне нравишься, красавица. Я заберу тебя на нашу планету и сделаю одной из своих жен. Я...

Скорпиномо не договорил. Над скалой потемнело. Второй космический корабль, все больше и больше замедляя полет, с шипением пронесся над ними. Он летел сейчас не быстрее, чем обыкновенный самолет, и на его конусе легко можно было различить черный треугольник.

Все произошло молниеносно. Длинный, странно дымящийся луч вырвался из черного треугольника, как нож полоснул по выжженной котловине и уперся в ракету с черным кругом.

— О-о-о!..— вдруг звонко завыл Скорпиномо, будто у него мучительно заболели зубы.

Ракета на равнине закачалась, крошечные фигурки, лестницы и крепления, как игрушечные, посыпались вниз, и конус с черным кругом рухнул на планету.

...Несколькими минутами раньше скачущие мальчишки на берегу океана тщательно обстреливали камнями медуз, всплывающих на поверхность воды. В конце концов им надоело это занятие, и Илья Муромец предложил:

— Пошли, ребята!

Добрыня и Алеша не ответили. Они сидели на берегу, обхватив руками коленки и меланхолически разглядывая красноватых рыбок в прозрачной воде.

— Ну, что же вы, ребята?

— А куда идти? — не поднимая головы, спросил Добрыня.

— На кудыкину гору! — рассердился Илья.

— А ты знаешь дорогу на эту гору?

— Знаю.

— Смотри, какой ты умный!

— Поумнее тебя!

— Ты умница-разумница, — продекламировал Алеша, поморщив в невеселой ухмылке конопатое лицо, — об этом знает вся улица...

— Петух да курица, — нараспев продолжал Добрыня, — кот да кошка, дурак Ермошка.

— И ты немножко! — закончил Алеша.

— Хватит, ребята, — необходимо сказал Илья. — Много мы здесь не высидим, а там, может, что-нибудь случилось... И Забава...

— Ах, Забава! — вскочил Добрыня. — Тебе нужна Забава? Несчастный рыцарь! Твоя принцесса улетела и даже ручкой тебе не помахала. А тебе не терпится ее увидеть? Да?

Илья густо покраснел.

— Какой рыцарь? Какая принцесса?

— А та самая, на которую вы с Лешкой все время пялите глаза.

— Кто? — взорвался Алеша Попович и тоже вско-
чил. — Я пялю глаза на Седую? Илюшка, давай его по-
колотим!

— Давай!

— Бросьте, ребята, — сразу сбавил тон Добрыня. — Я пошутил...

— Да ты сам с нее глаз не сводишь! — ядовито рас-
смеялся Алеша. — Я давно заметил... Еще когда мы
были дома и Волшебник говорил, что ты... то есть До-
брыня Никитич несколько сот лет назад освободил
Забаву из плена Змея Горыныча...

— Ребята! — перебил его Илья. — А интересно по-
лучается: наш Добрыня и на самом деле спас Забаву,
да и тебя, Лешка, из плена Тиберы Като. А ведь эти
цветочки небось пострашнее Змея Горыныча! Стойте!
Что это?

Над их головами со свистом пронеслась ракета.
Она мелькнула, как черная молния, но ребята четко
видели, что ракета исчезла за горами, как раз там,
куда совсем недавно улетели их друзья. Никто из
мальчиков не догадывался, что это уже второй косми-
ческий корабль синотов и что он преследует такой же
корабль с такими же хищниками. Разгоряченным
умам трех богатырей сразу представилось, что сино-
ты охотятся за их друзьями.

Несколько секунд они настороженно прислушива-
лись к удаляющемуся свисту и посмотрели друг на
друга.

— Пошли! — твердо сказал Добрыня.

— Пошли! — в один голос так же твердо ответили
Илья и Алеша.

Три богатыря двинулись в трудный путь.

В КОТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
СЛЫШАТ СТОН ПЛАНЕТЫ

Потрясенный гибелью своего корабля, Скорпиномо не сразу пришел в себя. Забава видела, как мгновенно побелела красная физиономия торри и как конвульсивно задергались его бакенбарды. Обезумевшими, неподвижными глазами наблюдал он за удаляющейся ракетой с черным треугольником. Недавно стремительная, она летела теперь совсем медленно, оставляя в воздухе дымный след. Через полминуты ракета скрылась за чертой дальних скал.

— Горено! — будто вздох, вырвался крик из груди синота.

— Да, великий Скорпиномо, — хладнокровно ответил другой синот своим скрипучим голосом.

— Надень на пленников наручники!

Горено выполнил это приказание с нечеловеческой быстротой. И сила у него была нечеловеческая: сопротивляться ему было бесполезно. Его руки, казалось, были налиты железом. Наручники щелкнули, и Забава только слабо застонала.

— Стереги пленников, Горено!

— Я буду зорко стеречь пленников, великий Скорпиномо.

Торри сделал шаг к обрыву и прыгнул в пропасть. За его спиной веером распахнулись крылья. Он летел к обломкам ракеты, быстро удаляясь, и скоро стал похож на летучую мышь.

Волшебник повернул лицо к Горено.

— Послушайте, уважаемый... или как там вас надо называть?

Горено молчал, его неприятные стекловидные глаза без всякого выражения уставились на голубую шкатулку.

— Горено, — сказал старик, — я обращаюсь к вам.

— Я вас слушаю,—
однотонно проскрипел
синот, услышав из
шкатулки свое имя.

— Вы действительно...
будете стеречь нас?

— Да, я буду сте-
речь вас.

— Но зачем мы вам?

— Я не знаю, за-
чем вы мне.

— Гм... Вы нас не-
навидите?

— Нет, вы мне
безразличны.

— Гм... и мы дол-
жны стоять на одном
месте?

— Да, вы должны
стоять на одном месте.

— Но для чего?

— Так приказал ве-
ликий Скорпиномо.

Горено отвечал мед-
ленно, словно подыски-
вая нужные слова. Его
губы такого же земли-
стого цвета, как и все
лицо, едва приоткры-
вались, пропуская
скрипящие звуки. Он
был отталкивающе
некрасив.

— Клянусь боро-
дой, мы не представ-
ляем для вас никако-
го интереса, Горено!

— Так приказал великий Скорпиномо,— безжизненно повторил Горено.

— А если мы захотим уйти?

— Если вы захотите уйти, я убью вас.

— Он действительно это сделает,— сказала Флер и отвернулась от Горено.— Оставьте его в покое, дорогой земляк...

— Но, Горено,— сказала Забава,— ведь ваша ракета погибла. Вы сами теперь не в лучшем положении, чем мы.

— Меня не интересует, в каком я положении.

— Вам самому угрожает смерть от угловатых!

— Я не боюсь смерти.

— Разве вы не любите жизнь?

— Нет, я не люблю жизнь.

— А что же вы любите?

— Я ничего не люблю.

— Да у вас есть сердце или нет?

— У меня нет сердца.

— Вы не человек! Вы — чудовище!

— Я не человек и не чудовище.

— А кто же вы, Горено?

— Я механизм, такой же, как и ваша говорящая шкатулка.

— Робот! — вскрикнул Волшебник.— Я уже давно подозревал это. Совершенно великолепный экземпляр человекообразной машины! О, как бы я хотел порыться в ваших внутренностях, Горено!

— Если вы прикоснетесь ко мне, я убью вас.

— Нет уж, будьте вы неладны со своими внутренностями!.. А скажите, Горено, много ли таких механизмов прилетело в вашей ракете на Утреннюю Звезду?

— На эту планету прилетели только механизмы, не считая великого Скорпиномо, который управляет нами.

— Гм... и все, кроме вас и Скорпиномо, погибли... А почему, собственно, Скорпиномо не взял с собой людей?

— Великий Скорпиномо не взял с собой людей, потому что не доверяет им.

— Вот как! Плохи дела у Скорпиномо, если он не доверяет людям даже своей планеты.

Робот молчал. Он неподвижно смотрел вперед: над противоположными скалами котловины вновь показалась ракета угловатых. По-видимому, она сделала разворот и теперь возвращалась обратно.

— Угловатые хотят сделать посадку в этой же котловине,— сказала Флер.

Она уже была совсем спокойной и стояла, подняв к карману на груди скованные руки. Забава заметила, что она непрерывно шевелит пальцами, сжимая карман с радиоаппаратом.

— Так и есть,— продолжала Флер.— Скорпиномо торопится обратно... Ага, злодей, кажется, повредил свои крылья!

Скорпиномо действительно летел очень странно, какими-то короткими рывками. Одно его крыло то и дело падало и опять выравнивалось.

Робот вдруг задвигался на месте, беспокойно оглянулся.

— Я чувствую непонятные радиоволны,— быстро заговорил он, поднимая землистую руку к продолговатому головному убору.— Я чувствую радиоволны, я чувствую радиоволны...— повторял он снова и снова.— Что это значит? Где работает радиоаппарат?

Задыхающийся Скорпиномо подлетел к скале и прыгнул с воздуха на камни. Крыло болталось за его спиной, словно у подбитого птерозавра.

— Все погибло... все мертво...— бормотал он, ни к кому не обращаясь, и, тряхнув плечами, сбросил крылья.

Они упали на скалу с легким шелестом.

— Великий Скорпиномо, где-то здесь работает радиоаппарат,— бесстрастно доложил робот.

Скорпиномо пропустил его слова мимо ушей. Он смотрел, как ракета с черным треугольником под-

няла нос к небу и начала плавно опускаться на планету. Свистящий поток огня и дыма вонзился в котловину, и через несколько секунд волна пыли и горячего воздуха пронеслась над скалой. Забава зажмурилась.

Когда она открыла глаза, все стихло, и ракета уже стояла на хвосте, обратив к облакам свой острый конус.

— Горено! — яростно крикнул торри.

— Да, великий Скорпиномо!

— Ты полетишь сейчас к этой ракете!

— Я полечу к ракете.

— Ты смешаешься с другими роботами...

— Я смешаюсь с другими роботами...

— И сделаешь так, чтобы они приняли тебя за своего...

— Я сделаю так, чтобы они приняли меня за своего...

— И ты, Горено, убьешь командира корабля.

— Я убью командира корабля.

— Лети, Горено!

— Слушаю, великий Скорпиномо.

— погоди! Отдай мне эту серебряную трубку. Теперь она мне может пригодиться. Так... Лети же!

Робот прыгнул и камнем полетел вниз. Его крылья открылись лишь у самого основания скалы. Он заскользил низко над поверхностью и стал неразличимым на выжженной траве котловины.

— Он убьет его! — хрипло шептал Скорпиномо, приходя в себя. — Стоять, иначе я разнесу вас на клочки вашим же оружием! Вы мои заложники! Эферийцы не посмеют вредить мне, пока вы в моих руках. А потом... потом я знаю, что делать, когда овладею ракетой.

— Послушайте, вы, убийца! — негромко сказала Флер, глядя в зеленоватые глаза синота.

Было в ее спокойствии столько бесстрашия, столько уверенности в своем превосходстве и столько было

отвращения в ее сверкающем взгляде, что удивленный синот умолк.

— Знайте же, Скорпиномо, что вы уже никогда не овладеете ракетой угловатых!

— Почему? — спросил он, глядя на нее исподлобья.

— После гибели вашей ракеты электромагнитное поле вокруг нас исчезло, и мне удалось связаться по радио с разведчиками Эфери Тау. Они уже готовы — понимаете? — полностью готовы смести синотов с лица Утренней Звезды! Правда, мы до сих пор не знали, что такое война, мы не изобретали специальных средств для убийства людей... Ах, вы смотрите, Скорпиномо, на ультразвуковую трубку, которую робот вырвал из моих рук... Это оружие было создано только для уничтожения хищных животных на Утренней Звезде, и оно действует всего лишь в радиусе трехсот метров. Но у нас есть могучие средства для борьбы с силами природы. И одно из этих средств мы вынуждены обратить против вас, против хищников Сино Тау!

— Что эферийцы собираются делать? — растерянно спросил Скорпиномо.

— Наша сейсмическая станция сейчас вызовет в этом районе самое разрушительное планетотрясение, которое только может нарисовать ваше воображение, Скорпиномо! Сейсмические ультразвуковые установки в одно мгновение разрушат здесь кору планеты, и вся эта горная котловина провалится в магму вместе с обломками обеих ваших ракет.

— Вы лжете! — вскрикнул он.

— Нет, я не лгу, Скорпиномо. Ложь незнакома эферийцам... Сейсмологи только ждут моего сигнала, и, если бы со мной не было друзей из другой солнечной системы, я уже подала бы этот сигнал. Вы видите, я держу руку на кармане с радиоаппаратом. Одно движение пальцем, и...

— Подождите! — визгливо закричал Скорпиномо. — Не надо!.. Я хочу жить. Слышите, я хочу жить!

— Так я и думала! — презрительно усмехнулась Флер. — Ступайте в летательный аппарат.

Торри торопливо юркнул в кабину и сел в угол, сжимая серебряную трубку. Его зубы стучали.

Флер, Волшебник и Забава сели напротив.

— Флер, — взволнованно проговорила девочка, — но там на берегу океана...

— Мальчики? — быстро спросила Флер. — Не беспокойся, милая, им ничто не угрожает. Планетотрясение ограничится этой котловиной.

— Только имейте в виду, — пошевелил Скорпиномо перекошенными губами, — я не сниму с вас наручников, вы мои пленники! И если вы доставите меня к эфе-рийцам, я убью вас!

— Неужели вам не надоело, Скорпиномо, произносить это слово: убью, убью, убью? — не выдержал Волшебник и с сердцем потрянул головой.

— Сигнал дан! — сказала Флер и положила закованные руки на рычаг.

Летательный аппарат по вертикали взвился в воздух. В ту же минуту продолжительный гул, похожий на стон, потряс все вокруг. Этот необычный стон достиг слуха путешественников даже в кабине, куда, казалось, не мог проникнуть ни один звук извне.

Они видели, как закачались, задвигались скалы, на-ползая одна на другую, как вдруг наискось разверзлась котловина и в черную бездну обрушились ракеты синотов, глыбы камней, гигантские ворохи песка и глины. Туча клокочущего пара взлетела к небу и окутала летательный аппарат.

А стонущий гул все нарастал и нарастал. Можно было подумать, что из глубины планеты рвется крик боли, дикий вопль ни с чем не сравнимого страдания... Они

долго летели вслепую, охваченные плотной тучей белого пара. Аппарат вздрагивал и качался.

— Странно,— в голове Флер прозвучала тревога,— на нас что-то сыплется.

Аппарат трянуло с новой силой. Сквозь поредевшие клубы пара путешественники увидели Гаустав. Но каким-то страшным он выглядел теперь! Над его кратером полыхало зарево, дым и пепел вились в небе, и огненные потоки лавы, растапливая на склонах вулкана снега, пробивали себе путь к океану. Раскаленная глыба вылетела из кратера, разорвалась, как бомба, и рассыпалась в воздухе золотыми осколками.

— Извержение! — истерически закричал Скорпиномо.— Вниз! Вниз! Скорее вниз!

Огненный осколок ударил в крыло, и летательный аппарат задымился.

Глава шестнадцатая,
В КОТОРОЙ ПОБЕЖДАЕТ ЖИЗНЬ

Все выше и выше поднимались мальчики по крутому дну горной расщелины. Справа и слева почти отвесно вздымались черные, отсвечивающие как стекло, базальтовые стены. Когда мальчики смотрели вверх, они словно из колодца видели далекую полосу синего неба.

В ущелье было сумрачно и прохладно, но им скоро стало жарко. Они упорно шли все вперед и вперед, тяжело дыша и все чаще вытирая рукавами мокрые от испарины лица.

— Берегитесь, ребята! — вдруг крикнул Добрыня.

Толстая змея с поблескивающей чешуей быстро скользила по камням навстречу мальчикам. В нескольких шагах от них она замерла, чуть пошевелила острым хвостом. В ней было не меньше трех метров.

Мальчики попятились.

— Да это целый удав! — пробормотал Илья.

Змея вскинула голову и, разинув розовую пасть, коротко прошипела.

— Здравствуйте, — сказал Алеша, — давно не видались! Пошла вон с дороги!

Змея вытягивалась вверх, раскачивая голову с круглыми, как бусинки, глазами. Раздвоенный язычок беззвучно мелькал в ее пасти.

— Ну, пошла же!

Добрыня подхватил камень и швырнул в змею. Это был снайперский удар. Змея опрокинулась, но в то же мгновение стрелой метнулась на Добрыню. Он едва успел отклониться, огромная стрела пролетела у самой его головы.

— Бежим, ребята! Скорей!..

Однако бежать по камням в гору было трудно. Они спотыкались и падали. К счастью, змея не собиралась их преследовать.

— Хватит! — сказал Илья. — Давайте выбираться из этого змеиного колодца.

Царапая об острые выступы базальта руки и колени, мальчики медленно поднимались к синей полоске неба.

На полпути на них, как вихрь, налетел птерозавр, которого они, должно быть, потревожили в гнезде.

Оглушая приятелей писком, птерозавр бил их крыльями, клевал и царапал когтями своих четырех лап.

— Глаза! Берегите глаза!.. — крикнул Илья, с трудом цепляясь за выступ.

Он изловчился и с силой ударил птерозавра ногой.

Удар отбросил птерозавра в сторону. Он сразу умолк и, распластав крылья, неторопливо полетел вниз. Через некоторое время приятели услышали из темноты ущелья его недовольный клекот, будто он кому-то жаловался на дерзких пришельцев.

Мальчики немного отдохнули и отдышались. Они стояли на крохотной площадке, шириной в четверть метра, прижимаясь к холодной скале. Под их ногами чернел провал. И оттого, что во мраке не было видно дна, провал казался бездонным.

Им стало страшно, но никто из них не сказал об этом ни слова. А синее манящее небо над головой было еще так далеко...

— Полезли, — сказал Илья. — Осталось совсем немного...

Друзья снова стали карабкаться вверх. И когда их отделяли от цели всего несколько метров, они почувствовали, как вздрогнуло все ущелье, и услышали глубокий громоподобный гул. С пушечным раскатом напротив треснула базальтовая стена.

Напрягая последние силы, они выбрались из ущелья и, совсем обессиленные, легли на камнях.

В воздухе горько пахло серой, ветер сыпал на них теплый пепел. Потом они слышали странные звуки, похожие на шум далекого поезда.

Богатыри подняли головы. Шум нарастал и внезапно хлынул в ущелье. Оно наполнилось оглушающим шипением и ревом. Десятки птерозавров, сталкиваясь в воздухе и сбивая друг друга, вылетели из ущелья, тучей закружились над скалами.

Измученные мальчики заглянули вниз и отшатнулись. Что-то ослепительное до боли резануло глаза, опалило жаром лица и волосы. Рукав Алешиной рубашки затлелся.

По ущелью неслась, вздуваясь и клокоча, огненная река.

— Лава!.. — закричал Илья. — Извержение!

Приятеля видели, как шевелились его губы, но слов не слышали.

Они бросились прочь от ущелья, обогнули скалу и остановились.

Впереди, над грядой снежных гор, ворочалась туча дыма и пепла. В самом центре тучи с трудом различались крутые склоны Гаустава. Всплески пламени то и дело взметались и угасали над неясной вершиной вулкана.

Горы глухо гудели, стонали, и от сотрясающейся почвы телам передавалась противная мелкая дрожь.

— Гаустав ожил! — снова закричал Илья, и снова никто не разобрал его слов.

В ту же минуту мальчики заметили летательный аппарат. Он промелькнул над головами, оставив в воздухе ровную черту дыма, и исчез в полукилометре от них за хаотическим нагромождением горных пород.

Богатыри забыли об усталости. Они бежали, спотыкаясь, они падали, сбивая в кровь колени, и снова бежали, бежали...

И вдруг совсем рядом они увидели человека с рыжими бакенбардами. В необычном костюме, похожем на одежду водолаза, он возвышался на камне, размахивая серебряной трубкой, и что-то яростно кричал Забаве, Волшебнику и Флер.

А Забава, Волшебник и Флер стояли перед этим человеком беспомощные, со скованными руками.

Летательный аппарат догорал рядом с ними.

Человек с рыжими бакенбардами вскинул серебряную трубку и прицелился в пленников. Но он не успел сделать выстрела, потому что Илья Муромец что было силы рванул его за ногу.

Скорпиномо грузно свалился с камня лицом вниз. Его продолговатый головной убор ударился о камни и сорвался, обнажив лысоватую голову.

Остальное произошло почти мгновенно.

Добрыня одним рывком выхватил из его рук серебряную трубку, и три богатыря сели верхом на поверженного синота.

А потом, прежде чем все успели опомниться, где-то внутри горного хребта раздался короткий гром. И сразу стало удивительно тихо. Было лишь слышно, как в тишине стонет Скорпиномо и вдали, постепенно утихая, шумит поток лавы.

Огонь на вершине Гауста погас, но пепел и дым все еще вились в небе, и воздух все еще был наполнен удушливым запахом серы.

— Браво сейсмологам! — услышали мальчики взволнованный голос Флер. — Они остановили извержение! И bravo вам, отважные мальчики! Вы спасли нам жизнь!

Забава молчала. Но девочка подарила приятелям такую улыбку, что их лица в синяках и ссадинах невольно заулыбались в ответ. Они все еще сидели верхом на синоте, не решаясь отпустить его.

— Ой вы гой еси, добры молодцы! — восторженно заговорил Волшебник. — А не я ли утверждал, что не перевелись богатыри на нашей Земле! Этот хищник по имени Скорпиномо сначала сделал нас своими заложниками, а потом решил отомстить за гибель си-
нотских ракет и расстрелять!

— Отпустите этого хищника, мальчики, — сказала Флер, — он больше не страшен. К нам идет помощь!

Они подняли головы. Трепеща крыльями, на камни опустился летательный аппарат.

Сначала из кабины вышел Клад. Но тот, кого они увидели вслед за ним, поверг их в такое изумление, что все онемели.

Тяжело ступая по лестнице летательного аппарата, из кабины спустился робот Горено.

— Ты?! — хрипло закричал Скорпиномо. — Ты жив, мой славный Горено?

— Да, я жив, — скрипуче ответил робот.

— Но почему же ты не отвечал на мои позывные? Каким образом тебе удалось спастись?

— Когда началось планетотрясение, я еще был в воздухе, и это спасло меня.

— Так что же ты медлишь, Горено? — завопил Скорпиномо. — Убей этих людей! Скорей убей! Ты ведь можешь излучать смертоносную энергию! Ты один можешь убить тысячу человек! Нет, десять тысяч! Сто тысяч!.. А потом я свяжусь с Техническим центром № 1, и мы вызовем сюда новую ракету!

— Технический центр № 1 уже связался со мной, — медленно проговорил робот, поднимая руку в перчатке к головному убору. — Я получил приказ Технического центра. Мне приказано арестовать Скорпиномо.

— Ты рехнулся, Горено! Электронные извилины твоих мозговых полушарий, наверно, получили повреждение во время планетотрясения, и ты неправильно понял приказ.

— Нет, я понял приказ совершенно правильно.

— Ты должен беспрекословно подчиняться мне, проклятый робот!

— Да, я должен был беспрекословно подчиняться великому Скорпиномо до тех пор, пока меня обязывал это делать Технический центр.

— Так подчиняйся же!

— Не могу. Я механизм, и механические указания моего центра для меня важнее, чем даже слова великого Скорпиномо. Я только механизм, и вам это известно так же, как и мне.

— Идиот! В Техническом центре № 1 мои друзья!

— В Техническом центре № 1 нет больше ваших друзей, Скорпиномо.

— Как нет? Куда они делись?

— Слушайте радиogramму, принятую мною, — бесстрастно говорил робот. — Слушайте, вот эта радиogramма дословно: «Всем, всем, всем! Враждующие между собой правители Сино Тау начали новую страшную войну. Но народ Сино Тау больше не хочет погибать. Он взял власть в свои руки. Все технические центры Сино Тау находятся в руках народа. На нашей планете объявлена Эра великой дружбы. Технический центр № 1 приказывает всем роботам, находящимся за пределами планеты, арестовать коман-

диров кораблей и доставить их на Сино Тау. Технический центр № 1 приказывает также роботам связаться с народом Эфери Тау и объявить, что народ Сгно Тау предлагает ему вечный мир и вечную дружбу».

Горено сделал быстрое движение, и на руках Скорпиномо шелкнули наручники.

— Космический корабль очень скоро придет за вами, Скорпиномо,— сказал робот.— Народ Сино Тау будет судить вас.

Затем Горено освободил от наручников Флер, Забаву и Волшебника. Все вошли в кабину летательного аппарата и поднялись высоко-высоко над горами, над редющей тучей дыма и пепла.

Они летели над снежными вершинами, над розовыми лесами и розовыми равнинами и наконец увидели огромный светлый город. Его прозрачные крыши ярко сверкали в лучах Ладо.

Летательный аппарат опустился неподалеку от города, в долине, где росли очень красивые и очень ароматные цветы. Эти цветы были самых разнообразных расцветок, потому что их семена разведчики доставили со своей планеты.

И в тот же день, прежде чем Ладо скрылось за горизонтом, на Утреннюю Звезду прилетел первый корабль с маленькими переселенцами умирающей планеты Эфери Тау.

Корабль был очень большой. Он сел среди цветущей долины, и по бесчисленным лестницам начали спускаться тысячи веселых, смеющихся детей.

Все мальчики и девочки были одеты в белые, красные, зеленые, желтые и синие комбинезоны и издали очень походили на живые цветы.

Космический корабль эферицев привел на Эо Тау молодой ученый — сын Флер и внук Клада. Они стояли втроем, держась за руки, и со счастливыми улыбками смотрели, как радуются дети теплым лучам золотистого Ладо. Ведь они выросли внутри планеты, и многие из них видели солнце в первый раз.

— Так победила жизнь! — тихо сказала Флер.

— А иначе и не могло быть, дорогая Флер,— проговорил растроганный Волшебник, теребя свою шелко-

вую бороду.— Ведь жизнь — вечный закон Вселенной! Уж нам, волшебникам, это доподлинно известно! — Он посмотрел на Забаву и вдруг спросил: — Сколько сейчас времени, внука?

— А какое это имеет значение, дедушка? — усмехнулась Забава.— Ведь здесь совсем другое время. Я уже давно не смотрю на свои часы.

— Гм... Помнишь ли ты, в котором часу мы покинули Землю?

— В десять часов вечера. А сейчас... без четверти десять.

— Гм... Клянусь бородой, нам пора возвращаться домой!

Флер и Клад проводили землян в летательном аппарате до самой Долины горячих источников.

Золотистый шар спокойно стоял в розовой траве, так удивительно пахнущей медом.

Трое стражей в желтых костюмах приветственно подняли руки.

— Ну что ж, давайте прощаться, дорогие друзья! — сказал Волшебник эферийцам.— Пусть ваша жизнь будет счастливой на Утренней Звезде!

— Прощайте, дорогие земляки! — подняла руку Флер.— Да здравствует жизнь!

Земляне вошли в мыслеплан, и проход неслышно закрылся за ними.

— А сколько сейчас времени на твоих часах, Забавушка?

— Ровно десять часов, дедушка.

— Нажми эту кнопку...

Девочка прикоснулась пальцем к кнопке, и мыслеплан чуть-чуть вздрогнул.

— Итак,— торжественно сказал Волшебник,— мы на Земле, друзья мои!

Что-то сверкнуло, и все увидели, что сидят на террасе тесового домика, и почувствовали резкий запах цветущего табака.

— Здравствуй, Земля!..— воскликнула Забава.

Они спустились с крыльца. Белые ночные мотыльки, потревоженные их шагами, вспорхнули с клумбы и, как снег, закружились в воздухе.

— Земля! Наша милая, хорошая Земля!..— шептала Забава.

Они долго стояли возле террасы и молча смотрели, как в черном небе, в бесконечном пространстве Вселенной мерцают миллионы солнц, миллиарды далеких Лад.

— Спокойной ночи, богатыри! — наконец сказал Волшебник.

И когда мальчики двинулись к калитке, он поднял руку и прибавил:

— Да здравствует жизнь!

И, словно в ответ на его слова, где-то в саду радостно и звонко запел соловей.

ПРЕДАНЬЕ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

**Иллюстрации
В. Алексеева**

ФЕЯ МЕЧТА

Есть такие скучные люди, которые не верят в Волшебство. Не верь этим людям, дружок! Я даже знаю имена некоторых волшебников: Любовь, Дружба, Честность.

Красивые имена, правда?

А однажды я познакомился с одной доброй феей. Ее зовут *Мечта*. К иным мальчикам и девочкам она является среди ясного дня. Другие встречаются с феей Мечтой во сне. Я уверен, что и ты знаком с ней.

Вот такая история произошла совсем недавно в славном городе Новгороде.

В самом центре этого города майским утром на балконе четвертого этажа сидели брат и сестра, Игорь и Таня. Оба они были одногодками, оба учились в одном классе, и так как они родились близнецами, то и немудрено, что очень походили друг на друга. Оба были светловолосыми и голубоглазыми, у каждого правая бровь чуть-чуть повыше левой. А их одинаково пухлые губы пунцовели, как спелые черешни.

Впрочем, была между ними и разница: Игорь пошире в плечах и на его переносице отчетливо виднелся кривой шрам — след какой-то давнишней мальчишеской битвы.

В то воскресное утро Игорь и Таня скучали. Они молча смотрели, как под балконом по мокрому, только что политому дворником асфальту то и дело проезжают, шурша шинами, автобусы. Потом их внимание привлекла мороженщица в белом халате, открывающая свой стеклянный ларек в зелени сквера. Двое мальчишек уже выжидательно остановились перед ларьком, на их лицах было написано нетерпение.

— У тебя нет немножко денег? — спросил сестру Игорь, облизывая губы.

— Нет, — вздохнула она.

— Вот так всегда, — тихонько проворчал он, — неужели ни папа, ни мама не могли нам оставить хотя бы копеек двадцать на двоих.

— Им сейчас не до нас, — снова вздохнула Таня, — они, кажется, нашли на своих раскопках что-то очень интересное про древний Новгород и уходят из дома ни свет ни заря.

— Ха! — невесело воскликнул Игорь. — Что-то очень интересное! Обыкновенная берестяная грамота. Вот уж я не хотел бы стать археологом, как они! Даже по выходным дням копаются в земле из-за какого-то кусочка бересты!

— Ну, уж тут ты не прав, Игорь, — сказала она, — ведь по этим кусочкам мы узнаем, как жили наши предки много столетий назад! Ты только представь себе: бумаги тогда не было, грамотные люди писали письма на кусочках древесной коры! Мама говорит, что эти письма помогают увидеть прошлое. Да ведь ты сам любишь историю, я знаю. У тебя просто плохое настроение, потому что мы не можем купить мороженое.

Игорь помолчал.

— Конечно, увидеть прошлое — это интересно, — задумчиво проговорил он наконец. — Только я хотел бы увидеть его не нацарапанным на деревяшке, а своими глазами. Так, как мы видим эту мороженщицу и вот этот автобус. Вот бы познакомиться с моим тезкой князем Игорем, когда он был такой, как я!

И здесь произошло чудо. За их спинами раздался негромкий, но очень мелодичный смех, похожий на

звон маленького колокольчика. Они разом обернулись и застыли с приоткрытыми ртами: на пороге балкона стояла очаровательная девушка с распущенными до пояса золотистыми волосами. На ней было легкое и длинное — до самых пят — платье, словно сделанное из серебристого шелка. Но самое удивительное было в том, что незнакомка была прозрачной, как туман, как неясный дымок, который поднялся над костром и на мгновение застыл в тихом воздухе. Необычная девушка насквозь просвечивалась солнцем: сквозь шевелящиеся под ветром складки ее платья Игорь и Таня видели комнату, паркет с тенями от оконной шторы и отцовский письменный стол, в центре которого на белом листе лежала берестяная грамота.

— Извините...— приходя в себя, прошептала Таня.— Кто вы?

— Фея Мечта,— прозвенел голос, и ее лицо озарилось доброй улыбкой.— Вы действительно хотите посмотреть прошлое *своими глазами*?

— Да,— после небольшой паузы сказал Игорь.

— А ты, девочка?

— Разумеется, хочу! — вырвалось у порозовевшей Тани.

Фея взмахнула рукой, и вокруг все сразу потемнело.

— Итак,— продолжал звенеть ее голос,— пусть будет по-вашему...

Длинь-длинь-длень!
Воротись, прошедший день!
Время, мчись наоборот!
Воротись, прошедший год!
Во-семь-сот
 во-семь-десят
 вто-рой!..

Голос умолк, и стало совсем темно.

— Игорь, где ты? — шепотом спросила Таня, и отыскав в темноте руку брата, крепко сжала ее.— Мне страшно... Что все это значит?

— Не знаю...— таким же шепотом ответил он.—
Фея сказала, что сейчас восемьсот восемьдесят второй год...

— Ужас! — воскликнула сестра.— Из нашей жизни каким-то непонятным образом исчезла целая тысяча лет!

— Даже больше, чем тысяча лет!

— Что мы будем теперь делать?

— Посмотрим...

— Что смотреть, когда кругом ни зги не видно!

— А вон я вижу какой-то свет... Слушай, Таня, это же утренняя зорька! Скоро взойдет солнце!

ГОРДЕЙ, СЫН МИКУЛЫ

Действительно, за черной грядой недалекого леса розовело небо.

Они огляделись. На холме, над неясной в сумраке рекой, поднимались бревенчатые стены старой крепости со шпилями и башнями. Пониже виднелись усадьбы с высокими и ладно сколоченными тынами — стоямя бревно к бревну, острием к небу. Кривые улочки тянулись от крепости в разные стороны и под конец разбегались беспорядочно построенными бедными хижинами. Чем дальше от крепости к лесу, тем беднее строение.

Хлюпала в реке вода о деревянный настил, низкие суда с опущенными парусами покачивались на волнах. Было слышно, как там, на пристани, со скрипом терлись борт о борт два суденышка. Ночной сторож стучал колотушкой и время от времени хрипловато покрикивал: «Чу-ую! Чу-ую!»

Утренний ветер резво налетел на Игоря и Таню. Он принес запахи речной сырости и конюшен.

И вдруг косой дождь из небольшой тучки, что нечаянно выползла из-за леса, тонкими бичами захлестал по траве. Таня взвизгнула и, подобрав юбку, стремглав понеслась к ближайшей хижине.

— Скорей, Игорь, скорей! — кричала она на бегу. — Иначе мы вымокнем до нитки!

Они перескочили через низкую полуразвалившуюся деревянную ограду и в четыре руки забарабанили в покосившуюся дверь.

За дверью зашаркали ногами, сонный голос подростка испуганно спросил:

— Кто там еси?

— Да открой же, пожалуйста! — жалобно простонала Таня.

Должно быть, голос девочки успокоил его. Запор защелкал, дверь распахнулась, и в лучах выглянувшего из-за тучки утреннего солнца они увидели вихрастого паренька в длинной домотканой рубахе. Лицо паренька неожиданно скривилось от страха. Он отступил и замахал руками.

— Мара! — диковато бормотал он. — Мара! О Перун, спаси меня!

— Он принимает нас за привидения! — сказал Игорь. — И, кажется, просит, чтобы его спас главный языческий бог Перун!

Паренек упал на колени.

— Отче нету, мати нету, — в отчаянии заламывал он руки, — не троньте бедного смерда!¹

Серые расширившиеся глаза паренька совсем побелели от ужаса. Он сжался и умолк, схватившись за голову, словно защищая ее от удара. В гриве его спутанных каштановых волос торчали соломинки.

— Отче нету... — вдруг снова забормотал он. — Мати нету... Один я еси и в хижe, и на свете под ярилом..

— Один я и в хижине, и на всем свете под солнцем, — перевел Игорь, подумав.

У Тани задергался подбородок.

— А где твои... отче и мати? — сдавленным голосом спросила она и смахнула со щеки теплую слезу.

¹ Крестьянин.

— Все от глаза мрем,— быстро заговорил паренек, уловив, по-видимому, сочувствие в ее словах.— Беда, беда! Рубища на чересах¹ носим, на пепле спим... Тиун² вельми хитер: все дай да дай боярину! Мяса дай, меда дай, гречихи дай! А что дать? Не токмо мяса, горстки гречихи нету! Беда, беда!

Таня обвела глазами хижину. Пусто в хижине. У стены голый помост, посредине холодный каменный очаг без дымохода. Пахнет в хижине задымленным деревом, золой и давно не мытой одеждой. В маленькое оконце, затянутое бычьим пузырем, едва пробивались лучи солнца. Большой паук свил у оконца паутину и притаился под притолочиной, выжидая жертву.

— Как зовут тебя? — спросила Таня, вздыхая.

Паренек не ответил, должно быть, не понял вопроса.

— Встань, пожалуйста, с колен... Очень прошу...

Паренек поднялся и, осмелев, открыл рот, чтобы сказать что-то, но в эту минуту за дверью прозвучал резкий мужской голос:

— Гордей!

Паренек стремительно выскользнул за порог. Из сумрака хижины брат и сестра видели через открытую дверь, как к нему подошли два бородатых мужчины в синих кафтанах с бердышами³ в руках.

— Гордей, сын Микулы? — спросил один из бородатых.

— Так,— кивнул Гордей и поклонился.

— Отче твой Микула брал у боярина Путяты купу⁴ — одно гривно.

— О тиун! Отче помер, и матери померла... Нет у меня мяса и меда, чтобы гривно стоили... нечем купу покрыть...

— Отче твой,— усмехнулся тиун,— ныне на Перуновых лугах мед пьет, а купа его на твоей душе висит. До месяца сечения⁵ должен ты был купу вернуть, а уж месяц цветень⁶ давно прошел. По слову князя, будешь

¹ Тело.

² Сборщик податей.

³ Старинное орудие — топор с лезвием в виде полумесяца.

⁴ Заем.

⁵ Февраль.

⁶ Апрель.

ты отныне отрабатывать купу боярину Путяте. А надумаешь бежать хоть на полудень¹, хоть на полночь², все одно найдут тебя княжьи мечники, и будешь ты батогами бит.

— Так,— прошептал Гордей и снова поклонился.

— Ступай на дворце боярина Путяты, Гордей!

Тиун повернулся, чтобы уходить, но тут его взгляд скользнул в открытую дверь хижины.

— Что за отроки еси? — изумленно воскликнул он, разглядывая необычную одежду Игоря и Тани.— Эка невидаль! Уж не варяги³ ли? Коли малые здесь, небось и большие близко... Давай-ка отведем их в дети-нец⁴ пред ясны очи князя Олега. Князь разберется, что к чему.

¹ Юг.

² Север.

³ Выходцы со Скандинавского полуострова.

⁴ Кремль.

И, охраняемые тиунами с поднятыми бердышами, Игорь и Таня отправились в новгородский кремль девятого века.

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Сначала они шли берегом Волхова. Мутная река лениво плескалась о деревянный настил. Великие и малые лодии позванивали цепями, покачиваясь на волнах. Десятка два бородатых, но, как видно, молодых мужчин в холстяных рубахах ниже колен торопливо грузили на палубу большого судна бочки с медом и смолой и мешки с пенькой. Рослый купец в голубом кафтане зычно покрикивал на палубе:

— А еще побыстрее, добры молодцы! Ныне плыть нам далече — аж за Русское море¹, до самых греков!

Грузчики кряхтели и молча шлепали босыми ногами по мокрому настилу. А неподалеку от настила, насколько не боясь людей, сидели на воде два серых кулика. Резко пахло рекой, смолою и свежей пенькой.

От пристани дорога свернула на холм. Игорь и Таня шли впереди тиунов по кривой улочке мимо высоких и крепких тынов. Худая собака с поджатым хвостом неторопливо бежала им навстречу.

— Ату тя, пес! — крикнул один из тиунов и пристукнул бердышом о землю.

Собака взвизгнула и исчезла в подворотне. Тиуны голосисто расхохотались.

Два всадника с мечами у пояса обогнали их и с любопытством оглянулись на пленников. Но всадни-

¹ Черное море.

ки, судя по всему, торопились, они взмахнули плетями, кони перешли на галоп и быстро скрылись за широко распахнутыми тяжелыми воротами кремля.

У ворот скучающий стражник принял у тиунов пленников и повел их в княжеский терем с бесчисленными клетями и подклетями. Видно, много потрудились умельцы новгородские, когда воздвигали над Волховом этот громадный дом из бревен.

По скрипучим ступеням Игорь и Таня поднялись в Большую палату княжеского терема.

В Большой палате после яркого утреннего солнца было сумеречно. Неясно светились ряды узких окон, затянутых тончайшей желтоватой кожей. На каждом окне — железная решетка. Просторно и пусто в палате. Вдоль бревенчатых стен тянутся деревянные лавки, отшлифованные задами воевод, бояр да богатых купцов, кои собирались здесь по слову князя вершить дела древнего Новгорода.

Велика Большая палата княжеского терема — шагов шестьдесят в длину, шагов тридцать в ширину. Игорь и Таня стояли у порога входной двери в самом центре палаты и тревожно озирались. Направо, у стены, в рост человека возвышался деревянный идол — Перун, с тяжелым подбородком и золочеными, страшно поблескивающими глазами. Налево, в другом конце палаты, виднелись резные двери в княжеские покои. Прямо против этой двери на небольшом помосте стояло дубовое кресло с высокой остроконечной опорой и закрученными к полу подлокотниками. От многочисленных окон на деревянный пол падали неясные столпы солнечного света. Пол был тщательно вымыт, на стертых досках повсюду отпечатались царапины и вмятины от кованых сапог.

Резные двери вдруг неслышно распахнулись, и в палату быстрыми шагами вошли статный русобородый мужчина и такой же русоволосый сероглазый мальчик лет двенадцати—тринадцати. Игорь и Таня сразу заметили,

что оба они одеты совершенно одинаково: на том и на другом затканное серебром белое платно с длинными рукавами, широкий золотой пояс и красные сафьяновые сапоги. У того и у другого пышно вились русые волосы.

— Бью челом, княже! — сказал стражник, стаскивая с головы шапку. — На твой суд, для твоего слова привел двух отроков. Поймали их ныне в посаде Великого Новгорода тиуны боярина Путяты. Не варяги ли?

Князь Олег неторопливо сел в кресло и положил руки на подлокотники. Русоволосый мальчик стал рядом с ним и прижался плечом к креслу. Его большие серые глаза заблестели от любопытства.

— Подойдите,— негромко сказал князь красивым грудным голосом.

Игорь и Таня подошли к креслу.

— Кто вы еси, отроки? — услышали они уже знакомую фразу.

— Брат и сестра,— сказал Игорь, передохнув.

Олег усмехнулся.

— Вельми похожи! Двоядцы?

— Да, двояшки...

— А какого же вы роду-племени? Варяги?

— Нет, нет,— закачал головой Игорь,— мы русские!

— Русичи?

— Да, да, русичи! — Игорь растерянно посмотрел на сестру, и она прочла в его глазах то же, о чем подумала в эту минуту сама: если сказать, что они явились в Великий Новгород девятого века из будущего, из двадцатого века, князь Олег все равно не поверит и посчитает их сумасшедшими.

— Кто же вы еси: древляне, кривичи, уличи?¹ А может, вы из полоцкой земли или ростовской? — задумчиво спрашивал Олег, поглаживая пальцами русую бороду.— А еще может статься, что родились вы во славном граде Киеве или во граде Смоленске?

— Да! — обрадовался Игорь.— Так и есть! Мы действительно родились в Смоленске, а потом переехали в Новгород!

— Речь твоя вельми странная, отрок,— пожал плечами Олег,— и платно на вас чудесное, и ноговицы носишь ты не наши,— и он ткнул пальцем с блеснувшим перстнем в аккуратно выглаженные брюки Игоря.

— Ноговицы как ноговицы,— пробормотал Игорь, краснея.

¹ Племена, населявшие Древнюю Русь.

ВОЛХВ ФАРЛАФ

В эту минуту резная дверь вновь неслышно открылась, и в Большую палату вошел старец в длинном, до самых каблуков, темном платно. На его руках переливчато зазвенели золотые браслеты. В левой руке старец держал бубен.

— Зачем ты пришел, волхв Фарлаф? — неожиданно пошевелился у кресла и сердито спросил сероглазый мальчик. — Кто звал тебя?

Старец с достоинством проговорил сипловатым однотонным голосом:

— Ты опять, княжич, злые слова речешь главному волхву Великого Новгорода!

— Не я злой, а ты злой, волхв Фарлаф! Великий Новгород знает сие и потому боится тебя, аки дурного пса!

Князь Олег остановил мальчика повелительным движением руки:

— Не молви такого, племянник!

В голосе мальчика вдруг зазвучали неожиданно набежавшие слезы:

— Ах, дядя! Кабы не он, не легла бы моя мама в могилу! Разве не ты, дядя, выписал ей лекарей заморских, когда заболела она студеницей?¹

Игорь и Таня видели, как старый волхв дергался от гневных слов мальчика. Его бесцветные, водянистые глаза в зарослях седых волос совсем побелели от ярости. Однако он сдержал себя и сказал спокойно:

— Твою маму, княжич, призывали боги на Перуновы луга...

— Лжа! — воскликнул княжич. — Ты один виновен, что ее обрядили покойницей и положили в корсту!²

— Слушай, племянник! — строго проговорил князь Олег. — Твой отец и мой учитель был храбрым вои-

¹ Болезнь.

² Гроб.

ном и много лет княжил в Великом Новгороде. Почитали его новгородцы за ум и отвагу на рати. Был он истинным русичем, верно соблюдал законы и обычаи наши... Хазарская стрела оборвала его жизнь... Умирая на моих руках, просил он, чтобы я воспитал тебя славным русичем...

— Я русич! — горячо прошептал мальчик.

— О том же просила меня перед кончиной своей твоя мать, моя ненаглядная сестра.

— Я готов за Русь положить живот свой, дядя! —

продолжал шептать мальчик. — Я русич!

— Знаю, — сказал Олег, — а потому и прошу тебя не ссориться с волхвами, коих почитают все русичи и в полуденной стороне, и в полуночной.

— Но мама! — вырвалось у мальчика.

Олег сурово взглянул на волхва.

— Сердцем я и сам не могу простить Фарлафу ее смерти, но перед народом волхвы и князья должны быть едины... — Он помедлил и вздохнул: — Зачем ты пришел в Большую палату, Фарлаф?

— Я за дверью слышал, княже, о чем говорил тебе сей отрок в чудесных ноговицах...

— Ну?

— И понял, что надо их обоих допросить с испытанием! — злобно сказал волхв, сверля глазами Игоря и Таню.

— Да ведь они дети! — воскликнул Олег. — Вельми ты кровожаден, Фарлаф! Они против тебя что воробей против коршуна!

— Княже! — волхв предостерегающе поднял палец, звеня золотыми браслетами. — А если они духи Чернобога? Нет бога злее Чернобога! Тогда сих отроков вязать надо и во славу Перуна рубить им головы на Перуновой горе! Отдай мне отроков, княже!

— Нет! — сорвался с места маленький князь. — Я имею к ним приязнь! Отдай мне их, дядя!

Олег испытующе посмотрел на побелевших пленников, и ласковая улыбка тронула его губы.

— А как твое прозвище, отрок? — спросил он вдруг.

— Игорь...

— Как?

— Игорь, — с трудом ворочая языком от страха, повторил пленник.

Олег, маленький князь и волхв на минуту онемели. Наконец Олег с усмешкой взглянул на пленника:

— Имя — наше, русское... Твой тезка, юный княже!

— Лжа! — пробормотал волхв.

— Сам ты лжа! — вырвалось у маленького князя. — Как сие лепо¹. он Игорь и я Игорь! Отдай же мне их, дядя!

— Пусть по-твоему будет, князь Игорь, — сказал Олег, — бери их. А паче случится что, сии отроки, Фарлаф, от тебя не уйдут: ворота в детинце креп-

¹ Хорошо.

кие и стража надежная! Слушай, стражник,— внезапно повысил он голос,— вели глашатаям собрать на княжеский совет воевод, бояр да купцов именитых!

Стражник, который безучастно слушал весь разговор и, по-видимому, ничего не понял, захлопнул глуповато отвисшую челюсть и, нахлобучив шапку, исчез за входной дверью.

Олег повернул лицо к наострившему слух волхву:

— Прибыли ко мне гонцы с грамотой из града Искоростеня, из земли древлянской. Будем совет держать о вельми¹ важном деле, Фарлаф. Нужна мне поддержка Перуна.— Он помедлил и прибавил: — А коль не будет поддержки — пеняй на себя: найдется другой главный волхв на земле новгородской!

А юный князь Игорь меж тем подошел к пленникам и улыбнулся:

— Пошли в трапезную! Накормлю я вас... Небось голодны?

ТРАПЕЗА

В трапезной, такой же сумеречной и почти такой же длинной и широкой, как Большая палата, стоял огромный стол. В Перунов день, а также по всяким другим праздникам много именитых мужей новгородских пиривало за этим столом.

Три раза похлопал ладонями юный князь Игорь, и пустая трапезная сразу наполнилась движением: то княжеские подавальщики в белых платно начали устанавливать край стола яствами. На одном блюде аппетитно дымились куски жареной телятины, на другом — тетерка с поджаристой корочкой на вертеле, на третьем — сом, запеченный в тесте с гречневой кашей. Далее шли пироги с грибами, с ягодами. А между блюдами зелень, сочиво² в брусничном соку, орехи лущеные, морошка с медом и жбан сыта — медовый

¹ Очень.

² Бобы.

напиток, который и пить приятно, и пьян не будешь (подавать юному князю крепкие напитки Олег запретил строго-настрога).

Перед столом, на возвышении, жертвенник — каменное блюдо с раскаленными углями. Перед тем как сесть за стол, князь Игорь от каждого кушанья взял щепотью по кусочку и положил на угли. Жертвенник задымился, наполняя воздух смрадом. Князь Игорь поднял руки ладонями вперед и сказал скороговоркой:

— Возьми нашу пищу, Перун, и дай нам пищу ныне, завтра и всегда...

Два холопа поднесли миску с водой и полотенце. Князь Игорь окунул пальцы в воду, вытер их насухо и предложил гостям проделать то же самое. Затем они сели за стол, и слуги немедленно повязали их чистыми полотенцами, чтобы не закапать платно жиром.

Князь Игорь сказал гостеприимно:

— Берите, братие, по куску мяса,— и сунул руку в блюдо с телятиной.

— А где же вилки? — шепнула брату Таня.

— Чудачка! — так же шепотом ответил ей брат.— До вилок люди еще не додумались, ешь все руками...

Они взяли по куску горячего мяса.

— Смачно,— сказал князь, вгрызаясь в телятину.

Жир стекал по его подбородку и капал на полотенце. А чашники уже налили им по кружке прохладного кисло-сладкого сыта.

— Пейте, братие,— улыбнулся князь, поднимая кружку,— смывайте жир с кишок, мясо в брюхе урчать не станет.

— Здесь так всего много,— заговорила Таня, нерешительно взглянув на гостеприимного хозяина,— но у меня кусок застревает в горле, когда я думаю об одном голодном человеке.

Князь Игорь перестал жевать и поставил кружку:

— Кто такой еси?

Она сбивчиво рассказала ему о Гордее. Юный князь терпеливо выслушал ее, усмехнулся и пожал плечами:

— Таких смердов вельми много на земле Великого Новгорода, и на земле киевской, и на земле полоцкой... Есть они и у варягов, и у франков, и в Германии, и в Болгарии, и в землях греков... Так Перун жизнь устроил...— Он говорил медленно, с немальчишеским достоинством, чтобы поняли гости, как образован их хозяин.— Князь землей правит, бояре ему советники, воеводы войска водят, купцы торговлю ведут в землях дальних и близких, а у смердов одна забота — рало.

— Рало? — не поняла она.

— Соха,— подсказал ей брат.

— Значит, смерды всех хлебом кормят, а живут хуже всех! — совсем осмелев, сказала Таня.— Несправедливо это, княже!

Князь покачал головой:

— В Великом Новгороде каждый волен жить по своему разуму и умению: Не по душе рало — будь кузнецом, кожемякой, скудельником...¹ Таких ремесленников в Великом Новгороде множество. Живи во славу Перуна да плати подати в скарбницу², — говорил он, очевидно повторяя слова своих учителей.

— А если нечем платить?

Он снова пожал плечами.

— Не по душе быть ремесленником — иди в услужение к боярину или купцу именитому. Всегда сыт будешь! А коли ты лучший муж — поступай в княжескую дружину, добывай на рати победу Великому Новгороду, а князю славу! Наживешь богатство — можешь купцом стать, паче ты не обельный холоп!..³

— Но у Гордея жизнь, как у раба! — воскликнула Таня.— Неужели тебе не жаль Гордея, княжич?

— Но ведь ты сказала, что он не выплатил купу...

¹ Гончар.

² Казна.

³ Раб.

— Да, но купу-то брал у князя Путяты не он, а его покойные родители!

— Все едино, такой закон!

— Танька,— шепнул в ее ухо брат,—чего ты разбушевалась? Ты же знаешь, что все смерды станут потом рабами — крепостными крестьянами!

— Отстань! — оттолкнула она брата и громко сказала: — Княжич, помоги Гордею! Позови его за этот стол, пусть он хоть раз поест как следует!

— За сей стол? Да ведь он рядович, простолюдин! — изумился князь, но, подумав, крикнул: — Эй, позвать ко мне ябедника!

Через минуту явился задыхающийся рыжебородый ябедник — княжеский чиновник.

— Бью челом, княжич!

— Ступай к боярину Путяте,— приказал князь,— заплати выкуп за обельного холопа Гордея, сына Микулы, одно гривно. Помыть его, одеть и накормить на княжеском дворе. А коли пожелает, пусть остается в услужении дворянином¹.

Ябедник исчез так же быстро, как и появился.

— Пересидели мы за трапезой,— вдруг сказал князь, поднимаясь из-за стола,— небось в Большой палате уже совет идет. Пошли в Большую палату!

ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Едва два Игоря и Таня переступили порог Большой палаты, как были оглушены чьими-то воплями и непонятным треском. Прежде всего они увидели десятки потных бородатых лиц. Бояре, воеводы, купцы — старые и молодые, худые и толстые, высокие и низкие, щуплые и широкоплечие — в разноцветных кафтанах и разноцветных сафьяновых сапогах сидели

¹ Дворовый слуга.

на лавках и прямо на полу, на корточках. Многие опирались на посохи с серебряными набалдашниками. Почти у всех на груди сверкали золотые обручи и цепи — знаки высокого отличия и богатства.

Душно и жарко в Большой палате. Входная дверь и узкие окна открыты настежь, но это не помогало. От духоты кружились головы.

Бревенчатые стены стали влажными от людских испарений.

Князь Олег сидел в кресле, бледный и усталый, расстегнув ворот своего платно. Два мечника неподвижно стояли по бокам. А перед креслом, дико заывая, дробно ударяя кулаком в бубен, бесновался главный волхв Фарлаф. Время от времени он бросался по узкому людскому проходу к деревянному изваянию Перуна, сипло бормоча какие-то слова. Затем он опять возвращался к креслу князя, вскинув руки, беспрестанно подпрыгивая и сотрясая пол коваными сапогами. Его бормотание переходило в пронзительный, одуряющий вопль, от которого по спине бежали мурашки. Что кричал волхв, Игорь и Таня не могли понять. Впрочем, этого, может быть, никто не понимал, даже сам волхв.

Наконец Фарлаф замолчал и сел на пол перед Олегом.

Сразу наступила тишина, в которой слышалось лишь дыхание десятков людей.

— Что сказал тебе Перун, волхв? — спросил Олег, словно приходя в себя.

Фарлаф не торопился отвечать. Он сидел на полу, скрестив ноги, и тяжело дышал. Его седые волосы спутались и были мокрыми от пота. Казалось, он ничего не видит и не слышит, но Таня уловила его злобный взгляд, который он метнул на нее из-под нависших на глаза мохнатых бровей. Девочка невольно сжалась под его взглядом. Князь Игорь заметил это, что-то

сердито прошептал и загородил Таню своими плечами от глаз Фарлафа.

— Что же сказал тебе Перун? — нетерпеливо повторил Олег.

Все в палате вытянули головы, чтобы лучше услышать волхва. Но он вдруг закашлял и потыкал пальцем в горло, давая понять, что ему трудно говорить. Продолжая кашлять, Фарлаф поднялся, подошел к Олегу и склонился к самому его уху. Два Игоря и Таня, стоящие у княжеского кресла, слышали, как волхв прошептал:

— Не ходи на Киев, княже...

Олег даже не пошевелился, так он умел владеть своими чувствами. Только губы его едва заметно шевельнулись:

— Лжа!

В палате было тихо. Все ждали княжеского слова, но Олег медлил. И тогда на помощь ему неожиданно пришел низенький толстенький боярин, тот, который сидел на лавке ближе всех к Олегу. Может быть, боярин слышал, а может быть, и не слышал того, что шепнул волхв, но он вскочил с места и, размахивая маленькой полной ручкой, закричал, выкатывая глаза:

— Перун поразит громом и молнией врагов твоих, княже! Поступай, как решил совет: иди на Киев! Собирай вече и скажи народу новгородскому свое злато слово!

Олег бросил на толстенького боярина благодарный взгляд. Он облегченно вздохнул и поднялся, отстранив рукой растерявшегося Фарлафа.

— Лепо молвил боярин Путята! — сказал он. — Слава великому Перуну — богу богов!

— Слава! — хором повторили воеводы, бояре и купцы. Они зашевелились и тоже начали подниматься со своих мест. Повсюду затренькали золотые обручи и цепи, застучали о пол посохи.

— Пусть звенит вечевой колокол! — снова заговорил князь Олег. — А вы, братие, идите к людям, научите их, о чем кричать на вече... А паче найдется головник такой, что станет кричать насупротив княжеского слова, пусть челядь ваша заткнет ему поганую глотку! Велите выкатить из погребов бочки с медом и олом¹, чтобы все люди: и мужи именитые и рядовичи — пировали во славу Перуна и князя новгородского!

Гулко стучали о пол Большой палаты кованые сапоги. Толпились у входной двери воеводы, бояре и купцы именитые, натруженно скрипели за дверью ступени лестницы: все торопились выйти поскорее из терема, чтобы выполнить волю князя.

А за княжеским теремом запел-загремел вечевой колокол. Летели, будто ласточки, медные удары над Великим Новгородом. Летели один за другим тревожные мелодичные звуки и, не успев расправить крылья, угасали в воздухе. Но их догоняли новые и новые удары и, прежде чем смолкнуть, вонзались в сердце каждому жителю земли новгородской. Летел звон вечевого колокола над градом и предградьем, над лесами и полями, над серыми волнами Волхова, над туманным заречьем.

И, услышав этот сладкий, терзающий душу звон, отрывались от работы и со страхом прислушивались ремесленники на всех концах града, и смерды в селениях, и охотники на ловах, и рыболовы на малых и больших речках и озерах.

Выходили из хижин помрачневшие мужи, а бледные жены прижимали к сердцу детей и шептали:

— Беда, беда!.. О Перун, спаси нас!

Красиво звенит вечевой колокол. Еще десять лет назад много кун заплатил за него князь Олег римскому папе. Везли этот колокол вокруг Европы на лойве варяжские викинги, а потом в Свионии² перегрузили

¹ Пиво.

² Швеция.

его на русскую лодию и по Варяжскому морю, через озеро Неву, доставили по реке Волхов в Великий Новгород. Очень красиво звенит колокол...

— Беда, беда! Спаси нас, Перун!

ЗОЛОТОЕ СЛОВО КНЯЗЯ ОЛЕГА

Полным-полно народа на княжеском дворище. От сотен голосов стоит в кремле невнятный гул — будто море шумит. Куда ни глянь, сомкнулись плечи, а над плечами шевелятся седые и русые, рыжие и черные бороды. Собрались на вече старые и молодые мужи Великого Новгорода, с нетерпением ждут, что скажет им князь Олег.

У высокого княжеского крыльца отдельной группой горделиво стоят, опираясь на серебряные посохи, воево-

ды и бояре в праздничных платно. Это ишханы — знать новгородская, далее купцы толпятся в разноцветном кафтанье, с завистью поглядывают на важно надутых воевод и бояр. А еще далее — простой люд: здатели¹, кузнецы, кожемяки, скудельники, умельцы всякие со всех концов улиц. Это они, их отцы и деды строили Великий Новгород, и все, что есть в Новгороде, сделано их руками, да почему-то несладко живется умельцам русским. И про них, и про смердов, кои серым

¹ Строители.

потоком залили дворище до самой крепостной стены, не больно печется Перун. Должно быть, князья, воеводы да бояре с купцами больше нравятся богу богов.

А у ворот кремля и на его крепостной стене устроилась голятьба в рубищах: всякие пришлые убогие люди, рабочие, холопы. Грязные, немытые — смрадом разит от них.

В толпе там и тут рыскали видоки — шпионы-свидетели, прислушивались, о чем люди глаголют, не ведет ли кто крамольных речей. Держи лучше язык за зубами, не то возьмут тебя в плети!

Следом за Олегом на высокое крыльцо вывел юный князь своих гостей — Таню и Игоря. Они видели, с каким удивлением уставились на них сотни глаз, а сотни ртов зашептали: «Гляди-ко! Во диво!»

Глашатаи зычно закричали, прикладывая к губам ладони коробочкой:

— Ти-и-хо! Замри! Слушай, народ новгородский, злато слово князя Олега!

И сразу такая тишина наступила, что стало ясно слышно, как далеко в заречье каркал ворон. Вот уж, окаянный, не ко времени закаркал, словно беду накликает!

Олег, высокий, статный, в платно небесного цвета, расшитом бурмицким¹ жемчугом, стоял на виду у всего веча. Ветер шевелил его волнистые русые волосы. Он провел рукой по волосам, потрогал пальцами бородку. Спокоен был князь Олег, лишь на белом лице, под левым глазом, предательски дрожала голубая жилка.

Позади князя стал вечник с тонкими железцами и берестяными свитками в руках. Искусно и быстро нацарапает вечник на бересте своими железцами все, что скажет князь народу, а потом запечатает в особый ларь.

Низко-низко поклонился Олег собравшимся.

¹ Персидский.

— Братие! Вы, вольный народ новгородской, призвали меня княжить на сей стол,— громко и отчетливо заговорил Олег.— Вы поручили заботам моим сироту — молодого князя Игоря. Вырастил я молодого князя на виду у вас в нашей вере, в законах и обычаях наших добрым русичем. Однако княжил я, помышляя не токмо о благе Игоря, но и о вашем благе, о благе народа новгородского, народа русского.

— Так еси! — хором сказали бояре.

— Так еси,— одним могучим вздохом, словно эхо, повторило все вече.

— От глада мрем! — вдруг кто-то крикнул из задних рядов, но крикуна тут же подмяли, и он умолк.

Олег кашлянул и продолжал:

— Не раз водил я вас на рать супротив врагов новгородских и бился с ними, как простой воин, плечо к плечу с вами. Из моих и ваших ран, братие, лилась и смешивалась кровь, и стали мы одной крови, как родные!

— Так еси,— прошелестело вече, захваченное красноречием князя.

— Одной мы крови,— повторил он,— и я, ваш князь, спрашиваю вас: верите ли вы мне, братие?

— Верим! — выдохнуло вече.

— Велика земля новгородская, но еще больше все земли русские! И земля ростовская, и рязанская, и смоленская, и полоцкая, и киевская — суть земли русские! От самого Русского моря до моря Варяжского и далее до Ледового окияна, где живут малые народы чудь, меря и весь, кои бились плечо к плечу с нами супротив варягов, называется земля одним святым словом — Русь!

— Рру-усь! — ликующе пророкотало вече.

— Вельми обильна земля русская, братие! И жито родит, и гречиху, и леса наши полны дичью, и реки рыбой. За три моря ходят на своих лодиях купцы наши

с товарами русскими на зависть и варягам, и германцам, и франкам, и грекам! И возвращаются на Русь с товарами иноземными!

— Так еси! — рявкнули довольные похвалой купцы.

— Но скорбно мне, братие, что порядка еще мало на Руси! — понизил голос Олег. — Ныне кто-то из вас крикнул: «От глада мрем...» Бывает и так, и потому больно сердцу моему! Бывает так, что не гречихой засевают русичи поле, а белыми костями;

не водой поливают землю, а кровью своей! Сходятся на рати русич с русичем, племя с племенем, а оттого слабеет Русь на радость врагам иноземным. Не едины мы, братие, а врагам легче одолеть каждое племя порознь.

Вече молчало, словно замороженное словами князя.

— И особо скорбно мне,— с горечью продолжал Олег,— что наименьше всего порядка на полуденной украине¹ Руси, на земле киевской, коей правят князя, два брата Аскольд и Дир!

— Осрама! — тонким голосом крикнул маленький боярин Путята, потрясая серебряным посохом.

— Осрама! — разноголосо закричало, зашумело, задвигалось вече.

Олег поднял руку, успокаивая людское море.

— Ныне прибыли ко мне гонцы из земли древлянской, из града Искоростеня. Замучили князя Аскольд и Дир войнами соседей своих — древлян. Но того мало: разоряют грады и веси древлянские хазары окаянные! А князя Аскольд и Дир не токмо не защищают братьев наших — русичей-древлян, а более того — завели дружбу с иноверцами дикими, с хазарами окаянными. Просят древляне с поклоном защиты у Великого Новгорода!

И снова зашумело, задвигалось, заплескалось взволнованными голосами людское море:

— Поможем братьям русичам!

— Веди нас, княже, на Киев!

— Осрама Аскольду и Диру!

— А они-то небось и не русичи совсем!

— Нет у русичей такого имени-прозвища — Аскольд!

— Аскольд и Дир — варяги!

— Изгнать их с земли русской!

— Смерть Аскольду и Диру, псам варяжским!

От толпы купцов отделился рослый молодец в голубом кафтане.

¹ Украина.

— Игорь, — сказала брату Таня, — смотри, ведь это тот самый купец, которого мы сегодня утром видели на пристани. Помнишь, на грузчиков покрикивал?

Рослый молодец снял шапку и поклонился Олегу, опуская до земли правую руку.

— Дозволь, княже, слово вымолвить, — бойко крикнул он.

— Говори, купец, — улыбнулся Олег. Он был доволен, так как понимал, что первое сражение за Киев выиграно сейчас благодаря его ораторскому искусству.

В глубине души Олег побаивался веча, как побаивались его все новгородские князья. Попробуй возмутить неосторожным словом эту голытьбу, и рухнет она тебе на голову, как обвал каменный! И Перун не поможет — костей не соберешь!

Глаза Олега, такие же большие и серые, как у племянника Игоря, вдохновенно поблескивали. Мыслями своими тридцатилетний князь уже был далеко на полуденной Украине Руси.

— Говори, говори же, купец!

— Братие! — крикнул купец, обращившись лицом к вечу и вновь кланяясь. — Мы, купеческое племя, верой и правдой служим Великому Новгороду. Ныне собрал я караван лодий с товарами новгородскими. А плыть нам далече, до самых греков. Как подумаю, что придется плыть нам мимо славного русского града Киева, сердце сжимается. Стоит славный русский град Киев на горе, над самым Днепром Славутичем. А засели на той горе не русские князья, а злыдни, змеи подколенные! Туда плывешь — плати куны, обратно плывешь — опять плати! А то и вовсе отымут товары дружинники Аскольда и Дира, а людей наших перебьют! Хуже хазар, кои тоже с нас выкуп берут, когда мы лодии наши через пороги днепровские перетаскиваем в степях полуденных! Доколе же будет такое, братие? Иди, княже, на Киев, перебей змей подколенных! Освободи землю нашу от хазаринов!

— На Киев! — загремело вече.

— Смерть татям!¹

Олег поднял руку:

— Спасибо, братие, за доверие. Повелел мне Перун идти на Киев, объединить полуночные и полуденные украины воедино! Построим мы на границах наших города и острожки, и не будет нам страшен никакой враг! Будет у нас одна великая Русь от Русского моря до Ледового окияна!

— Слава князю русскому Олегу! — закричал восторженно боярин Путята, наливаясь краской и закатывая глаза. — Слава Руси Великой!

— Сла-ава-а!.. — дружно откликнулось вече.

Сотни шапок полетели в воздух.

Вечник торопливо черкал железцем по берестяному свитку.

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

Наконец-то Игорь и Таня остались одни! В отведенной для них светелке стояли две лавки с перинами, от которых исходил пряный запах мяты. С бревенчатого потолка на пуховые перины спускались легкие пологи из розового заморского шелка. Отбрось полог, ляг на такую постель — и небось утонешь в ласкающей тело мягкой неге.

Стемнело. На потолке дрожали красноватые отблески — то в граде и в предградьи жгли новгородцы боевые костры, пили мед и ол во славу Олега, за его победы в полуденной Руси. Сквозь открытые окна доносились неясные крики и пьяные песни.

Неслышно в комнату скользнула старая холопка со свечой в руке, зажгла светильник на круглом столе, шепнула у порога:

¹ Воры.

— Да не потревожат чуры ваш сон! — и так же неслышно исчезла.

— Как я устала! — сказала Таня, садясь на лавку у окна.

Игорь не ответил. Приподняв полог, он разглядел пуховую постель, ткнул в перину пальцем и недовольно поморщился.

— Как странно, — вдруг сказал он, — мы с тобой знаем, что ждет впереди и князя Олега, и князя Игоря...

— Удивительно, что и я именно об этом сейчас подумала, — оживилась она, — мы могли бы предсказать им судьбу! Олег станет киевским князем, будет много воевать с врагами Руси и побеждать, а умрет от того, что его ужалит змея... Помнишь?

«...Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

— А помнишь, какая смерть ждет моего тезку?

— Князя Игоря? Кажется, после Олега он тоже станет киевским князем...

— И с ним расправятся те самые древляне, которые прислали сейчас в Новгород гонцов просить защиты от Аскольда и Дира. Но Игорь забудет об этих гонцах. Ты помнишь, что с ним случится?

— Да, да, Игорь придет со своей дружиной в древлянскую землю собирать дань. А когда уйдет, ему покажется, что собрал мало, и вернется к древлянам за новой данью...

— И тогда древляне перебьют дружину Игоря, а его самого привяжут к двум согнутым деревьям. Потом отпустят согнутые стволы, и они разорвут князя Игоря на части.

— Бррр! — вырвалось у Тани. — Ужасно!

Игорь хотел что-то сказать, но вдруг застыл с открытым ртом, потому что они оба отчетливо услышали за дверью какое-то движение.

— Танька, — шепнул он, — нас подслушивают!

Прежде чем она успела ответить, Игорь скакнул к порогу и распахнул дверь. В темном проходе, как тень, метнулось темное платно волхва Фарлафа и скрылось за поворотом.

— Так я и думал, — закрывая дверь, сказал Игорь, — этот противный волхв не хочет оставить нас в покое! Мне еще днем показалось, что он нас выслеживает... Давай-ка поставим к двери этот стол... на всякий случай...

Они забаррикадировали дверь, но лечь так и не решились.

Светильник слабо потрескивал на столе. Вокруг бледного огонька роем вились мотыльки и мошки и падали с опаленными крыльями на драгоценную скатерть, вытканную золотыми нитями. Огонек колыхался, и поэтому в углах комнаты, за прозрачными пологам постелей, словно живые, двигались косые тени.

— Я хочу домой! — жалобно прошептала Таня.

— А как это сделать? — пожал он плечами.

— Я не знаю...

— Я тоже не знаю.

— Давай позовем фею Мечту...

— Тсс! — приложил он палец к губам. — Я опять слышу шаги!

Шаги на этот раз были отчетливыми и громкими. Возле двери шаги смолкли, и они услышали бодрый голос юного князя:

— Вы спите, братие?

— Нет, не спим! — обрадовалась Таня, отодвигая стол. — Заходи, княже!

Он переступил порог и, взглянув на перины, с усмешкой сказал Игорю:

— Не ведомо мне было, тезка, что тебя почивать устроили на женском ложе!

— Я и сам не люблю таких постелей, — покраснел Игорь.

— Князь Олег учит спать меня как воина: на голой лавке или на траве, подложив руку под голову, — продолжал князь. — А то еще учит на коне спать, в седле, как спят воины в походе.

— В седле он спать не пробовал, княже, а дома спит на твердом матраце, — вступилась за брата Таня.

— Вельми хороший вечер ныне, — сказал князь Игорь. — Пошли гулять, братие! Поглядим, как пируют воины.

— Пошли! — быстро согласилась Таня. Ей так не хотелось оставаться в светелке, что она сразу позабыла о своей усталости.

Князь Игорь внимательно посмотрел на тезку и вдруг рассмеялся:

— Друзе, мы с тобой равного росту... Давай для потехи наши платна поменяем!

— Как? — не понял гость.

— Я твои ноговицы надену... А ты мое княжеское платно на свои череса наденешь!

Они быстро переоделись, и Таня всплеснула руками.

— Слушай, Игорь, — сказала она брату, — князь как две капли воды стал похож на Петьку Воробьева!

Ее брат оглядел себя. Он был доволен княжеским нарядом, особенно ему нравились мягкие, чуть скрипяющие сапоги из красного сафьяна.

И в эту минуту все трое слышали за дверью чьи-то тихие, крадущиеся шаги.

НОВГОРОДСКАЯ НОЧЬ

— Чуры! — дрожащими губами прошептал князь. — Спаси мя, Перун!

— Нет, это не чуры, княже, — сказал Игорь и рванул дверь. И так же, как в прошлый раз, в темноту терема скользнула тень волхва.

— Кто там еси? — передохнув, спросил сжавшийся у двери князь.

— Фарлаф, — чуть усмехнувшись, ответила Таня, которую начал забавлять испуг князя.

— Быть того не может, — озабоченно покачал он головой. — Главный волхв в сей вечер должен просить победу на Перуновой горе для войска новгородского.

— Но мы его ясно видели, княже!

— Быть того не может, — упрямо твердил он, — то чур пришел в образе Фарлафа!

Увидев улыбки на лицах гостей, князь, по-видимому, застыдился своей трусости, выпрямился, выпятил грудь.

— Вельми большого вреда чуры не делают, ибо они суть духи домашнего очага, — уже спокойно пояснил он и прибавил, виновато улыбаясь: — Да ведь все едино — духи! Холод череса и сердце пробирает!

— А ведь никаких духов нет на свете, княже, — сказала Таня.

— Не молви такого! — вскрикнул князь. — Язык отсохнет!

— Выдумки все это, княже!

— Танька! — сердито буркнул по-княжески одетый брат. — Неужели ты не понимаешь, что спорить бесполезно?! Не забывай, что сейчас девятый век!

Князь ничего не понял из сказанного тезкой, да его это, должно быть, сейчас и не интересовало.

— Бери светильник, — сказал он Тане, — и ступай наперед нас, благо ты чуров не боишься. Я за тобой ступать

буду, а ты, друже, за мной,—
обернулся князь к Игорю.— Так
мы и выйдем на дворще...

С ранних лет он при-
вык повелевать и даже
сейчас говорил с гостями
едва ли не как со слугами.

Со стороны их шест-
вие выглядело вельми ко-
мично. По темным пере-
ходам и скрипучим лест-
ницам княжеского терема
медленно, словно слепые,
двигались трое. Впереди
Таня вытягивала руку с
дрожащим огоньком све-
тильника. За ней, затаив
дыхание и настороженно
прислушиваясь, ступал
на цыпочках князь Игорь.

Одной рукой он держался за Танин воротник, а другую руку отбросил назад, судорожно вцепившись в княжеское платно на чересах своего тезки.

Как стон, скрипели старые ступеньки под их ногами, черными крыльями метались тени по бревенчатым стенам терема. Князь тихо шептал:

— Не страшусь смерти на рати от вражеской стрелы и меча вражеского... Духов страшусь!

Его страх невольно передавался Тане и ее брату. Но, разумеется, не духов боялись они. Чудились им в темноте другие осторожные шаги и чье-то дыхание позади. И они не ошиблись: от перехода к переходу, с лестницы на лестницу неотступно следовал за ними невидимый во мраке старец со злыми глазами. Видно, что-то недоброе задумал главный волхв Великого Новгорода!

Шествие по ночному терему показалось троим отрокам бесконечно длинным, и все они облегченно завыдыхали, как только вышли на крыльцо.

Огляделись. Огни в тереме погашены, только одно окно светилося — в спальне князя Олега. Не спалось в эту ночь князю, ходил из угла в угол: обдумывал путь на Киев.

На княжеском дворце было прохладно и пустынно, пахло соснами и елками. Мигали звезды в безоблачной вышине. Кривой, как сабля, месяц высунулся из-за зубцов крепостной стены кремля, будто из ножен. За стеной стучал колотушкой ночной сторож и покрикивал:

— Чу-ую!..

А где-то далече, должно быть, у какого-нибудь костра, где этой ночью новгородцы пили за победу мед и ол, хор мужских голосов тянул однотонную песню:

Ох вы гой еси, люди добрые,
Люди добрые, вои храбрые!
Трудный час пришел нам детей забыть,
Во полях чужих свою кровь пролить...
Оставь рало, ратай, да мечом блистай!
Натяни свой лук и стрелу пускай!
А другая стрела уж в тебя летит,
Уж в тебя летит, твою грудь пронзит...

От простой, но щемящей сердце мелодии Тане стало грустно. Она взглянула на князя, но тот, освободившись от своих страхов, был уже весел. Он вытягивал шею, прислушиваясь к чему-то, и в его широко открытых глазах отражались два месяца.

— Чуете? — спросил он.

— Хорошо поют, — сказал Игорь, — только уж очень печально.

— Я не про то! — досадливо передернул плечами князь. — Чуете, кузнецы молотами стучат?

Брат и сестра прислушались: действительно, из разных концов Великого Новгорода доносились в кремль десятки звонких ударов по железу.

— Дядя наказал, — пояснил князь Игорь, улыбнувшись, — чтоб кузнецы днем и ночью новые доспехи, мечи да копья ковали! И чтоб старые правили, паче есть такие, что на прошлых ратях повреждены были! Каков звон? Душе радостно! Пошли, братие, по граду!

Размашистой походкой князь двинулся к запертым воротам кремля, но вдруг отлетел назад и упал навзничь.

— Холоп задушный! — яростно закричал он стражнику, вскакивая на ноги. — Как посмел ты князя толкать? Велю, поганый, плетью запороть! — И он с силой ткнул стражника кулаком в лицо.

Таня вскрикнула, но брат зажал ей ладонью рот:

— Молчи, Танька, это же девятый век!..

— Прости, княже, — бормотал между тем испуганный стражник, вытирая рукавом кафтана брызнувшую из носа кровь, — не признал тебя в сем дивном платно... А князь Олег повелел не впускать и не выпускать никого: вельми много ныне пьяных во граде...

В сумраке крепостной стены заливчато заржал оседланный жеребец. Несколько коней на привязи рванулись от него в сторону, толкаясь и гулко, на весь кремль, стуча копытами.

— Чьи сии кони? — спросил князь Игорь мирным тоном: возможно, ему уже было стыдно своей горячности.

— Волхвы приехали.

— Зачем?

— Не ведаю о том, княже. Волхвов нам наказано в любое время в детинец пропускать.

— Отомкни ворота!

— Не случилось бы беды, княже... Не велел князь Олег...

— Отомкни, холоп! — снова вспыхнул юный князь.

Стражник загремел запором, и трое отроков вышли из кремля.

Здесь, за крепостной стеной, отчетливей стали слышны звонкие удары молотов: динь-дон, динь-дон... А город уже спал, смолкли песни. Лишь кое-где на улицах чуть поблескивали догорающие костры. На траве там и тут похрапывали захмелевшие воины. За стеной низенькой хижины всхлипывал и глухо причитал страдальческий женский голос:

— Ох вы, детоньки мои милые, покинет вас родной батюшка... Ох, на смерть пойдет ваш свет батюшка...

Застучал на волховской пристани колотушкой ночной сторож:

— Чу-ую...

В конце города, словно переключаясь, застучал другой сторож.

Шли отроки по темным улицам, и чем дальше уходили от кремля, тем звончей летели в ночь удары кузнечных молотов: динь-дон, динь-дон... Ковал Великий Новгород победу над Аскольдом и Диром. Недаром светилось в тереме окно Олега...

Князь Игорь вдруг остановился, прислушиваясь. Позади стучали копыта, все ближе, ближе. Вот зафыркала невидимая лошадь.

— Кто бы это? — забеспокоился он. — Не ровен час, лихие люди, головники... Время позднее...

В темноте прорезались силуэты всадников.

— Волхвы,— облегченно вздохнул князь и пожал плечами: — Не ведаю, зачем они по ночам ездят.

Всадники поравнялись с тремя отроками и неожиданно спешились.

— Хватайте их! — слышно крикнул кто-то. Прежде чем отроки опомнились, сильные руки скрутили Таню и князя Игоря, заткнули рты тряпками и подняли на крупы лошадей.

— Что вы делаете?! — отчаянно закричал Игорь.

Но всадники уже ускакали, топот копыт скоро затих в ночи.

По темной улице к кремлю стремглав бежал мальчик в княжеском платно. Задыхаясь, что было сил заколотил он кулаком в ворота:

— Откройте! Пустите меня к князю Олегу! Скорей, скорей, откройте!..

ПЕРУНОВА ГОРА

Таню и князя Игоря волхвы везли на своих борзых конях бесцеремонно и жестоко. Словно мешки с гречихой, свешивались связанные отроки с круп лошадей.

От бешеной скачки и тряски, от режущей боли в стянутых ремнями суставах Таня то и дело теряла сознание. Ее голова с распустившимися светлыми косичками билась о волосатый бок лошади, но когда она приходила в себя, не чувствовала едкого запаха сбруи и конского пота. Было только мучительно больно; в горячей, затекшей кровью голове мелькали синие огни, и она снова теряла сознание.

Потом Таня почувствовала, что ее снимают с лошади и кладут на землю. Она открыла глаза и увидела над собой звезды. Месяц давно скрылся за лесом, и снующие вокруг силуэты волхвов в длинных платно, похожих на поповские рясы, казались призраками.

Она застонала, но звука своего голоса не услышала, потому что ее рот был забит противным тряпичным кляпом. В горле пересохло, очень хотелось пить.

Таня повернула голову и увидела рядом неподвижного, связанного по рукам и ногам князя Игоря с таким же кляпом во рту. «Они принимают князя за моего брата», — мелькнула у нее мысль.

Запахло гарью: это один из волхвов разжигал костер. Запрыгали по дровам язычки пламени, и в их слабом свете над костром вырисовывалась огромная, чудовищная фигура закопченного дымом идола. Таня не поняла, из чего он был высечен — из камня или из дерева. Она запомнила только его пугающие золоченые глаза. Отблески огня отражались в них, мигали...

А по бокам бога богов стояли идолы поменьше — такие же нелепые и закопченные. Но в отличие от Перуна их глаза не золотились, а серебрились.

Волхвы подняли Таню и князя Игоря на ноги.

Они стояли на вершине горы, с которой в сумраке весенней ночи внизу виднелись леса, задернутая туманом гладь озера, серая река, вытекающая из озера, а вдаль, на берегу реки, темные строения Великого Новгорода. «Это озеро Ильмень, — сообразила она, — а там Волхов вытекает из озера...»

Сколько раз Таня с братом и родителями бывали в этих местах по выходным дням!

Один из волхвов подошел к идолу Перуна и взметнул к небу руки. Таня узнала Фарлафа. Князь Игорь рванулся, но волхвы удержали мальчика на месте.

— О Перун! — рыдающим голосом заговорил Фарлаф. — Твои волхвы всегда возносили к тебе молитвы на Перуновой горе и приносили тебе жертвы, проливая их кровь на священный костер. Так будет всегда!

Он потряс руками, продолжая рыдать:

— На нашу землю, о Перун, пришли в образе отроков духи Чернобога. Ты послал меня услышать, о чем они говорят. Я стоял ныне за дверью их комнаты и слышал,

как они колдовали. Они рекли смерть князю Олегу и князю Игорю. Они рекли так: князя Олега ужалит змея, а князя Игоря убьют древляне. И я спросил тебя, о Перун, как поступить с отроками? И ты молвил: «Принеси, Фарлаф, их мне в жертву, пролей их поганую кровь на священный костер, как проливал кровь жертвенных телят!»

Речь главного волхва стала бессвязной, он начал дергаться и извиваться.

— О-гы-га-гу! — завопил безумный старец, брызжа слюной и корчась так, будто по его телу пропустили электрический ток. — О-гы-га-гу!..

Потом он закружился перед костром, и полы его платно развевались крыльями черной птицы. В руке главного волхва блеснул большой нож. В ту же секунду несколько других волхвов оглушительно забили в бубны.

«Этот сумасшедший старик сейчас зарежет нас!» — подумала Тania и почувствовала, как от ее ног к голове медленно поднимает-

ся волна жгучего холода. Вот волна достигла колен, вот она уже сковала ледяными тисками грудь, шею... Она начала задыхаться...

«Бум-бум-бум-бум-бум-бум», — гремели бубны.

Фарлаф, тяжело дыша, остановился перед идолом и поднял над головой нож. Красные отсветы костра задрожали на широком отточенном лезвии, казалось, что по ножу стекает кровь. Фарлаф медленно повернулся к пленникам и указал острием ножа на князя Игоря. Два волхва подхватили мальчика под мышки и поволокли к костру.

МЕТЕОРИТЫ ПАДАЛИ ВО ВСЕ ВЕКА

Бубны разом умолкли. В тишине стало слышно хриплое дыхание Фарлафа.

Волхвы положили потерявшего сознание мальчика на жертвенный камень лицом к звездам. Один из них

схватил в горсть волосы князя и заломил голову. Шея пленника открылась для ножа.

Главный волхв медленно, очень медленно опустил-ся перед поверженным мальчиком на колени и так же медленно занес над ним нож. В это мгновение одичалый, помутневший взгляд Фарлафа скользнул по бледному лицу князя. Нож задрожал в руке волхва, он отшатнулся и вскочил на ноги.

— Княже? — забормотал он, но вдруг яростно зарычал: — Нет, ты не княже! Ты дух Чернобога! Ты принял облик князя Игоря, проклятый дух, чтобы отвести жертвенный нож от своей шеи!

«Это князь!» — хотела крикнуть Тая, позабыв о тряпке во рту. Она заворочала онемевшим языком и вдруг почувствовала, что кляп между ее зубами ослабева-ет. Она сделала еще одно движение языком, тряпка выскользнула изо рта и упала на землю.

— Фарлаф! — срывающимся голосом вскрикнула Тая. — Не смейте прикасаться к князю Игорю!

Голос девочки был очень тихим и слабым, но главный волхв все-таки услышал ее.

— Ааа! — крикнул Фарлаф. — Тебе тако же помог Чернобог, отроковица из царства теней! Однако же я убью вас обоих, чтобы вы вернулись в свое царство!

«Да нет же, он не убьет нас! — вдруг осенила девочку мысль. — Я знаю по истории, что князь Игорь умрет уже взрослым человеком... Не может же он умирать два раза? А я? Разве я могу умереть в девятом веке, если родилась в двадцатом?»

Но главный волхв снова приближался к лежащему на спине князю, поднимая жертвенный нож.

— Оборотень! — криво улыбаясь, шипел он с каким-то нечеловеческим, звериным восторгом. — Я убью тебя, оборотень.

И тут, едва он проговорил последнее слово, светлеющий сумрак короткой весенней ночи озарился нестерпимо ярким фиолетовым светом. Что-то огнен-

ное наискось прочертило небо, с треском разорвалось над их головами, и пылающий шар, величиной с тыкву, с шипением вонзился в Перунову гору в нескольких шагах от Фарлафа. На всех пахнуло горячим ветром, сильно запахло едким газом.

Это не было чудом, потому что метеориты падали на нашу землю во все века. Во всяком случае, Таня, которая родилась в XX веке, сразу догадалась, что на землю упал метеорит. Но диковатые волхвы, разумеется, ничего этого не знали. Они попадали на колени и завывали от страха. Главного волхва отбросило горячим ветром к изваянию Перуна. Фарлаф прижался спиной к идолу и бормотал перекошенными губами:

— То упала звезда! О Перун, спаси мя! То упала звезда!

Раскаленный шар, наполовину вонзившийся в землю, оказался пористым куском металла неправильной

формы. Он быстро остывал, шипел и дымился, но его верхняя часть все еще была багровой.

— Фарлаф,— сказала Тania, строго глядя в глаза главного волхва,— это я попросила Перуна, чтобы он бросил с неба звезду на эту гору!

Волхвы, услышав девочку, сжались и перестали выть.

— Лжа! — приходя в себя, глухо воскликнул Фарлаф.— То Перун подал мне знак, чтобы я скорей пролил жертвенную кровь на священный огонь! Я убью вас!

— Ты не убьешь нас, Фарлаф! Как только ты поднимешь нож, на Перунову гору упадет столько звезд, сколько здесь волхвов! И звезды снесут всем вам головы!

Волхвы снова тихонько завывали. Но главный волхв все еще не сдавался:

— Лжа... Я убью вас...

Он сделал шаг к мальчику.

— Брось нож, Фарлаф! — крикнула Тания.

— Нет,— упрямо твердил кровожадный старец и сделал другой шаг.

— Брось нож!

— Нет,— повторил он, но на этот раз не сдвинулся с места.

— Я считаю до трех, Фарлаф! Если ты не бросишь нож, то по слову «три» ваши головы разлетятся, как щепки!.. Раз!

Волхвы завывали громче. Кто-то из них жалобно простонал:

— О премудрый жрец! О любимец богов, брось нож!

Фарлаф безмолвствовал. Он раскачивался из стороны в сторону, словно его не держали ноги.

— Два! — твердо сказала Тanya.

Фарлаф рывком отбросил нож, свалился на колени и закричал изменившимся, тонким, совсем мальчишеским голоском:

— О, пощади мя, отроковица!

— Вот так-то лучше! — глубоко вздыхая, проговорила девочка.

Упавшая на гору «звезда» перестала шипеть и дымиться. В розоватом свете рождающегося утра были отчетливо видны ее потемневшие поры и бугорки. Волхвы не сводили с нее испуганных глаз.

— А теперь развяжите нас! — сказала Тanya.

Но волхвы не успели этого сделать. В утреннем тумане, со всех сторон наползающем на гору, дробно застучали копыта, в серой дымке замелькали всадники, и у самого костра встал на дыбы резко осаженный Олегом конь. Лихой княжеский конь, белый как снег, разгоряченный и похрапывающий от скачки...

Отряд дружинников окружил жертвенную площадку. Последним на гору влетел на резвой буланой лошадке взволнованный Игорь. Тanya ахнула про себя: кто бы подумал, что ее брат может скакать на коне! Милый Игорек!

— Развяжите их! — спокойно приказал Олег и, указывая на Фарлафа, прибавил: — А этого в кандалы и в темницу! Будет ныне судить его вече!

Олег был очень бледен, но больше ничего не выдавало его волнения. На минуту его взгляд задержался на метеорите.

— Отвезите сей небесный камень в детинец, — сказал он, — сей камень вельми хорошая примета для похода нашего на Киев.

Князь назвал метеорит небесным камнем, а не звездой, так как знал, что звезды с неба не падают. Он был весьма хорошо образован для своего времени.

ВЕЛЬМИ ВЕЛИКАЯ

Князь Олег торопился выступить в поход: кончался месяц травень¹, а путь до Киева немалый. Надо бы завершить все ратные дела за лето, пока жарко светит ярило, а короткие дожди и грозы не страшны воинам — только охлаждают разгоряченные тела.

До глубокой ночи заседал в Большой палате совет военачальников. Усталые воеводы докладывали князю о готовности своих отрядов к походу, прихлебывали из серебряных чаш прохладные напитки, кои то и дело разносили с поклоном княжеские холопы.

Тезки, два Игоря, и Таня стояли позади Олегова кресла и видели, как воеводы утирают рукавами потные лица. Напитки прохладные, а все одно — жарко. Горят в Большой палате тридцать светильников, от них веет теплом, будто от очага.

В самом углу примостился старый Блюд — новый главный волхв Великого Новгорода. Неотрывно смотрит он на князя Олега, а когда встречается с ним гла-

¹ Май.

зами, угодливо улыбается. Никогда не забыть Блюду, как расправилось вече с его предшественником Фарлафом — мороз по коже пробирает! За то, что занес Фарлаф руку на юного князя, за то, что хотел принести Перуну человеческие жертвы, кои строго-настрого запрещены на Руси, до смерти забили его палачи плетьюми. Но старый Блюд знает и другую причину жестокой казни, как знают и все сидящие здесь воеводы. Знают, да только вслух не говорят: слишком часто Фарлаф поступал наперекор княжеской воле, хотел сильнее князя быть! Вот в чем наиглавная причина... Потому и улыбается угодливо князю Олегу волхв Блюд — старая лиса!

Князь Олег поднялся с кресла:

— Братие! Всех вас я выслушал, воеводы смелые! Все ныне проверено и обдуманно, готовы щиты и кольчуги, наточены мечи и копья, натянуты луки, припасены стрелы. Стоят на Волхове и Ильмень-озере сотни боевых лодий, кои потащат волоком до Днепра наши вои. Ржут повсюду в Великом Новгороде резвые кони, ждут всадников. Время в поход выступать! — Князь умолк на несколько секунд и покосился на Блюда: — А что о сем думает главный волхв?

Воеводы задвигались, обернули бородатые лица на волхва. В их хитроватых глазах засветились чуть приметные выжидательные усмешки.

Блюд вздрогнул и поднялся, тряся длинной бородой.

— Перун, о княже, указывает тебе перстом своим путь на Киев...

Воеводы посмеивались в усы, опустив глаза.

— Да будет так! — сказал князь Олег. — Будем потопрапливаться, братие, покуда вражеские видоки не дали знать о планах наших Аскольду и Диру и покуда не знают о сем германцы на западе и хазары на востоке. Могут князя Аскольд и Дир заручиться их по-

мощью. Мыслю я, что возьмем мы киевских князей малой кровью, ратной хитростью. Рано утром, как взойдет ярило, выходим в поход за Русь великую! За вельми великую Русь от моря Русского до окяна Ледового!

...Раным-рано на зорьке запел-загремел на высокой новгородской звоннице вечевой колокол. Таня с братом не слышали его: крепко спали, утомленные всем пережитым и увиденным. Их разбудил возбужденный, раскрасневшийся князь Игорь. Звеня ладно сделанными по росту доспехами, в шлеме с голубым еловцом¹ на его острие, с малым мечом на поясе, он был великолепен! Игорь свесил с постели ноги, протер глаза и только рот открыл от восхищения.

— Скорей, братие! — торопил князь. — Дядя берет меня в поход на полудень! Приспел час прощаться...

Пока гости одевались, он рассказывал:

— Доспехи снимем, как за город выйдем: тяжело в них воям в походе. А перед ратью опять наденем. — Он вздохнул и прибавил: — Да меня на рать не пустят: мал! Заставят небось в обозе отсиживаться... Однако во град Киев я с дядей первым войду! — закончил он с гордостью. Будущий киевский князь был честолюбив еще в детстве.

Он вывел гостей на крепостную стену. Отсюда им был виден весь город как на ладони. Улицы кишмя кишели воинами, колыхались, как лес, копья над их головами. Звенели доспехи, ржали кони, покачивались на весеннем ветру расшитые золотом знамена, и резво трепыхались на шлемах голубые еловцы. В общем шуме нельзя было разобрать, как плачут дети и горько причитают матери и жены.

— Прощайте, братие! — сказал князь.

— Прощай, княже!

¹ Флажок на шлеме воина.

— Может, еще свидимся?

— Вряд ли,— вздохнул с грустной улыбкой Игорь.

Князь ушел. Через несколько минут они увидели его на княжеском дворе. Вместе с Олегом, облаченным в серебристые доспехи, он вышел на крыльцо терема. По яркому бурмицкому ковру, застилавшему ступеньки, неторопливо спускались два князя, большой и маленький, дядя и племянник. Конюшенные отроки в белых платно подвели им коней, и оба князя одновременно поднялись на седла. Таня с братом помахали юному князю, но он уже забыл о них.

Белый конь Олега грыз серебряную узду, бил копытом. Может быть, это был тот самый конь, о котором спустя много веков великий поэт написал:

...Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.

Оба князя неторопливо выехали за ворота кремля.

Улицы одна за другой пришли в движение, и из конца в конец перекатами полетел многоголосый вопль:

— Сла-ава-а!..

Начинался первый в истории поход за объединение Руси. Таня с Игорем знали, что воины Олега хитростью возьмут в полон князей Аскольда и Дира. Олег, которого народ называл вещим, то есть мудрым, малой кровью овладеет Киевом и будет княжить в нем до самой смерти. Он разобьет много врагов и построит города и острожки на границах. Но еще долго будут терзать Русь междоусобные войны, и будет она, многострадальная, истекать кровью от нашествия диких орд. И лишь несколько столетий спустя соберется Русь грозной и непобедимой силой под знаменами

нового города, ставшего известным всему миру под славным именем Москва.

Уходили новгородские воины на юг. Поднялось над теремами и хижинами солнце, и в его лучах засверкали копья и шлемы. Тане с Игорем показалось, что они узнали в одном из воинов смерда Гордея. Во всяком случае, он помахал им рукой. Но брат и сестра не успели как следует разглядеть его, потому что кругом вдруг сразу потемнело, и они услышали похожий на звон маленького колокольчика голос феи Мечты:

О родители и дети!
Словно лунное сиянье,
Светит нам из тьмы столетий
Это древнее преданье...
Длинь-длинь-длень,
Возвращайся, новый день!

Снова стало светло. Игорь и Таня сидели на балконе четвертого этажа. Шурша шинами, под их балконом проезжал автобус.

Далеко за Новгородом зеленели в синей дымке леса и поля. Начиналась у балкона страна без конца и без края. Прекрасная, удивительная страна, где люди впервые в истории поистине стали братьями! Вельми великая страна, как говорили наши предки!

ЧАСЫ ВЕКОВ

СОВЕТСКИЙ

**Иллюстрации
И. Ушакова**

Глава первая,

В КОТОРОЙ НАЧИНАЮТСЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУХИ

Прежде всего надо сказать, что Муха не насекомое, а маленькая девочка двенадцати лет, с черными косичками, с густыми, словно нарисованными черной тушью, бровями, с большими глазами, окаймленными кустарником черных, очень красиво изогнутых ресниц. Может быть, за эту черноту ее и прозвали Мухой. А может быть, за то, что она на переменах стремительно носилась по школе, появляясь то на одном, то на другом этаже, не переставая тихонько напевать какие-то песенки без слов. Эти её песенки весьма подходили на мушиное гудение.

Как бы там ни было, ее называли Мухой. Кличка до такой степени привязалась к ней, что даже учителя говорили: «Муха, иди к доске». Или: «Муха, перестань гудеть!» Мало кто помнил, что настоящее имя этой девочки — Маша.

Приключения Мухи начались в первый день летних каникул, когда родители, пожурив ее за тройку по истории, ушли на работу.

Муха грустно повертела в руках табель со злополучной тройкой, длинно вздохнула, сунула табель в ящик письменного стола и собралась идти во двор, где ее ждали подруги. В эту минуту в коридоре раздался резкий звонок.

Она открыла дверь и невольно улыбнулась. У порога стоял крошечный старичок, совершенно заросший седыми, сияющими, будто свежие белила, волосами. Эти неестественно белые волосы росли так густо, что никак нельзя было определить, где кончаются брови, а где начинается борода. А глаза старичка были голубыми, как летнее небо, и весело поблескивали из белых зарослей. Муха и старичок были одного роста, но, разумеется, совсем не походили друг на друга, как вообще черное не походит на белое. Если глаза Мухи темнели, как два таинственных колодца, то глаза старичка светились, словно два прозрачных родника.

«Это лилипут,— подумала Муха с любопытством,— интересно, какой у него голос? Наверно, писклявый».

— Здравствуй, девочка,— сказал старичок раскатыстым басом,— я часовой мастер. Я пришел исправить ваши часы.

— Какие часы? — удивилась Муха.— Папа забрал свои часы на работу.

— Я говорю не о ручных часах, а о напольных,— пробасил старичок,— о тех самых, которые стоят в углу вашей столовой.

— Да разве можно починить те часы! — воскликнула Муха.— Они достались нам в наследство от бабушки, но когда я родилась, они уже стояли. Все мастера говорили, что они никогда не будут ходить.

— Все мастера? — презрительно фыркнул старичок.— Хотел бы я взглянуть хотя бы на одного такого бездельника! Уж будь уверена, ему не поздоровилось бы! Нет на нашей планете таких часов, которые нельзя починить. Во всяком случае, нет таких часов, которые не смог бы починить часовой мастер Великанов, то есть я!

Старичок Великанов отстранил Муху своей маленькой, но сильной ручкой и, смешно пританцовывая на паркете, уверенно направился в столовую. На ходу он негромко припевал:

Не идут часы никак—
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик да так.

Муха рассмеялась. Ей нравился этот необыкновенный старичок. Он так заразительно напевал и пританцовывал, что она незаметно для самой себя начала повторять его движения и напевать:

Не идут часы никак—
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик да так.

У входа в столовую старичок вдруг остановился и сказал:

— В сущности, все люди — дети. И маленькие и взрослые.

— Так не бывает, — нерешительно заметила Муха.

— Бывает сколько угодно, — возразил он, — только взрослые напускают на себя солидность, хотя на самом деле им очень часто, так же как детям, хочется прыгать, играть и дурачиться. Они просто притворяются, что они уже не дети. Они думают, что становятся величественными оттого, что ходят, задрав нос и сжав губы. А на самом деле величие человека зависит совсем не от этого.

— А от чего? — спросила заинтересованно Муха, которой пришлось по душе рассуждения часового мастера. Это и понятно: кому из девочек или мальчиков не хочется чувствовать себя наравне со взрослыми?

— Величие человека заключается вот в чем, — сказал старичок, прикладывая руку к голове и к груди. — В уме и добром сердце! Подумай об этом как следует, и ты поймешь, потому что у тебя самой, как мне кажется, есть ум и доброе сердце... Кстати, как тебя зовут?

— Муха.

— Великолепное имя! Я даже не спрашиваю, кличка это или настоящее имя. Важно, что ты сама себя так называешь. Должен тебе сообщить, что моя фамилия Великанов — тоже ненастоящая. Злые языки дали мне это прозвище, надеясь ущемить мое самолюбие: ведь я очень маленького роста. А я с благодарностью принял новое имя, потому что решил, что оно подходит мне.

Ты улыбаешься? Но ведь я же говорил тебе, что самое важное для человека не рост и не возраст! Примером тому могут служить хотя бы памятники... Да, да, памятники, которые, как известно, ставятся только великим людям... Так вот, я напоминаю тебе, что на нашей планете есть немало памятников, поставленных благодарным человечеством маленьким детям!¹

Голубые глаза старичка Великанова излучали потоки ласкового света. Он стоял перед Мухой маленький,

¹ Необходимо отметить, что все сказанное старичком Великановым о памятниках для детей соответствует действительности. На Урале, например, сооружен памятник Коле Мяготину, на Украине — Вале Котику и т. д. В Голландии поставлен памятник мальчику, который спас свою страну от наводнения.

изящный, в аккуратном костюмчике, купленном, по-видимому, в магазине «Детский мир», подбоченясь и чуть раскачиваясь на носках. Муха смотрела на него с уважением.

— Ты, наверно, очень быстро бегаешь? — вдруг спросил он, оглядывая ее с ног до головы.

— Быстрее всех в классе... — порозовела она.

— Я тоже быстро бегаю, — сказал он, — интересно, кто из нас быстрее? Хорошо бы посостязаться... Слушай, ведь ты небось — гроза всех школьных мальчишек? Правда? Тебя побаиваются они?

— Да, — созналась она, — если они задираются, я им спуска не даю!

— Прекрасно! — воскликнул часовой мастер. — Люблю смелых девочек! А как ты учишься? Я думаю, у тебя нет ни одной тройки.

— Есть... — тихо вздохнула Муха. — Тройка по истории.

— О-о-о! — разочарованно пробасил маленький Велликанов. — Я потрясен, Муха! История — великолепнейшая из всех наук! Я наверняка был бы профессором истории, если бы мой отец не захотел, чтобы я стал часовщиком. Дело в том, что и мой отец и мой дед были часовых дел мастерами... Ну что ж, идем посмотрим ваши напольные часы, потому что мы и так уже изрядно заболтались...

Часы занимали весь угол столовой. Это были очень старинные часы: высотой не менее двух метров, с бронзовыми инкрустациями и красивым светящимся циферблатом. Огромный золотистый круг маятника спал за стеклянной дверцей. Никто в доме не слышал, как эти часы тикают и звонят. Иногда, когда Муха вытирала с них пыль и задевала их локтем, часы издавали тихий шелестящий звук, похожий на вздох, словно жаловались на томительную скуку и бездеятельность. Никто не относился серьезно к часам, их просто сохраняли в квартире, как старинное украшение.

Но маленький Великанов пришел от этих напольных часов в неистовый восторг. Его глаза расширились и стали еще голубее, челюсть отвисла и подрагивала. Он силился что-то сказать, но волнение сковало язык часового мастера.

— Что я вижу! — наконец воскликнул он, отступая и взмахивая руками. — Что я вижу! Что я вижу! Нет, этого не может быть! Я, кажется, могу сойти с ума от радости! Я думал, что эти часы — плод фантазии моего деда! Но теперь я вижу, что часы веков существуют на самом деле! Муха! Дорогая Муха! Перед нами неповторимые, волшебные, единственные в мире часы веков! Это похоже на сказку! А может быть, мы на самом деле попали в сказку!

Муха почти ничего не поняла из сказанного старичком, но его волнение передалось ей.

— Часы веков? — спросила она. — Что это значит?

— Это значит, что цифры на этих часах показывают века! Да, да, не часы, а века и даже целые тысячелетия! Целые эпохи! Не будь я часовых дел мастер, если это не так! Видишь этот золотистый маятник?

— Вижу... Только он никогда не качается.

— Он будет качаться, черт возьми!.. Так вот, если открыть стеклянную дверцу, то за маятником можно обнаружить вторую, заднюю дверцу из красного дерева. А та задняя дверца, милая Муха, ведет в прошлые века! Только открой ее — и ты попадешь в любую эпоху, с той поры, когда на нашей Земле появилось разумное существо, именуемое человеком! Неужели тебе не интересно попутешествовать по векам?

— Конечно, интересно, — недоверчиво усмехнулась Муха, — но если открыть заднюю дверцу, уткнешься носом в угол столовой...

— Уткнешься, если часы будут стоять, — заворчал Великанов, — но на то я часовщик, чтобы они ходили!

Глава вторая,

В КОТОРОЙ МУХА И СТАРИЧОК ВЕЛИКАНОВ ПРОНИКАЮТ В ДОИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Минут десять он копался в механизме часов. Для этого старичку Великанову пришлось стать на стул. Муха видела, как у часового мастера, должно быть, от нетерпения, дрожат колени, а один каблук выбивает на стуле мелкую дробь. Наконец он спрыгнул со стула и легонько, одним пальчиком, толкнул золотистый маятник.

Маятник закачался.

— Тик-так,— четко и неторопливо заговорили часы,— тик-так, тик-так...

— Идут! — крикнул Великанов своим зычным голосом.— Ура! Дорогая Муха, ученые утверждают, что первый человек на нашей Земле появился примерно около одного миллиона лет назад. Сейчас мы проверим, так ли это... Видишь, стрелки часов сошлись на двенадцати. С этого часа или, точнее, с далекой и еще никем не виданной эпохи мы начинаем наше путешествие!

Он просунул руку между маятником и боковой стенкой часов и распахнул заднюю дверцу. Что-то зеленое, залитое ослепительно ярким светом, мелькнуло в открывшемся проходе, и в комнате сразу повеяло влажным теплом.

Сначала старичок Великанов, а за ним Муха проскользнули между маятником и боковой стенкой часов и очутились в зарослях величественных папоротников. Солнечный свет колеблющимися пятнами лежал на огромных лапчатых листьях.

Было душно и жарко.

— Тик-так,— мерно стучали за спиной часы веков,— тик-так...

Муха оглянулась. Как это ни было странно, но она и старичок Великанов вошли в доисторическую эпоху из узкой и темной трещины в гранитной скале. Ника-

ких часов не существовало! Только из глубины трещины доносились торжественные звуки:

— Тик-так, тик-так...

— Ну что ж, Муха,— сказал Великанов,— пойдём посмотрим на этот странный мир!

— А мы найдем дорогу обратно? — затревожилась она.— В этих зарослях очень легко заблудиться.

— Не беспокойся! Куда бы мы ни ушли, мы всегда будем слышать тиканье наших волшебных часов... Идем же!

Они скоро миновали заросли папоротников и вышли по мягким мхам к берегу реки. Бурное течение несло темные коряги и какие-то зеленые пучки: вероятно, река где-то подмыла обрывистый берег и растения обрушились в воду.

Река была очень широкой и мутной. Противоположный берег едва угадывался в дымке тумана, в котором зоркие глаза Мухи разглядели неясную гряду остроконечных вершин леса.

Великанов и Муха стояли на высоком, неровном берегу, овеваемые горячим ветром, наполненным запахами сырости и неведомых трав. От этих сладковато-острых запахов во рту появлялась оскомина и кружилась голова. Было ли что-нибудь знакомое в этих запахах? Пожалуй, ничего, кроме теплой сырости. Все казалось необычным и ни с чем не сравнимым.

— Тише! — прошептал Великанов, обеспокоенно указывая с обрыва на что-то темное в воде. Это темное и неопределенное вначале показалось Мухе небольшим островком, поросшим бурными водорослями. Но островок вдруг зашевелился, из воды высунулась продолговатая голова с длинным хоботом и двумя белыми бивнями. Хобот, извиваясь, взметнулся над рекой и шумно выпустил целый каскад воды. Только теперь поняла Муха, что мохнатую шерсть какого-то гигантского животного она приняла за водоросли.

— Слон? — спросила она шепотом. — Ну, конечно же, смотрите, у него хобот. Настоящий слон!

— Не думаю, — ответил Великанов. — Скорее всего, мамонт... А может быть, предок слонов и мамонтов. Во всяком случае, он раза в три больше известных мне видов слонов.

Гигант явно наслаждался купанием. Мохнатое животное словно из мощного брандспойта поливало себя речной водой, вымывая из шерсти каких-то огромных насекомых и круглых рыжих клещей. Некоторые из них достигали в диаметре не менее метра. Клещи падали в реку, переворачиваясь на спину и беспомощно шевеля множеством ножек; течение быстро относило их в сторону, вода сразу закипала вокруг, и стаи рыб в несколько мгновений пожирали клещей.

И тут произошло нечто такое неожиданное и страшное, что Муха потом долго не могла прийти в себя. Река в самой стремнине вдруг бешено забурилась и заклокотала. Это шумное клокотанье стремительно приближалось к берегу. Мохнатый гигант на секунду застыл с приподнятым хоботом и, захрипев, рванулся к берегу. Тонны грязно-желтой воды взлетели над ним, посеяв целый дождь противных, тепловатых брызг на Муху и Великанова.

Как ни торопился гигант, он не ушел от своей гибели. Вода уже плескалась и клокотала вокруг него. Сотни, а может быть, тысячи каких-то речных хищников со всех сторон атаковали могучее животное, высовывая из воды зубастые пасти. Было отчетливо видно, как они терзают несчастного гиганта, вырывая из его туши куски мяса. Животное страдальчески затрубило. Предсмертный вопль, от которого похолодело в груди Мухи, полетел над рекой, отдался эхом в заречье и заглох в туманной дали. Гигант свалился и исчез под водой. Река еще с минуту клокотала над ним и успокоилась. А еще через минуту, когда течение унесло ил и песок, поднятые со дна гибнущим

гигантом, стал виден его обглоданный остов. Ни одного клочка мяса не было видно на гигантских белых костях. ●

Река по-прежнему спокойно несла куда-то к неведомому морю или океану свои мутные воды, и тишину горячего, влажного дня нарушали только гортанные крики парящих в вышине белых птиц, похожих на огромных чаек.

— Да! — передохнул Великанов, качнув седой головой. — Такое и во сне не приснится!.. Не желаешь ли ты, Муха, искупаться в этой прелестной речушке?

— С удовольствием, — быстро сказала она, — только после того, как вы, товарищ Великанов, покажете мне пример!

— Ишь ты, какая сообразительная! — усмехнулся он. — Нет уж, что касается меня, то я предпочитаю подождать миллион лет, когда наступит наша эра и реки очистятся от тварей, пожирающих в одно мгновение тонны живого мяса!

Они медленно шли по берегу, слыша, как где-то за спиной размеренно и неотступно стучат часы веков:

— Тик-так, тик-так...

Солнце поднималось все выше, становилось нестерпимо жарко, и Муху начала мучить жажда. Она отстала от своего спутника и наконец взмолилась:

— Товарищ Великанов, зачем мы идем под солнцем? Смотрите, совсем рядом лес!

— А ты уверена, что в лесу нет зубастых гадов, какие водятся в здешних водах? — спросил он, останавливаясь, но, подумав, прибавил: — Впрочем, как говорится, бояться гадов — в лес не ходить...

Однако первобытный лес оказался малоприспособленным для прогулок. Они с трудом пробирались сквозь нагромождения гниющего бурелома, сырого и скользкого. Стало почти совсем темно. Толстые стволы шершавых и влажных деревьев, породу которых невозможно было определить в полумраке, тесно под-

нимались вокруг черными привидениями. Душные гнилостные испарения наполняли воздух смрадом. Муха то и дело скользила, наступая на чудовищно большие грибы, которые лопались под ногой, как выстрел. Несколько раз она упала, больно исцарапав лицо и руки. В довершение ко всему на путников напали мириады летающих насекомых. Они больно жалили, а при дыхании врывались в рот, лезли в ноздри и уши.

— Я больше не могу! — жалобно крикнула Муха Великанову, выплевывая отвратительную кашу из насекомых. — Пожалуйста, идемте домой...

Глава третья,

В КОТОРОЙ ПРОИСХОДИТ СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА ОБЕЗЬЯНЫ С ТИГРОМ

В эту минуту впереди мелькнул свет, и они скоро вышли на обширную поляну, заросшую высокой сочной травой. С двух сторон поляну замыкали глыбы скал, образуя почти прямой угол. А в самом углу с высоты нескольких метров из тонкой расщелины выбивался узкий и прозрачный, словно стекло, веселый ручеек.

С каким наслаждением они пили приятную, почти ледяную воду! От холода у Мухи начало ломить лоб. Вода стекала по подбородку, забрызгала фартук, а она все пила и пила...

— Не забывай, Муха, что ты попала в эпоху, когда еще нет ни врачей, ни лекарств, — ворчливо проговорил Великанов, — если ты простудишь горло, тебя никому будет лечить!

— Еще один глоточек! — сказала она беспечно. — Я никогда не простуживаюсь.

К ней вернулось хорошее настроение. Она вытерла рукавом мокрое лицо и огляделась. Это было по-настоя-

щему красивое место. В траве там и тут пестрели яркие незнакомые цветы, а в центре поляны высоко к небу поднимались стройные стволы пальмовых деревьев. Их росло здесь не меньше десятка. В вышине остроко- нечные листья сплетались в густую крону, и на траву па- дала заманчивая тень.

— Вот бы отдохнуть в этой тени! — сказала она, потягиваясь, и уже было двину- лась к пальмам, но Велика- нов остановил ее.

— Осторожней! — понизил он голос.— Как бы Муха- мушка не попала в липучку, из которой, как известно, твои летающие тетки никог- да не выбирают!

Часовой мастер указал ей на ствол пальмы.

— Не вижу никакой липуч- ки,— пожала она плечами.

— А ты присмотрись! То, что вижу я, пожалуй, даже похуже липучки!

Муха рассматривала дере- во, заслонив ладошкой глаза от слепящего солнца. И вдруг вскрикнула:

— Какой ужас!

Вокруг ствола обвивалась огромная пятнистая змея. Казалось, она дремала.

— Не будем, Муха, вступать в конфликт с древнейшим пресмыкающимся. Пусть себе спит или делает вид, что спит... Я убежден, что нам надо как можно скорей уносить отсюда ноги!

Уносить ноги им не пришлось, потому что на поляну совершенно неожиданно обрушился шквальный ветер с косым, сбивающим с ног дождем. Солнце светило все так же ярко, и поэтому им показалось, что дождь льет с чистого синего неба. Просто Муха и Великанов не успели заметить, как из-за леса не выплыла, а вылетела клубящаяся черно-фиолетовая туча. Дождь походил на поток, прорвавший плотину, он захлестывал дыхание, гремел, рычал и свистел, заглушая все другие звуки древнего мира. Муха видела, как шевелятся губы согнувшегося под тяжестью дождя Великанова, понимала, что он что-то кричит ей, но не разобрала ни одного слова. Она лежала на земле, прижатая к ней дождевым водопадом.

Наконец ему удалось схватить ее за руку и подтянуть к скале. Напрягая силы, маленький часовой мастер втолкнул Муху в небольшое круглое отверстие и протиснулся в него сам.

Долго лежали обессиленные путники в темной пещере. Ливень кончился так же неожиданно, как и начался, в круглом отверстии засверкало солнце, а они все еще не шевелились, слушая в наступившей тишине спокойное тиканье волшебных часов.

— Как ты себя чувствуешь, Муха-мушка? — услышала она слабый голос часового мастера.

Она не сразу ответила, потому что ей было трудно ворочать даже языком.

— Муха! — забеспокоился он. — Ты слышишь меня?

— Да... — вздохнула она. — Я чувствую себя так, будто меня раскатывали скалкой, а потом разрезали на лапшу.

— Ну, раз ты остришь, значит, лапша из тебя не получилась, — успокоился он.

— Я бы с удовольствием похлебала сейчас маминной лапши, — снова вздохнула она.

— Боюсь, что это тебе не удастся, так как от мамы тебя сейчас отделяет небольшой отрезок времени — всего в один миллион лет! Может быть, ты недовольна, что отправилась со мной в это необычное путешествие?

— Что вы! Я хочу пропутешествовать целиком весь миллион лет!

— В таком случае давай выберемся из пещеры на солнышко и высушим нашу одежду. Ты смелая девочка, и я теперь вижу, что мальчишки тебя боялись не зря!

Муха поднялась, польщенная похвалой, взглянула в наружное отверстие и негромко ахнула.

— Тсё... — прошипел за ее спиной Великанов. — Мы, кажется, видим то, что искали!

На прибитой ливнем траве валялось множество осыпавшихся пальмовых орехов величиной с добрый арбуз. А над орехами склонились большие волосатые обезьяны. Целая стая обезьян! Могучие, мускулистые, они грызли сосредоточенно орехи крепкими, как же-

лезу, зубами. По-видимому, это была трудная работа, потому что над поляной стоял такой скрип и скрежет, словно сто поваров выскребали ножами сто кастрюль.

Некоторые обезьяны, как было видно, уже прогрызли твердую кожуру и, приподняв орехи передними лапами, высасывали из них сок. Они делали это с таким старанием и причмокивали так аппетитно, что часовой мастер завистливо прошептал:

— Если бы у меня были такие зубы! — и, вздохнув, пощупал свою челюсть.

Некоторые обезьяны, насытившись, сидели и лежали на траве и благодушно урчали. Одна из них на трех лапах тащила куда-то сопротивляющегося детеныша. Четвертой лапой она довольно грубовато держала его за шиворот, не придавая никакого значения его визгу. Детеныш барахтался и вопил так пронзительно и с таким упоением, как это делают некоторые дети еще и в наше время. Его вопли походили на нечто среднее между визгом поросенка и криками капризного первоклассника.

Обезьяне-мамаше, вероятно, надоели шумные стелания сына, она приподнялась на задние лапы и отвесила ему крепкий шлепок чуть ниже спины. Детеныш сразу умолк.

— Примитивное средство воспитания, — пробормотал Великанов, — но, кажется, убедительное...

И вдруг обезьяны стремительно, в несколько мгновений взлетели на деревья. Все, кроме одной, той самой, которая грызла свой орех слишком далеко от пальм. Дорогу вверх ей отрезал огромный полосатый тигр. Он появился на поляне так неожиданно и быстро, словно вырос из-под земли.

Обезьяна на четвереньках пятилась к скалам, в то время как ее сородичи подымались на ветках оглушительный тревожный галдеж. Тигр не обратил на их крики ни малейшего внимания, его глаза неотрывно следили за попавшей в западню обезьяной. Красивая поло-

сатая кошка величиной с лошадь разлеглась на мокрой траве, громко мурлыкая и постукивая по земле сильным хвостом. Тигр не спешил схватить добычу, он играл с ней, как кошка играет с мышью.

— Надо спасти обезьянку! — горячо зашептала Муха. — Товарищ Великанов, придумайте что-нибудь! Ну, пожалуйста, я вас очень прошу!

— Это невозможно, — вздохнул он. — Впрочем, если ты согласна предложить тигру себя вместо обезьяны...

— Вы шутите, а мне ее очень жалко! — на глазах Мухи выступили слезы.

— Если жалеть всех животных, которых сожрали хищники древнего мира, не хватит океана слез, дорогая Муха! Ну погоди, может быть, эта бедная обезьянка в полтора человеческих роста сама найдет выход из, прямо скажем, критического положения...

Обезьяна допятилась до отвесной скалы, уперлась в нее хвостом и поднялась на задние лапы. Казалось, она приготовилась грудью встретить смертельного врага.

— Ага! — тихонько воскликнул часовой мастер. — Молодчина! Она приготовила передние конечности для борьбы! Посмотри, Муха, это волосатое страшное лицо стало походить немного на человека! Ну, конечно же, на человека! Хотя, пожалуй, для человека у этой обезьяны еще слишком длинные руки и почти совсем отсутствует лоб...

— Да помолчите! — страдальчески прошептала Муха. — Лучше давайте придумаем, как ее спасти!

— А тебе не кажется, что нам следует подумать, как спасти себя? Впрочем, тигр вряд ли сможет просунуть свою огромную башку в это круглое отверстие, куда с трудом могли влезть даже такие тоненькие и изящные существа, как мы с тобой!

Обезьяна явно не хотела сдаваться без боя. Она смотрела на тигра, ощеря пасть, и угрожающе ворчала. Это был мощный самец, в котором угроза смерти вызывала

не страх, а ярость. Шерсть дыбом поднималась на его плечах и загривке. Узенькие глаза самца побелели от ярости. А тигр медлил, только его гибкий хвост, увенчанный метелкой волос, бил о землю все чаще и чаще. Обезьяна согнулась, как сгибается борец на арене, ожидая нападения противника. Ее длинные передние лапы теперь касались больших тяжелых камней, густо рассыпанных у подножия скалы. Это был крепкий гранит, обвалившийся на поляну в еще более древние времена, в пору какого-нибудь землетрясения.

Все, что произошло следом за этим, было настолько быстрым и неуловимым для человеческого глаза, что Муха скорее догадалась, чем увидела, как обезьяна подхватила с земли огромный, тяжелый камень и обрушила его на голову прыгнувшего тигра. Полосатый хищник, отбро-

шенный в сторону бешеным ударом самца-обезьяны, упал на бок с разможенным черепом и засучил лапами. Фонтаном на траву брызнула кровь.

Пораженные Муха и Великанов не смогли промолвить ни одного слова. Они молча смотрели, как самец все еще стоит, полусогнувшись, с камнем в передних лапах и остервенело рычит на поверженного хищника. Может быть, он все еще не был уверен, что его враг убит.

— Ура! — наконец негромко выдохнул Великанов. — Я

предвидел, что этот получеловекообразный урод найдет выход! Но что руководило им? Инстинкт самосохранения или зачатки разума? А может быть, и то и другое? Почему он схватил в передние конечности такой тяжелый камень? Кто мне ответит на этот вопрос?

— Не говорите так громко, иначе обезьяна услышит вас, — сказала Муха. — Смотрите, как она разглядывает камень, которым убила тигра!

— Она не только рассматривает, но даже нюхает его!

— И лижет!

— Совершенно правильно! Кажется, обезьяна уверена, что с тигром расправилась не она сама, а кусок гранита! Чего доброго, она подумает, что это какой-нибудь особенный камень! Так и есть! Смотри, Муха, обезьяны спустились с деревьев и тоже рассматривают камень! Они даже не интересуются убитым тигром! Я думаю, что эта бесформенная глыба гранита

потрясает их тупое воображение больше, чем в свое время человека потрясло первое ружье.

Действительно, сгрудившиеся вокруг самца обезьяны, гортанно воркуя, со всех сторон тянулись к удивительному камню. Может быть, впервые за всю свою полную опасностей жизнь они увидели, как был побежден их лютый враг, но темный мозг еще не мог понять, что не камень сам по себе сделал это, а их сородич, воспользовавшийся камнем как оружием. Одна из обезьян даже попыталась выхватить камень из лап самца, но он зарычал так грозно, что все обезьяны испуганно шарахнулись в разные стороны.

— Уроды! — беззлобно выругался Великанов. — Вокруг валяются десятки таких же камней! Пошевелите же своими куриными мозгами! Однако интересно, что будет делать со своим камнем наш красавчик? Он таки не хочет выпускать его из рук... прошу простить — из своих передних конечностей, потому что до рук ему еще очень далеко... Ну, думай, думай, красавчик, если у тебя уже есть чем думать!

Самец сидел на корточках, любовно раскачивая кусок гранита с такой легкостью, словно это был резиновый мяч. Сейчас самец чуточку походил на футбольного вратаря, поймавшего мяч на линии ворот. Думал ли он о чем-нибудь? Глаза его бессмысленно моргали, не выражая никаких чувств. Может быть устав, он внезапно с силой опустил камень на валяющийся на траве пальмовый орех.

Орех громко треснул.

Услышав треск, обезьяны умолкли и насторожились. Самец с любопытством наклонил набок голову, торопливо отложил камень и поднял треснувший орех. Белый молочный сок стекал по его волосатым лапам.

Обезьяны снова громко и бессвязно заворковали. Самец легко разломал орех и как из чашки выпил из него сок.

— Так, так,— забормотал Великанов,— а что ты будешь делать дальше, красавчик?

Самец подхватил свой камень и ударил им по другому ореху. На этот раз его постигла неудача: удар оказался слишком сильным, и вся скорлупа вместе с брызгами белого сока разлетелась в разные стороны.

— Ничего, ничего, милый,— бормотал довольный Великанов,— такие неудачи случаются даже с некоторыми людьми, если они не умеют рассчитывать свою силу... Главное — понял, что камень в твоих титанических лапах может стать орудием труда! Вот что самое главное, милый! Я сам испортил не меньше десятка часов, прежде чем научился чинить их! Не огорчайся, красавчик!

Но «красавчик» и не думал огорчаться. Он с упоением разбивал орех за орехом, и всякий раз неудачно.

— Это невыносимо! — воскликнула Муха.— Давайте покажем обезьянам, как следует колоть орехи.

— А ты уверена, что вместе с орехами они не расколют наши головы?

— Не... знаю... Но ведь мы не сделаем им никакого вреда,— неуверенно начала она.

— А на каком языке ты им объяснишь это? На русском? Или на английском? Хау-дую-ду, мисс обезьяна, меня зовут Муха, я родилась спустя десять тысяч веков после вас, давайте играть в салочки!

Муха обиделась и промолчала. Впрочем, она сейчас же забыла о своей обиде, увлеченная происходящим на поляне. А там творилось нечто невообразимое. Одна из обезьян наконец сообразила, что камень, которым действует «красавчик», совсем не камень преткновения. Подхватив такой же кусок гранита, она начала колоть орехи столь же старательно и столь же бессмысленно, как и ее сородич. А через несколько секунд камнями вооружились все обезьяны, и поляна загремела от треска.

— Крушите, милые уроды! — потирая руки, говорил часовой мастер. — Действуйте, волосатые красавчики! Я уверен, что от лап до рук вас отделяет значительно меньше времени, чем можно было подумать! Вот что означает сила примера! Недаром даже в наше время еще говорят — «подражает, как обезьяна»! Важно перенимать опыт! Может быть, именно поэтому потомки вот этой самой породы обезьян станут в свое время вполне разумными существами, то есть людьми! Ведь подражать — это значит использовать чей-то опыт!

— Не понимаю, чему вы радуетесь, — сказала Муха. — Обезьяны орудуют как глупые мальчишки, когда им вдруг захочется покуролесить. Уж я-то видела это не раз и в школе и в нашем дворе...

— погоди, Муха, дай срок, и они всему научатся! Был бы только пример.

— Ой, смотрите! — вскрикнула она, и ее черные глаза радостно блеснули. — Самым сообразительным оказался детеныш: он очень осторожно раскалывает орехи... Смотрите, смотрите, он высасывает из ореха сок!

— Не думаю, чтобы он оказался сообразительней своих родителей, — помедлив, сказал Великанов. — Так и есть, у него не хватает силы поднять камень над головой... Видишь, он с трудом приподнимает его только до колен и аккуратненько ударяет по ореху. Хорошо, малыш! Орех трескается, но не разлетается!

Так, так... Кажись, его работой заинтересовались большие верзилы... Оказывается, в доисторические времена бывали случаи, когда яйца учили кур! Но ведь не это важно... Главное, как я уже сказал, в полезном примере. Ну что ж, верзилы, перенимайте опыт малыша!

И действительно, словно услышав тихое бормотание часового мастера, обезьяны начали колотить по орехам значительно осторожней. Они смешно подра-

жали детенышу, неуклюже приподнимая камни не выше своих колен.

Муха расхохоталась, прикрывая рот ладошкой.

— Ты смеешься, Муха,— вдруг серьезно и торжественно сказал Великанов,— а между тем мы с тобой стали свидетелями одного из величайших чудес на нашей планете! Мы видели, как начал строиться мостик от обезьяны к человеку! Пусть это еще очень слабый мостик, и еще пройдут века, прежде чем обезьяна станет первобытным человеком. Но мы уже видели, как труд, пусть самый незадачливый, вызвал у этой породы обезьян первые проблески человеческого сознания. Мы видели, как труд начал создавать ч е л о в е к а.

— Но ведь не каждая обезьяна станет потом человеком,— сказала Муха.

— Конечно! Все знают, что на Земле и в наше время обитают обезьяны, остановившиеся в своем развитии. Но ведь я говорю только об определенных породах обезьян!

Отчаянный вопль на поляне прервал рассуждения часового мастера. Муха вздрогнула и страдальчески скривилась.

— Какое несчастье! — Она сжала руку часового мастера.— Детеныш уронил камень на свою ногу...

— Не на ногу, а на лапу,— спокойно поправил Великанов.

— Ну, пусть на лапу,— быстро заговорила Муха, кривясь так, будто камень свалился на ее собственную ногу.— Что делать? Скажите, что делать?

— Ничего не делать...

— Из его лапы льется кровь!

— Пойдется и перестанет.

— Но ведь ему больно!

— Поболит и перестанет.

— Как вам не стыдно, товарищ Великанов! Вы жестокий человек! Надо помочь бедному детенышу!

— Не надо помогать детенышу, тем более что на его истошные крики не обращает внимания даже мамаша.

— Он изойдет кровью и умрет!

— Гм... Если он издохнет, его никто не похоронит, а его труп сожрут первобытные звери или птицы.

— У вас чудовищный характер! — возмущенно и громко сказала Муха. — И это вы говорили мне, что у человека должно быть доброе сердце и ум!

— Ум подсказывает мне, что мы бессильны помочь детенышу, а доброе сердце заставляет беречь тебя от опасности...

Он хотел еще что-то прибавить, но Муха в это время рыбкой выскользнула в круглое отверстие и стремглав бросилась к вопящему детенышу.

Глава четвертая,

В КОТОРОЙ МУХА И ВЕЛИКАНОВ ЗНАКОМЯТСЯ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ПРЕДКАМИ

— Безумная! — заорал Великанов, срываясь с баса на дребезжащий дискант и высовывая в отверстие голову с торчащими в разные стороны пучками белых волос. — Вернись немедленно!

Муха споткнулась о ногу убитого тигра, растянулась на траве и быстро вскочила. Обезьян словно ветром сдуло с поляны, они, как ракеты, взлетели на пальмы вместе с орудиями своего труда, с которыми, судя по всему, им было жаль расставаться.

В другое время Муха подивилась бы силе и ловкости обезьян, взбирающихся на деревья с такой тяжестью. Но сейчас все ее внимание было занято страдающим детенышем, который не смог сдвинуться с места из-за разбитой лапы.

— Что она делает! Что она делает! — стонал часовой мастер и, вдруг махнув в отчаянии рукой, выбрал-

ся на траву, ловко перепрыгнул через тигра и бегом ринулся за Мухой.

Она подошла к детенышу, который сразу же умолк, увидев ее. Желто-зеленые глаза обезьяны, не мигая, уставились на девочку. Ее появление не вызвало в детеныше страха, скорее его охватило любопытство. Как все малыши, он был очень доверчив, этот мохнатый ребенок, которого еще не научил жизненный опыт подозревать опасность во всяком незнакомце. Но желание познать новое, свойственное всем без исключения обезьянам, было в нем столь велико, что он даже забыл о раненой лапе. Во все глаза смотрел детеныш на неведомое животное с черными косичками, которое торопливо разрывало фартук, готовя бинт. Обезьяны в это время что-то тревожно лопотали на пальмах.

— Бедненький,— ласково сказала Муха,— кровь продолжает сочиться из твоей лапки. Сейчас я сделаю перевязку, и тебе не будет так больно.

Услышав ее голос, обезьяны наверху умолкли.

— Нелепейшее занятие! — сердито бормотал за ее спиной часовой мастер. — Эти медицинские чудачества в доисторическую эпоху вызывают смех! Никогда мне не было так смешно, как сегодня! Я просто умру от хохота, если те верзилы на пальмах не забросают нас камнями!

Не обращая внимания на его бормотание, Муха осторожно забинтовала лапу детеныша.

— Не дрожи так, глупыш,— говорила она, поглаживая его по мягкой шерсти. — Видишь, как хорошо всё получилось! Скоро ты будешь совсем здоровым и перестанешь хромать...

— И пойдешь в детский сад под названием «Древние ископаемые», — прибавил часовой мастер.

Муха нежно подняла детеныша, точно так, как все девочки поднимают больших кукол, и неторопливо отнесла его к пальмам. Обезьянка, мастерски орудуя

передними здоровыми лапами, быстро вскарабкалась по стволу на ветки, где ее подхватила явно обеспокоенная мамаша.

Обезьяны снова шумно залопотали на своем бесвязном языке. На этот раз они, казалось, были довольны.

— Все, Муха,— сказал решительным тоном Великанов,— хватит на сегодня опытов, от которых кровь стынет в жилах. Нам с тобой еще предстоит трудная обратная дорога, давай торопиться... Ай!..— вдруг вскрикнул он сразу осипшим голосом и попятился.

Перед Мухой и Великановым выросла трехметровая фигура обезьяньей мамы. Она стояла на задних лапах, чуть сутулясь, с камнем, прижатым к груди передней лапой. Другую переднюю лапу она протягивала к Мухе. Никакого чувства не отражалось в ее тусклых желто-зеленых глазах. Пасть обезьяны беззвучно ощерялась, обнажая крепкие клыки и розовые десны.

— Похоже, она пришла поблагодарить тебя,— переводя дыхание, прошептал часовой мастер.— Странно, очень странно, никогда не думал, что такие тонкости знакомы древним ископаемым...

Побледневшая Муха проговорила:

— Здравствуй...

— Хр...— ответила обезьяна, ощеряясь еще больше.

— Я не понимаю тебя...

— Хр-хр...— пояснила обезьяна.

— Все равно мне непонятно.

— Хр...

— Так мы ни до чего не договоримся, милая,— сказала Муха и погладила ее мохнатую лапу. Обезьяна вздрогнула и отдернула лапу.

— Хр-хр-хр,— произнесла она, по-видимому, какое-то многосложное предложение.

Муха рассмеялась. И вдруг в ответ девочка услышала смех. Необычный, булькающий, словно обезьяна давилась водой, но совершенно отчетливый смех.

— Это феноменально! — взвизгнул часовой мастер.

Продолжая булькать, обезьяна сделала шаг к Мухе и опять протянула лапу.

— Да ведь она тянется к остаткам твоего фартука! — сообразил Великанов. — Черт возьми, в этом чудовище пробудилось женское кокетство! Она хочет, чтобы ты ей соорудила, как и детеньшу, браслет из бинта! Но что мы будем делать, если такие

браслеты потребует все стадо верзил? Тогда нам придется возвращаться домой голыми!

— Я с удовольствием завяжу бантик на твоей лапе, милая, — весело сказала Муха, — фартук большой, и его, наверное, хватит на все стадо.

Часовой мастер не ошибся: браслеты захотели иметь все обезьяны. Словно скользящие тени, слетали

они по ровным стволам пальм на поляну и просяще протягивали лапы Мухе и Великанову. Огромные, мохнатые, темно-коричневые, они тесно сгрудились вокруг странных низкорослых существ, вызывающих в них необычный, незнакомый им доселе трепет. Каждая из этих человекообразных обезьян могла бы в несколько мгновений растерзать обоих пришельцев из далекого, как звезды, будущего мира, но ни одна из них даже случайно не оцарапала Муху и Великанова своими острыми когтями. Они вздрагивали, когда люди прикасались к ним, и довольно сопели и хрюкали, когда на лапах появлялись белые повязки. Они нюхали их и пробовали на вкус, толкаясь, разглядывая повязки на лапах соседей, и даже приплясывали на одном месте, как приплясывают маленькие дети.

Вероятно, на более поздней стадии своего развития, став первобытными людьми, они приняли бы Муху и Великанова за двух богов или двух колдунов, но они еще не стали людьми, хотя уже и не были

просто животными. Не столько сознание, сколько инстинкт нашептывал извилинам их несовершенного мозга, что перед ними существа высшего порядка, и они невольно трепетали и благоговели перед этими существами, так похожими чем-то на них, на обезьян.

Фартука на «браслеты» не хватило. В ход пошли носовые платки, косынка Мухи, галстук Великанова и наконец носки. Но и этого оказалось мало.

— Я говорил, что эти верзилы пустят нас по миру! — громко проговорил совсем осмелевший Великанов. — Так и быть, я еще пожертвую на ваши украшения подкладку своего пиджака. Только не толпитесь, пожалуйста, так близко, красавчики! Я подозреваю, что вы сегодня забыли принять душ, и от вас весьма дурно пахнет...

— Не говорите с ними так грубо, все-таки они будущие люди, — сказала Муха. — Мне кажется, они понимают интонации человеческого голоса.

— А это мы сейчас проверим, — усмехнулся Великанов, завязывая бантик на лапе последней обезьяны, и громко стукнул в ладоши. — А ну-ка, любезные предки, прошу вас занять свои места на пальмах!

Обезьяны отпрянули.

— Поживей, поживей, уважаемые! — наступал на них маленький часовой мастер, постукивая своими ладошками.

Обезьяны нехотя поднялись на пальмы, но мамаша детеныша, прежде чем подняться по стволу, все-таки недовольно зарычала. Может быть, ей было грустно расставаться с Мухой.

— А теперь в путь, — сказала девочка, — я хочу есть и почти падаю от усталости.

Обратный путь через девственные заросли древнего мира им показался вдвое тяжелей. Но Муху радовало, что над их головами, неотступно шурша густой зеленью, двигались невидимые в вышине обезьяны с

белыми повязками на одной лапе и с камнями в другой. У самой реки, когда обессиленные путешественники в нескольких метрах от себя увидели огромную змею с шипящей пастью и Великанов про себя простился с жизнью, произошло удивительное. Водопад гранитных камней обрушился на змею с вершин деревьев и захоронил ее, перебитую и расплюснутую, в гранитной могиле.

— Спасибо, предки! — смог только прошептать часовой мастер.

— Спасибо, милые! — сказала Муха и помахала им рукой. — Я буду всегда вас помнить. Вот у кого доброе сердце, товарищ Великанов!

— Я посрамлен, Муха, — сказал он серьезно, — но если рассуждать строго, то доброе сердце не у них...

— А у кого?

— У тебя, дорогая Муха! А что касается обезьян, то они по-своему ответили на твою ласку. В сущности, это не представляет чего-нибудь исключительного: почти все животные очень отзывчивы на ласку. А я, старый болван, забыл об этом!

— Ну зачем же вы так корите себя, — смутилась Муха, — мы оба делали им браслеты, и ваш пиджак пострадал больше всего.

— Дело совсем не в пиджаке... Ты оказалась не только доброй, но и смелой девочкой. А это черты благородного характера.

Муха улыбнулась:

— Не надо меня перехваливать. Мама говорит, что дети портятся, когда их перехваливают.

— У меня свои взгляды на эти вещи. Похвала может испортить только дурака! Так случается не только с маленькими, но и со взрослыми. Кстати сказать, я ведь уже говорил тебе, что взрослые только притворяются, будто они не дети...

Часы веков тикали все громче. А когда путешественники вошли в заросли папоротников, Муха услышала, как часы мелодично прозвенели:

— Б-р-о-о-мм...

— Что означает этот звон? — спросила она.

— Это означает, Муха, — сказал он, — что на земле кончилась доисторическая эпоха и начался каменный век, чему я и ты будем свидетелями. С этого времени на многие тысячелетия, даже больше этого — на многие десятки тысяч веков камень станет неразлучным спутником двуногого существа. Я сказал бы, что «каменный век» — неточное название: ведь это величайшая эпоха в истории человека. Земля много раз будет менять свой облик и свой климат, будут подниматься и опускаться целые континенты, реки находить новое направление, исчезать моря и вырастать горы, огромные ледники будут наступать на континенты и снова отступать, вымрут многие животные и растения и появятся новые, а двуногое существо, освободившее передние конечности для труда, будет жить и развиваться... Мы еще посмотрим с тобой, Муха, как человекообразная обезьяна станет настоящим человеком!

Она хотела что-то ответить, но в это время почва под их ногами как-то странно поплыла и закачалась, и глухой гул донесся до них из глубины земли.

— Дело плохо! — быстро сказал часовой мастер. — Как бы нам не провалиться в тартарары! Землетрясения в эту эпоху довольно обычное явление... Бежим, Муха!

А земля под их ногами уже выла и гремела.

Высокие папоротники ползли мимо, падали и с треском ломались. Откуда-то сверху с нарастающим шумом катилась лавина камней.

Задышавшись от бега, они влетели в расщелину скалы и уперлись в заднюю дверцу волшебных часов. Муха распахнула дверцу и протиснулась между маятником и боковой стенкой часов в столовую. Здесь все было

так же, как и прежде. Кошка, свернувшись, спала в кресле. Через открытое окно слышался гул реактивного самолета.

— Я приду завтра утром,— сказал часовой мастер,— до свидания.

Муха слышала, как за ним захлопнулась наружная дверь. А она все еще стояла посреди столовой, тяжело дыша, и никак не могла опомниться.

— Тик-так,— спокойно стучали за ее спиной часы веков,— тик-так...

Ее сердце стало биться ровней, но все тело ныло от страшной усталости, веки отяжелели, и поднимать их становилось трудно.

«Спать,— подумала она,— скорее спать...»

Глава пятая,

В КОТОРОЙ РОДИТЕЛИ МУХИ ОЧЕНЬ БЕСПОКОЯТСЯ О ЕЕ ЗДОРОВЬЕ

Муха проснулась, потому что услышала тихие голоса родителей, вернувшихся с работы. Но она не открыла глаз и лежала неподвижно.

— Ты думаешь, она бредит? — спросил отец, склоняясь над ней.

— Да,— ответила мать.— Это какой-то странный бред... Очень странный!

— Что ты слышала?

— Я даже не могу тебе всего передать. Какие-то обезьяны... И, кажется, змеи...

— Начиталась какой-нибудь книги.

— Нет, тут что-то другое...

— Что?

— Ты посмотри на ее платье!

— Кошмар! — вздохнул отец.— Где она была?

— Я уверена, что она сегодня не выходила из дома

— Но где же она так разукрасила платье?

— Ума не приложу.

— А не подралась ли она с мальчишками из нашего двора? У нас во дворе мальчишки ведут себя возмутительно! Да она и сама, как мальчишка!

Муха открыла глаза и сказала, зевая:

— В сущности, все люди — дети. И маленькие и взрослые.

Родители остолбенели в тех позах, в которых их застали неожиданные слова дочери.

— Что за ересь, Муха? — наконец спросил отец, недоуменно взглянув на жену.

— Это не ересь, папа,— продолжала Муха неторопливо.— Взрослые только напускают на себя солидность, хотя на самом деле им очень часто, так же как и детям, хочется прыгать и дурачиться. Они просто притворяются, что они уже не дети. Они думают, что становятся величественными от того, что ходят, задрав нос и сжав губы.

Мать расхохоталась и села на край кровати дочери.

— А ты знаешь,— начала она, обращаясь к мужу, и ее такие же черные, как у Мухи, глаза озорно блеснули,— наша дочь не лишена остроумия. Разве ты не любишь дурачиться? А мне самой очень часто хочется играть и прыгать! И потом еще: разве ты, мой миленький, немножко не задираешь нос? Особенно после того, как тебя назначили на работе начальником?

— Ересь! — упорствовал отец.— Как тебе не стыдно говорить все эти нелепости при ребенке? Она уже и так перестала с уважением относиться к взрослым.

— Не думаю. Машенька достаточно умна...

— Она и меня не уважает,— с обидой в голосе сказал отец.

— Я тебя люблю, папа! — воскликнула Муха.— Но согласись, величие человека зависит не от того, как высоко он задирает нос.

— Может быть, ты объяснишь нам, в чем заключается величие человека? — иронически спросил отец.

— В уме и добром сердце, папа!

— Попробуй ей возразить! — воскликнула мать.

Отец смущенно кашлянул.

— Ну допустим, что это так... Но почему ты думаешь, что у взрослых нет ума и доброго сердца?

— Я совсем не думаю так, папа. Мне просто кажется, что ум и доброе сердце не всегда зависят от того, сколько человеку лет и какого он роста.

— Даже если человек качается в люльке? — усмехнулся отец.

— Зачем же брать крайности? — покачала головой мать. — Неужели ты не понимаешь, что Машенька не имеет в виду новорожденных? А вот я поняла ее правильно: как только человек становится сознательным, он должен стремиться все делать с умом и добрым сердцем. В этом заключается человеческое величие или, если хотите, отличие человека от несознательных животных, которыми руководит инстинкт.

Муха подумала, что мать, как обычно, объяснила все удивительно ясно и просто, и с нежностью взглянула на нее. А она, увидев полные теплоты глаза дочери, ответила ей таким же взглядом и ласково потрепала Муху по щеке.

— А теперь, доченька, расскажи нам, что произошло с твоим платьем.

— Я порвала его, мамочка, в доисторическом лесу, — сказала Муха.

Отец издал горлом какой-то странный звук.

— Где? — спросила мать, бледнея.

— В доисторическом лесу... А из фартука я сделала бинт, чтобы перевязать рану на лапе человекообразной обезьянки.

Отец и мать встревоженно посмотрели друг на друга.

— Деточка,— дрогнувшим голосом заговорила мать,— скажи мне правду, у тебя не болит головка?

— Нет, мамочка...

— Ты куда-нибудь выходила из дома сегодня?

— Нет... то есть да...

— Куда?

— В доисторическую эпоху...

Это было жестоко с ее стороны, и Муха пожалела, что так сразу, без всякой подготовки, выпалила все обеспокоенным родителям. Ведь они могут подумать, что она не в своем уме.

— Пожалуйста, не подумайте, что я сумасшедшая,— сказала Муха мягко,— но все, что я говорю, правда...

— Перестань дурачиться, Муха,— строго сказал отец,— всяким шуткам бывает предел!

Он стоял перед ней высокий, плечистый, в хорошо выплаженном клетчатом костюме, и его чуточку выпуклые серые глаза смотрели на нее сквозь стекла больших роговых очков с нескрываемой тревогой. Муха вдруг подумала, как выглядела бы человекообразная обезьяна, если бы на нее надеть такой костюм и очки? Интересно, стала бы она похожей на человека? Конечно, нет! Ее длинные передние лапы высовывались бы из рукавов, а очки придали бы морде очень смешной вид...

— Почему ты улыбаешься, Машенька? — спросила мать, не сводя с нее глаз.

— Я представила, мамочка, какой красоткой была бы обезьяна в папином костюме.

— Это уже похоже на издевательство! — с сердцем сказал отец.

— Зачем ты нас огорчаешь, детка? — покачала головой мать.— Расскажи нам лучше, какой тебе приснился сон про обезьян, и мы успокоимся.

— Мне не снилось никакого сна, мама. Я взаправду побывала в доисторической эпохе!

— У нее продолжается бред! — сказал отец.— Надо вызывать врача!

— Бред? — воскликнула Муха, вскакивая с кровати.— Хорошо, в таком случае, папа, подойди к часам в столовой и открой заднюю дверцу.

— Какую дверцу? О чем ты говоришь?

— О второй дверце за маятником.

— Там нет никакой дверцы!

— А ты посмотри, посмотри! Я раньше тоже думала, что там ее нет...

Все трое молча направились в столовую. Отец твердыми шагами прошагал в угол комнаты, открыл стеклянную дверцу часов и заглянул внутрь деревянного футляра.

— Здесь действительно есть вторая дверца,— пробормотал он.

— Ага! — торжествующе воскликнула Муха.

— Странно,— бормотал он,— я не могу понять назначения этой дверцы... Наверно, она сделана для того, чтобы мастеру было легче чинить механизм.

— А ты открой ее, папа!

Отец толкнул дверцу. Она открылась с резким скрипом и стукнулась о стенку комнаты. Муха ясно увидела за часами угол столовой, оплетенный давнишней, уже запыленной паутиной. Большой растреповоженный паук бежал по стене, быстро перебирая тонкими ножками.

— Ну, и что же? — спросил отец.

— А там... дальше... больше ничего не видно? — упавшим голосом проговорила Муха.

— Видно...

— Что? — обрадовалась она.

— Видно, что у нас запущенная квартира. Вместо того чтобы болтать глупости, ты бы почаще сметала пыль и паутину!

Муха пошла на кухню за веником, а когда возвращалась обратно, услышала, как мать говорила отцу:

— Ты уж будь с ней сегодня поласковой, девочке приснился страшный сон, и она до сих пор не может прийти в себя.

Муха старательно обмела угол за часами, надеясь втайне обнаружить какие-нибудь следы выхода в древний мир. Она даже постучала пальцем в стенку. Стенка была крепкой, каменной, и было бы просто глупо убеждать родителей, что она видела здесь зеленые папоротники.

И вдруг Муха радостно рассмеялась:

— Папа! Мамочка! Да ведь часы-то стоят!

— Что с тобой, детка? — обеспокоенно сказала мать. — Часы стоят уже пятнадцать лет! Разве ты забыла об этом?

Муха было открыла рот, чтобы рассказать о маленьком часовом мастере Великанове, но запнулась. Чего доброго, родители запретят впускать его завтра в квартиру, а ей так хотелось заглянуть в глубь веков хотя бы еще один разок!

Но имеет ли она право молчать? Не будет ли это обманом? Ее начали мучить угрызения совести. Она никогда не говорила родителям неправду.

А может быть, не говорить о чем-нибудь — это еще не обман? Может быть, обман — это только тогда, когда говоришь неправду?

Муха поужинала, размышляя над этим сложным вопросом, но так ничего и не решила. Однако на душе у нее было прескверно. Прежде чем заснуть, она долго ворочалась в постели. Родители с тревогой прислушивались, как звенят пружины в ее матрасе.

Глава шестая,

В КОТОРОЙ ЧАСЫ ВЕКОВ СНОВА НАЧИНАЮТ СТУЧАТЬ

После того как отец и мать ушли на работу, Муха вымыла посуду, подмела пол и вытерла пыль с мебели. Муха очень торопилась, чтобы успеть все сделать до прихода часового мастера. Ее томило нетерпение,

и-когда в передней прозвучал звонок, она со всех ног бросилась открывать дверь.

— Здравствуй, Муха-мушка,— сказал часовой мастер,— я очень спешил и чуть не расшиб лоб на вашей лестнице.

Он стоял перед ней на пороге с каким-то свертком в руке, маленький, окруженный ореолом своих белых волос, от которых, казалось, исходит серебристое сияние.

— Здравствуйте, товарищ Великанов,— взволнованно заговорила Муха,— а часы веков опять остановились!

Он перебросил сверток из руки в руку и пошел в столовую, пританцовывая и напевая негромким баском:

Не идут часы никак —
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик и так.

Великанов, как и в прошлый раз, влез на стул и покопался в механизме, выбивая каблучком мелкую дробь. Потом он спрыгнул на пол и толкнул пальчиком золотистый маятник.

— Тик-так,— четко и неторопливо заговорили часы,— тик-так, тик-так...

— Идут! — облегченно вздохнула Муха.— А я так беспокоилась! Товарищ Великанов, а что в вашем свертке и почему от него пахнет нафталином?

— В этом свертке, дорогая Муха, некоторые приспособления, придуманные разумным человечеством для борьбы с холодом, а нафталином они пахнут для того, чтобы их не съела моль.

Он развязал сверток. В нем оказались шубка, шапка-ушанка, валенки и теплые перчатки.

— Я считаю, что ты должна прихватить для себя такое же снаряжение, если собираешься сегодня отправиться в древний мир,— сказал он Мухе.

— Но ведь там тропическая жара!

— Не уверен.

Она замялась.

— Но я... не спросила разрешения у мамы и папы...— сказала она и, что-то вспомнив, озадаченно посмотрела на часового мастера.— Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, товарищ Великанов...

— Я готов ответить на тысячу вопросов, дорогая Муха, если ответы на эти вопросы разгуливают по извилинам моего мозга в ожидании, когда я открою им ворота... Если же они не разгуливают...

— Вы говорите очень запутанно,— перебила его Муха,— а у меня очень простой вопрос: обман или не обман не говорить правду?

— Гм... На мой взгляд, обман — это говорить неправду.

— А не говорить?

— Гм... Это значит не говорить неправду.

— А если не говорить правду?

— То есть говорить ложь?

— Нет, ничего не говорить.

— Ни лжи, ни правды?

— Нет, говорить, но не говорить правду.

— Гм... Или твои, или мои мозговые извилины пострадали от знакомства с человекообразными обезьянами. Ты сказала, что я говорю запутанно, а между тем я сам заблудился в дебрях твоего вопроса. Может быть, это происходит от косноязычия, которым страдают некоторые школьники, но я до сих пор не замечал у тебя такой болезни.

Муха обиделась:

— Вы сказали очень много слов, но я ничего так и не поняла...

— Но я тоже не понял тебя!

— Но у меня действительно очень простой вопрос... Я не рассказала про вас папе и маме. Хорошо это или плохо?

— Плохо, дорогая Муха! Очень плохо! Теперь мне ясно, что тебя беспокоит: ты утаила правду от родителей. Так?

— Так...

— Но раз тебя одолевают угрызения совести, значит, ты понимаешь, что утаить правду — это то же самое, что обмануть. Всегда полагайся на свою совесть: она очень точно разъясняет человеку, как он обязан поступать.

— Полагаться на совесть,— задумчиво повторила она,— странно, что мне в голову не пришла такая мысль раньше...

— Хочу обратить твое внимание, Муха-мушка, на то, что человек, теряющий совесть, в одну минуту превращается в животное! Собственно, совесть — один из главных признаков, которые отличают человека от животного.

— Я расскажу сегодня про вас папе и маме.

— Гм... Не убежден, что это доставит им большое удовольствие, но уверен, что решение ты приняла правильное... А теперь, Муха, давай посмотрим, что происходит за второй дверцей наших часов...

Он распахнул дверцу, и в столовую широкими клубами повалил белый холодный пар.

— Там мороз! — вскрикнула Муха.

— Как видишь, я не напрасно рекомендовал тебе застаться теплым обмундированием,— сказал часовой мастер, поспешно прикрывая дверцу.— С тех пор когда мы побывали в древнем мире, минуло немало тысячелетий, и природа там явно претерпела изменения. Одевайся, Муха, и в путь! Ну, что же ты медлишь?

В темноте Мухиных глаз блеснули две молнии.

— Если там мороз и снег,— сказала она, улыбаясь,— значит, мы сможем путешествовать на лыжах! Больше всего на свете я люблю лыжи!

— Но у меня нет лыж, Муха...

— С прошлой зимы у нас в кладовке стоят лыжи моей двоюродной сестры. Мне кажется, что они будут вам как раз впору.

— Великолепно, Муха! — Довольный Великанов потер ладонь о ладонь. — Готов посостязаться с тобой в беге, несмотря на то что ты в шесть раз моложе меня! Это будут первые лыжные соревнования в каменном веке!

Пока она доставала лыжи и переодевалась, он нетерпеливо расхаживал по столовой и напевал гулким басом:

Ах, куда, куда спешишь,
Пара лыж, быстрых лыж?
Современный человек
Мчит на лыжах в древний век!
Ах, куда ты угодишь,
Пара лыж, быстрых лыж?

Через четверть часа Великанов и Муха с некоторым трудом протиснулись между золотистым маятником и боковой стенкой часов. Еще не улетучились окутавшие их клубы пара, а Муха уже почувствовала острый, холодный, ни с чем не сравнимый запах свежего снега. Она глубоко и с наслаждением вздохнула и зажмурилась от нестерпимого блеска сугробов. Это было совершенно поразительно — за несколько секунд из жаркого лета попасть в морозную зиму!

Они вышли в эту зиму прямо из снега: дверца волшебных часов, открываясь, разворотила высокий сугроб, и Муха увидела обратную сторону равномерно покачивающегося маятника. Густой пар скрыл от ее глаз столовую, но она ясно слышала, как на кресле жалобно мяукает испуганная холодом кошка. Девочка поспешно захлопнула дверцу и огляделась.

Вокруг, насколько хватало глаз, лежала белая искрящаяся в лучах полуденного солнца равнина. Маленький часовой мастер в детской шубке уже стоял на лы-

жах впереди нее, опираясь на широко расставленные палки. Шапка-ушанка смешно топорщилась на его голове, и на бороду свисали незавязанные тесемки.

Муха стала на лыжи. На ней был спортивный костюм, и она подумала, что Великанову в шубе и валенках будет, пожалуй, трудно угнаться за ней.

Часовой мастер оглянулся, задорно подмигнул Мухе и сказал:

— Догоняй!

Он рывком оттолкнулся палками и стремительно побежал по сугробам. Было слышно, как он напевает в такт своим скользящим шагам:

Ах, куда, куда спешишь,
Пара лыж, быстрых лыж?

Муха рассмеялась и подхватила:

Современный человек
Мчит на лыжах в древний век!

Он сразу опередил ее метров на сто. Кто бы мог подумать, что этот старичок бегает на лыжах, как мастер спорта?!

Расстояние между Мухой и часовым мастером все увеличивалось. Издалека она уже с трудом разбирала слова его забавной песенки:

Ах, куда ты угодишь,
Пара лыж, быстрых лыж?

Глава седьмая,

**В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ,
ЧТО ПО СНЕГУ МОЖНО ХОДИТЬ БОСИКОМ**

И вдруг Великанов остановился. Муха видела, как он воткнул лыжные палки в сугроб и присел на корточки. Когда она добралась до него, он все еще сидел, неподвижно разглядывая снег.

— Ну и ну! — выдохнула Муха, затормаживая бег и тяжело дыша. — Вы не Великанов, а Пеликанов!

— Кто? — рассеянно спросил он, даже не взглянув на нее.

— Пеликанов, — повторила она. — Есть такая птица — пеликан. А вы летаете на лыжах, как птица!

Остроумие Мухи, по-видимому, не произвело на него никакого впечатления.

— Погоди, — сказал он серьезно, — ты видишь, что я обнаружил на этой ледяной площадке?

Она заслонила глаза рукой: солнце слепило ее.

— След, — ахнула Муха.

— Да, след! — взволнованно сказал часовой мастер, поднимаясь. — Но какой след! Ты только подумай, Муха, что ты видишь!.. Это же след босого человека!

Только теперь до ее сознания дошло, что на припорошенной снегом глыбе льда отпечатаны еле заметные пять пальцев и пятка правой ноги человека. Судя по всему, в последние сутки здесь было очень тихо, снег падал легкий и нечастый и запорошил лед, словно туман. И след странного человека, ходящего по снегу босиком, выглядел неясным и неправдоподобным, как сон.

И все-таки это был след!

— Ну, хорошо, — переводя дыхание и заражаясь его волнением, сказала Муха, — я вижу на льдине след правой ноги... А где же левая нога этого человека, если это человек?

— Ты очень невнимательная девочка! — сердито проговорил часовой мастер. — Так слушай... Скорее всего, это не просто льдина, а выступающая из-под снега небольшая ледяная площадка гигантского ледника, который, может быть, протянулся под снегом на тысячи километров. Она совсем крошечная — эта площадка, и на ней отпечаталась поэтому только одна ступня. Тем более что босой человек, как мне кажется, не ходит, а скачет... Видишь вот здесь провал в снегу?

Это след его левой ноги... Он сделал прыжок — и вот мы видим на льду пять пальцев правой ноги... А дальше он снова провалился в снег! Ну, конечно же, через каждые шесть-семь метров в снегу видны провалы от его ног! Пойдем по следу, и мы скоро узнаем, какие спортсмены в каменном веке бегали босиком!

Муха молча повернула лыжи и побежала по следу.

— Не торопись! — крикнул часовой мастер. — Мы же не знаем характера этого босняка! Если это и человек, то, во всяком случае, — дикарь! Не ожидай, что он пригласит тебя на чашку чая...

Она нерешительно остановилась и спросила, помедлив:

— А что, если... он людоед?

— Очень может быть.

— Но это же опасно!

— Конечно! — усмехнулся часовой мастер. — И я даже убежден, что твои косточки придутся ему по вкусу больше, чем мои...

Муха вздохнула.

— Я начинаю думать, что иметь дело с человекообразной обезьяной приятней, чем с первобытным человеком.

— Не делай скоропалительных выводов, Муха... Но в какой-то степени ты не ошибаешься, потому что обезьяны никогда не потребляли в пищу мяса.

— Милые обезьяны!

— Опять ты торопишься с выводом! Современные ученые доказывают, что когда наши предки начали есть мясо, их мозг начал развиваться значительно быстрее.

— Только благодаря мясу?

— Нет, не только... Чтобы пользоваться оружием и орудиями труда, они были вынуждены освободить передние конечности. Для этого они поднялись на задних конечностях, а позвоночник из горизонтального превратился в вертикальный. Ты учила в школе, какое значение для организма имеет позвоночник. И вот, так сказать, освобожденный из согбенного положения позвоночник дал новый толчок развитию и нервной системы, и головного мозга!

— Как все удивительно зависит одно от другого! — сказала Муха.

— Как и все в природе, дорогая Муха-мушка! Но обрати внимание, что эти превращения произошли лишь потому, что наши предки научились труду!

Они неторопливо скользили по снежной равнине, залитой океаном солнечного света. Было очень тихо. В прозрачном и чистом воздухе слышалось только мягкое шуршание четырех лыж да размеренное тиканье далеких часов:

— Тик-так, тик-так, тик-так...

— Странно, — задумчиво сказала Муха, — если бы не следы босого человека и если бы не тикали часы веков, можно было бы подумать, что мы вышли за город покататься на лыжах...

— Стой! — вдруг шепнул Великанов, хватая ее за руку.

Снежная равнина неожиданно закончилась почти у самых ног лыжников. Они остановились на краю ледника, который длинными уступами, похожими на гигантские ступени, уходил вниз. Неслышно осыпался снег из-под лыж. Солнце искрилось в зеленоватых толщах льда. А внизу, в ста метрах от них, поднимался могучий кедровый лес, разрезанный глубоким оврагом. Панорама, открывшаяся их глазам, была величественной и необычной. Но не она приковала к себе их глаза. На нижнем уступе ледника, над самым оврагом, спиной к ним, стоял босоногий волосатый человек!

Прошло несколько секунд, прежде чем опомнившийся Великанов с силой толкнул Муху в сторону от обрыва. Она упала за высоким обледенелым сугробом и, проломив тончайшую корочку льда, с головой зарылась в легкий, как пух, снег.

«Что вы делаете!» — хотела крикнуть возмущенная Муха, барахтаясь в снежном пуху, но Великанов зажал ей рот ладонью и знаками дал понять, чтобы она не шевелилась.

Он лежал рядом с ней, осторожно высовывая голову из-под сугроба, и она слышала, как часовой мастер дышит прерывисто и часто.

— К счастью, босяк не заметил нас! — шепнул он, поворачивая к ней лицо. Из седых зарослей его головы на Муху смотрели округлившиеся, испуганные глаза. — Странно... Ведь у него, я думаю, чертовски острый слух... Наверно, его внимание занято чем-нибудь очень важным...

Муха выглянула из-за сугроба. Босоногий человек стоял неподвижно, как изваяние. Чем-то он еще был похож на обезьяну — длинные руки и короткая шея с слишком маленькой уродливой головкой. Вот он пошевелился, Муха увидела его профиль с приплюснутым носом и сильными, выдающимися вперед челюстями. Лоб почти отсутствовал на волосатом, словно

усеченном черепе, а на всем его теле, под густой темно-коричневой шерстью, угадывались могучие, как железные канаты, мускулы. Целое сплетение мускулистых канатов!

И все-таки это был человек. Он твердо стоял на ногах, а его длинные руки были, несомненно, человеческими руками.

На уступе ледника перед ним вздымалась груда огромных камней — очень большая груда, пожалуй, она не уместилась бы на железнодорожной платформе. Муха с удивлением подумала, отчего камни не срываются в овраг с покатога и скользкого уступа ледника? Это казалось противоестественным. Но она скоро поняла, в чем секрет: камни удерживал широкий ствол какого-то дерева, укрепленный на самом краю уступа.

Босоногий человек что-то терпеливо ждал, не сводя глаз с оврага, теряющегося где-то вдали, в дебрях кедрового леса. Какие мысли теснились в его маленькой черепной коробке? Зачем он скакал сюда по заснеженному леднику?

Время тянулось медленно, и Муха почувствовала, что ее начинает прохватывать мороз. Она попробовала подвигать руками, но Великанов свирепо зашикал на нее. Теперь она раскаивалась, что вышла из дома в древний мир в лыжном костюме.

— Хорошо вам шикать,— обиженно шепнула Муха,— когда на вас шуба и валенки!

— Тсс...— прошипел он.

— У вас «тс», а у меня «бр»... Зуб на зуб не попадает.

— Тсс...— снова прошипел он и начал стаскивать с себя шубу.

— Не надо! — испугалась Муха, представив, как он будет лежать в снегу в своем легком детском костюмчике.— Мне уже стало тепло...

Великанов не успел ответить, потому что босоногий человек вдруг встрепенулся, вытягивая голову.

Было похоже, что он к чему-то прислушивается. К чему? Как ни напрягала Муха свой слух, она ничего не услышала, кроме нежного шуршания осыпающегося то там, то тут молодого снежка.

Наконец и она что-то услышала — то ли стон, то ли вопль, неясный, как далекое урчание грома. Вопль с каждой минутой приближался, и уже можно было разобрать, что он сливается из десятков воплей, мощных, резких и таких страшных, что у Мухи забилося сердце и по спине пробежали противные мурашки.

— Ы-ы-ы-ы-ы... — летели крики из леса.

Что-то неясное, темное катилось по дну оврага Босоногий человек на уступе ледника задвигался и присел, высунув голову из-за камней. Муха и Великанов ясно видели его сжавшуюся напряженную фигуру.

Неясное и темное приближалось. Оно металось по дну оврага, делая странные, порывистые прыжки то вправо, то влево.

А наверху, по обеим сторонам оврага, бежали десятки босоногих, волосатых людей. Они подскакивали на бегу, размахивали своими длинными руками, размашисто швыряли в овраг тяжелые глыбы камней. В морозном воздухе непрерывно гремел их жуткий вопль:

— Гр-ы-ы-ы-ы-ы... Гр-ы-ы-ы-ы...

— Гон! — с дрожью в голосе сказал Великанов. — Кажется, они гонят гигантского пещерного медведя. В наше время таких медведей нет, изредка при раскопках ученые находят их невообразимые скелеты...

Это действительно был медведь. Но какой медведь! Может быть, только слон мог сравниться с ним!

Зверь заметно устал. Его прыжки под градом камней становились все более неловкими. Из открытой пасти медведя по временам вырывался страдальческий хриплый рев, заглушаемый таким же звериным воплем полулюдей-полуживотных:

— Гры-ы-ы-ы-ы... Гры-ы-ы-ы-ы...

Муха вскрикнула. Два босоногих человека в азарте охоты столкнулись и в клубах снега рухнули с крутого обрыва на медведя. Девочке показалось, что они падают неестественно долго, неуклюже кувыркаясь в воздухе. На фоне огромной грязно-бурой туши зверя они выглядели совсем крошечными. Медведь отмахнулся от них когтистой лапой, как от мух, и два охотника погибли, отброшенные в сторону его ужасающим ударом. Их кровь брызнула на снег.

Гибель соплеменников не произвела на остальных охотников никакого впечатления. Они продолжали преследовать зверя с прежним упорством и яростью.

— Гры-ы-ы-ы-ы... Гры-ы-ы-ы-ы...

Овраг кончился, медведь был в западне. Он уперся носом в ледник и, грозно рыча, поднялся на задние лапы. В эту минуту босоногий человек на уступе ледника привскочил и с победным криком «гры» вышиб из-под камней ствол дерева. Каскад каменных глыб с грохотом обрушился на голову зверя.

Медведь упал. Он лежал в сугробах, все больше вытягиваясь и суча задними лапами. Снег вокруг разможенного черепа быстро краснел и таял.

Человек на уступе ледника ликующе потряс поднятыми руками, что-то зычно и гортанно крикнул и прыгнул вниз. Он грациозно пролетел по воздуху не меньше десяти—двенадцати метров и точно опустил-ся на тушу зверя, вцепившись пальцами в его шерсть. А с откосов оврага, не переставая радостно вопить, скатывались прямо по снегу босоногие охотники. Они хохотали и приплясывали в сугробах и очень походили теперь на обезумевших обезьян. Некоторые из них, припав к черепу медведя, жадно пили горячую кровь. Другие ловко, одним ударом, разбивали камни и острыми гранями вспарывали тушу. Скоро в руках всех охотников оказались огромные куски мяса, которое они пожирали, громко чавкая и по-звериному урча.

По-видимому, эти звуки означали высшее наслаждение, которое испытывали сейчас охотники.

— Да,— передохнул наконец Великанов,— сознаюсь, эта трапеза не вызывает у меня аппетита! Первобытное человеческое стадо! Но ты обратила внимание, Муха, что они уже пользуются камнями, как ножами и топорами! Это колоссальный прогресс!

— Вижу,— прошептала Муха,— там творится такое, что мне стало даже жарко и на всем теле выступил пот...

— Да, Муха, они уже не обезьяны! Дикари, но, клянусь, не обезьяны!

— Тише! То вы говорите мне «тс», то начинаете так басить, что они могут нас услышать!

— Поверь мне, им теперь не до нас! Ты смотри, смотри, что там делается!..

Один из охотников, насытившись медвежатиной, завладел куском шкуры зверя, счистил каменным скребком остатки мяса и швырнул их волосатым подросткам — их было не меньше дюжины. Как самые обыкновенные резвые мальчишки, толкаясь и ссорясь, они набросились на мясо и тут же сожрали его. А сытый охотник благодушно разглядывал шкуру и вдруг, осененный какой-то неожиданной мыслью, напятил ее на свои плечи и опустился на четвереньки.

— Гры, гры! — весело зарычал он.

— Гры! — в ужасе завопили волосатые подростки тонкими голосами и бросились врассыпную.

Взрослые охотники перестали жевать и насторожились...

— Гры, гры! — передвигаясь на четвереньках, рычал скрытый шкурой охотник.

Оглушительный звериный хохот потряс овраг. Дикари окружили изобретательного охотника, с интересом заглядывая под шкуру и похлопывая его по широкой спине. Он поднялся во весь рост, продолжая кутаться в шкуру.

— Кто знает, — задумчиво сказал часовой мастер, — может быть, благодаря такой шутке у первобытных появился первый костюм. Видишь, он не хочет расставаться со шкурой, так как почувствовал, что под ней тепло и уютно...

Часовой мастер приподнялся, чтобы лучше рассмотреть первый наряд первобытного человека, но от неосторожного движения сугроб, скрывающий его и Муху, заколыхался, сдвинулся с места и с шумом обрушился с уступа ледника.

Дикари умолкли и разом обернули к ним свои страшные лица.

— Бежим! — крикнул Великанов. — Скорей, Муха!

Она стремительно вскочила и побежала на лыжах по леднику.

— Скорей! — хрипло кричал за ее спиной Великанов.— Они прыгают с уступа на уступ, как блохи! Скорей, иначе, клянусь всем прошлым и будущим человечества, будет поздно! Они, как пить дать, могут употребить наше мясо на второе блюдо! Обжоры! Мало им пещерного медведя!

— Да помолчите хоть сейчас! — в отчаянии вскрикнула Муха.

Волосатые люди уже выскакивали на ледник, и она слышала их рычание.

Ветер засвистел в ушах Мухи. Она быстро скользила по своему старому следу и, оглянувшись еще раз, увидела, что Великанов сильно отстает. Ветер раздувал полы его шубы, которую он расстегнул, лежа за сугробом, чтобы согреть ее, но так и забыл застегнуть. От дикарей, широко и изящно прыгающих по снегу, его отделяло не больше трехсот метров.

— Застегните шубу! — крикнула Муха, но он не услышал ее. Девочку охватил ужас. Но могла ли она в минуту смертельной опасности оставить без помощи своего спутника? А как она могла помочь ему — об этом Муха сейчас не думала. Девочка развернула лыжи навстречу часовому мастеру.

Глава восьмая,

В КОТОРОЙ ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУХИ И ЧАСОВОГО МАСТЕРА

Стадо волосатых быстро приближалось. Когда Муха поравнялась с Великановым, дикарям осталось проскакать по сугробам около ста метров.

— Застегните же шубу! — что было сил прокричала девочка и вдруг увидела, что часовой мастер совсем не собирается торопиться. Он стоял спиной к Мухе,

спокойно глядя, как на него накатывается рычащая орава людей-уродов.

— Бегите! — рыдающим голосом снова крикнула она.— Товарищ Великанов, бегите!..

— Береги нервную систему, Муха! — ответил он громко, не поворачивая к ней лица.— Стой и не шевелись!

Стадо волосатых было совсем близко. Она уже слышала их шумное дыхание, то и дело прерываемое грозным ревом, и видела страшные получеловеческие лица с выпученными бесцветными глазами, наполненными бессмысленной яростью. Снег вихрился под их ногами.

И тут совершенно неожиданно они остановились, сталкиваясь друг с другом, и попятились.

— Жжи! — испуганно провопил один из них.

— Жжи! — в паническом ужасе повторило все стадо.— Жжи!

Дикари повернулись и побежали назад.

— Ага, обжоры, не по зубам пришелся орешек! — торжествующе закричал им вслед часовой мастер.— Ату, держи их! Я вам не пещерный медведь! Ах вы бессовестные босяки! Оказывается, вам нравится «гры», а «жжи» вы терпеть не можете!

Через минуту на леднике не осталось ни одного дикаря.

— Чем вы испугали их? — переводя дыхание, спросила Муха. — Что такое «жжи»?

Он повернулся к ней и показал карманный фонарик.

— Я зажигал и гасил его, когда приблизились эти босяки, — сказал Великанов, усмехаясь. — Как я и думал, блеск огня привел их в содрогание. Они смертельно боятся «жжи»! Насколько я понял их музыкальный язык, «гры» — это медведь, а «жжи» — огонь.

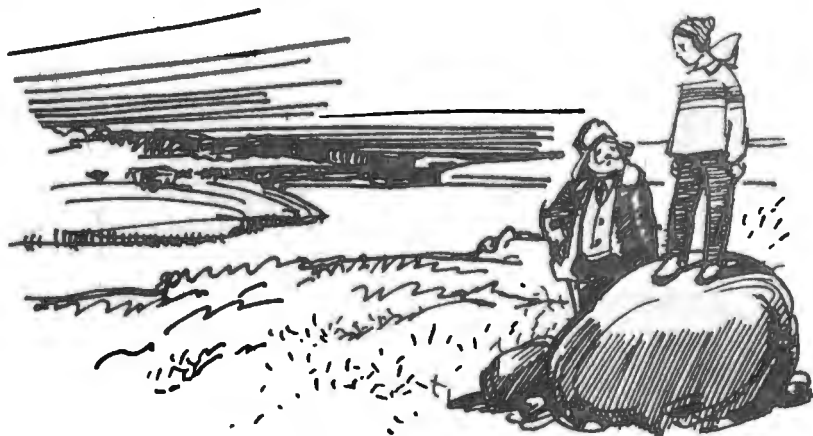
— Но я читала, что первобытные люди очень ценили огонь, — возразила Муха.

— Но это же еще полулюди! — сказал он. — Первобытное стадо, хотя его и принято называть человеческим. Пройдет еще немало тысячелетий, прежде чем они приручат огонь и заставят его служить себе и...

Великанов не договорил, потому что далеко-далеко за сугробами мелодично и звонко пробили часы веков:

— Бо-о-оммм...

И, словно по взмаху волшебной палочки, все вокруг Великанова и Мухи чудесно изменилось. Они стояли уже не на леднике, а на прелестной зеленой лу-

жайке, которую омывала широкая река с чистой, просвечивающей, будто стекло, водой. Желтый песок устилал ее берега, поросшие там и тут камышом и осокой.

За лужайкой виднелся густой лес, и Муха без труда узнала так хорошо знакомые ей и милые сердцу березы, осины, сосны и ели...

— Куда мы попали? — радостно вскрикнула она, сбрасывая лыжи и взбираясь на большой валун, который высовывался из травы, словно каменный гриб. — Какой здесь замечательный воздух! А как здесь много цветов! От ледника ничего не осталось!

— Нет, осталось, — качнул головой часовой мастер, снимая шапку и вытирая вспотевший лоб.

— Вы шутите! — рассмеялась Муха. — Здесь так тепло!

— И все-таки осталось!

— Где?

— У тебя под ногами...

— Под ногами? — Муха сделала гримаску. — Да ведь это же камень!

— Именно!

— Что общего между ледником и этим камнем, который стал совсем горячим от солнышка?

— А ты посмотри, как этот камень великолепно отшлифован! Ни одного выступа! Его даже приятно погладить ладонью...

— Ну и что же?

— Это валун.

— Я знаю.

— Ты очень мало знаешь! — рассердился часовой мастер. — Не сомневаюсь, что в школе вам объясняли, как появились валуны — и маленькие и огромные, величиной с дом.

Муха смутилась.

— Да, кажется, нам рассказывали... Но это было очень давно, когда я училась еще в четвертом классе...

— Давно! Всего год назад? А разве ты не должна всю жизнь помнить то, что слышала в школе?

— Я, наверно, была тогда невнимательной,— призналась Муха, вздыхая.

— Она была невнимательной! — проворчал часовой мастер.— И бедные учителя тратят на этих девчонок и мальчишек свои силы! Так знай же, нерадивая школьница, что валун, на котором ты сейчас стоишь, отшлифовал ледник! Тот самый, где нас чуть-чуть не сожрали волосатые!

— Правильно!

— Еще бы не правильно!

— Интересно, сколько лет потребовалось леднику, чтобы так мастерски отполировать этот камень?

— Ну, на этот вопрос ответить трудно,— пожал плечами часовой мастер.— Ледниковые эпохи длились многие тысячелетия. И сколько их было, этих эпох, никто точно не знает. Может быть, две, а может быть, четыре или даже пять... Менялся климат на Земле, постепенно наступали похолодания, а ледники тысячекилометровыми языками вытягивались с севера по нашему полушарию. По одному такому язычку мы с тобой и совершили нашу прогулку... Ой!..— вдруг вскрикнул он, беспокойно теребя бороду.

— Что случилось? — испугалась Муха, прыгая с камня на траву.

— Я потерял на леднике свой электрический фонарик.

— Так он, наверно, валяется где-нибудь в траве,— сказала она, озираясь.

— Каким образом фонарик мог оказаться в траве? — Часовой мастер посмотрел на девочку, иронически улыбаясь.

— Очень просто,— беспечно сказала Муха,— из ваших слов я поняла, что наш ледник отступил и растаял, потому что на Земле наступило новое потепление. А если так, то фонарик с растаявшего ледника мог свалиться только в траву.

— До чего же ты несерьезное существо, Муха-мушка! — вздохнул Великанов.— Как ты думаешь, сколько лет прошло с той минуты, когда мы были на леднике?

— Не знаю...

— Потепление так же, как и похолодание,— процесс весьма и весьма продолжительный. Я считаю, что мы с тобой катались на лыжах по леднику не менее чем сто тысяч лет назад!

— Ого!

— А может быть, и того больше!

— Ого-го!

— Если фонарик упал в снег сто тысяч лет назад, то что от него осталось?

— Он... проржавел... истлел за эти годы.

— За эти годы? Да он рассыпался в прах еще девяносто девять тысяч девятьсот девяносто лет тому назад! Попробуй теперь разыскать его остатки!

— Как странно! — вырвалось у Мухи.— Но вы даже не успели снять лыжи со своих ног! Только подумать — сто тысяч лет! А каменный век все еще длится!

— Конечно! Каменный век длился не менее полумиллиона лет.

— Интересно, как выглядят сейчас дикари?

— Увидим... Послушай, Муха, ты не чувствуешь запаха гари?

Она потянула носом воздух:

— Чувствую! По-моему, в лесу горит костер.

— Пойдем проверим... Только я предварительно освобожусь от лыж и сниму шубу. Становится нестерпимо жарко!

Великанов сбросил шубу на камень.

— Э-э,— проговорила Муха,— вы поступаете неосмотрительно! Зачем вы оставляете здесь шубу? Мы уйдем в лес, а часы веков снова пробьют...

— И моя шубка, как и фонарик, канет в лесу! — усмехнулся он.— Ты права, уж лучше я не буду с ней расставаться.

Часовой мастер взял шубу под мышку и, помахивая ушанкой, двинулся к лесу.

В тени деревьев было прохладно, однако двигаться меж ними оказалось делом сложным. Заросли старых

и молодых деревьев очень напоминали Мухе знакомые ей леса Подмосковья, но это был д е в с т в е н - н ы й лес, который еще не слышал визга пилы и стука топора. На каждом шагу дорогу преграждали упавшие от старости деревья и бурелом. К счастью, путники обнаружили тропинку, которую, должно быть, проложили какие-то животные.

Гарью пахло все сильнее, и скоро они набрали на большой участок выгоревшего леса. Обуглившиеся деревья все еще дымились, а в одном месте под свалившимся черным стволом путники увидели запекшуюся тушу олененка.

— Бедный олешек! — горячо сказала Муха. — Почему же он не убежал от огня?

— Не успел, — вздохнул Великанов. — Похоже, что в ствол, под которым он лежит, ударила молния. Так и есть, загоревшееся дерево рухнуло и придавило олененка... Но послушай, Муха, как аппетитно пахнет жареным мясом! Не отведать ли нам этого приготовленного самой природой жаркого?

— Ни за что! — вздрогнула она. — Бедный олешек!

— Напоминаю тебе, что последний раз мы ели сто тысяч лет назад! — рассмеялся часовой мастер.

— Ни за что! — повторила Муха. — Я лучше умру от голода!

Однако Великанову тоже не удалось отведать жареной оленины, потому что где-то послышались человеческие голоса, и путники поспешили укрыться за густым орешником. Муха видела из своего укрытия, как на противоположной стороне выгоревшего участка зашевелились кусты и в увядшей от недавнего пожара зелени мелькнули два смуглых лица.

Это были юноша и девушка. Несмотря на то что их темно-русые волосы никогда не знали ножниц, гребенки и мыла, а серые глаза смотрели на пожарище диковато-настороженно, лица юноши и девушки чем-то удивительно располагали к себе. Они даже

были красивы своей особенной грубоватой красотой. Мужественное лицо юноши с резкими, угловатыми чертами припорошил легкий пушок первой бороды. Чуть выдающийся подбородок девушки подрагивал, а полные, очень красные губы пораженно приоткрылись. Но в ее глазах отчетливо светился страх. Всепобеждающий страх первобытного человека перед непонятной силой В е л и - к о г о О г н я, который так больно жалит и уничтожает все, что попадает на его пути.

Юноша что-то коротко сказал девушке и обнял за плечи. Он явно хотел пересилить ее страх и ступить вместе с подругой на выжженную землю. А может быть, он сам боролся с собственным страхом, желая показать ей свою отчаянную смелость.

Она громко вскрикнула, отбросила его руку и скрылась за кустом.

Юноша рассмеялся и позвал подругу гортанным окриком. Она не показывалась. Тогда он осторожно раздвинул ветки и вышел из-за куста. Однако отвага сразу же покинула юношу, как только ступни его босых ног почувствовали тепло золы. Он остановился в нерешительности, высокий и стройный, в потертой шкуре какого-то зверя, которая только до колен закрывала его сильные ноги. На мускулистых икрах юноши густо вились золотистые волосы — остатки первобытной шерсти. Такие же волосы покрывали его руки и грудь, наполовину скрытую шкурой зверя.

Сначала Мухе показалось, что он опирается на посох, но, присмотревшись, девочка увидела, что он держит в руке топор. Отточенный и гладко отшлифованный камень был накрепко прикреплен кожаными ремнями к длинному древку — в трех местах эти тугие, искусно переплетенные ремни пронизывали камень насквозь. Муха невольно подумала, как трудно было юноше просверлить в топоре три отверстия: ведь ему пришлось камень сверлить камнем!

Юношу мучили сомнения. Он шагнул вперед и опять остановился, приподняв одну ногу. Подрагивающие пальцы этой ноги неторопливо прощупывали теплую золу: а вдруг там прячется огонь! Но огонь под золой уже погас, и он, успокоенный, сделал еще несколько шагов.

— Э-о! — резко крикнул он, оборачиваясь к кустам. — Э-о!

Среди увядшей зелени снова появилось девичье лицо, на котором ясно отражались чувства ужаса и восхищения беспредельной смелостью юноши. Вероятно, ни один из знакомых ей соплеменников не подходил так близко к самому страшному из всего того, что можно встретить в жизни.

— Чоос! — тихо и проникновенно сказал юноша, улыбаясь ей и продолжая ворошить золу босой ногой.

Кто знает, что означало это странное слово «чоос»? Может быть, юноша хотел сообщить подруге, как мягок и приятен на ощупь серый пушистый порошок, сотворенный огнем, и какое ласковое тепло разливается по телу от соприкосновения с ним? Девушка тоже улыбнулась, пересилив страх. Но ее приоткрытые красные губы все еще взволнованно подрагивали.

Ободренный ее улыбкой, он шел по выжженной земле медленно и настороженно, затаив дыхание, как ходят в наши дни мальчишки по первому льду на речке. Внезапно юноша вздрогнул и замер на месте: он увидел погибшего в огне олененка. Вот оно, доказательство того, как коварно приятное тепло под ногами! Великий Огонь несет смерть всему живому!

Он попятился. Но, видно, желание узнать неведомое на этот раз победило в нем страх. Что сделал огонь с олененком?

Юноша протянул вперед топор и разрезал каменным острием обуглившуюся шкуру. Она легко отвалилась от запеченного мяса, над которым поднимался тонкий ароматный пар.

Юноша потянул носом воздух. Непривычный запах, должно быть, и отталкивал и почему-то дразнил обоняние. Юноша брезгливо поморщился: он знал вкус крови и сырого мяса, знал вкус сырых корней и ягод, но никогда у него во рту не было ничего того, к чему прикасался огонь. И все-таки легкий аромат изжаренного мяса чем-то привлекал его.

— Да попробуй же его, дурень! — услышала Муха шепот часового мастера. — Смелее, молодой человек! Честное слово, жареный олененок куда приятней, чем какая-нибудь длиннохвостая крыса, которую вы небось не раз пожирали прямо с шерстью, когда бывали голодны!

— Тише! — с мольбой прошептала Муха. — Опять вы затараторили, как пулемет!..

Юноша наклонился над олененком, вынул откуда-то из своего наряда каменный нож и отрезал довольно большой кусок жареного мяса.

— Очень хорошо! — зашептал Великанов. — Роскошное филе! Такое подадут не в каждом ресторане! Теперь отведайте его на вкус, молодой человек, и мы с Мухой станем свидетелями, как в жизни первобытного человека начнется новая эра! Эра огня! Из врага огонь превратился в вашего вечного друга!

Юноша поднес мясо к носу.

— Юх! Юх! — испуганно закричала девушка, что, наверно, означало — «нельзя, нельзя». Но было уже поздно: юноша жевал жареное мясо!

Сколько чувств отразилось на его диковатом лице! Любопытство, брезгливость, страх и наконец удовольствие, которое ему доставляла новая пища.

Девушка смотрела на него широко открытыми неподвижными глазами.

Юноша прожевал и проглотил мясо, комически вытягивая шею. На его лице блуждала улыбка. Он опять поднял ко рту кусок оленины и уже больше не опускал. Он звучно чавкал и посапывал от наслаждения, жир блестел на его щеках и кончике носа. Он сделал последний глоток и восторженно прокричал:

— Чоос! Чоос!

От возбуждения юноша пританцовывал, призывая свою подругу отведать жареной оленины. Она не шла, испуганно покачивая головой.

— Най шарос тогу! — убеждающим тоном сказал он и указал рукой на восток. Возможно, где-нибудь далеко в той стороне обитало племя, которое уже приручило Великий Огонь и заставило служить себе. И возможно, люди из этого племени рассказывали о том, как хорошо огонь согревает их в холод, охраняет от болезней и делает пищу здоровой и вкусной. Но тем людям, наверно, не верили, считая их бессовестными хвастунами. А сегодня юноша убедился, что они говорили правду...

— Най шарос тогу, — значительно повторил он, отрезая еще один кусок оленины. Держа мясо в вытянутой руке и мягко ступая по золе, юноша шел к своей подруге. А она замёрла на месте, не сводя глаз с оленины, дымящейся на его ладони.

— Ам, — ласково сказал он, протягивая ей мясо.

Девушка робко взяла мясо.

— Ам, — снова сказал он подбадривающе.

Она откусила небольшой кусочек. Юноша выжидательно смотрел, как она, перестав дышать, жует мясо.

— Чоос! — проговорила девушка нежным гортанным голосом, глубоко вздыхая и улыбаясь.

И в ту же минуту далеко-далеко раздался мелодичный звон:

— Бо-о-оммм...

Глава девятая,

В КОТОРОЙ МУХА И ЧАСОВОЙ МАСТЕР СПАСАЮТ ОТ СМЕРТИ МАЛЬЧИКА И ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ

Так же как и в первый раз, когда пробили часы веков, все вокруг Мухи и Великанова изменилось в одно мгновение. Прежде всего они почувствовали

очень сильный, сбивающий с ног холодный ветер. Потом Муха увидела голый осенний лес, бешено раскачивающийся под ветром, и слышала тягостный вой урагана. Низкие клочковатые облака грязно-серого цвета, словно тени, неслись над ревущими и свистящими деревьями. И казалось, что все кругом летит куда-то в неровном, дрожащем свете.

Шуба вырвалась из рук Великанова и, хлопая полами, запорхала над пожелтевшей травой. Он побежал за шубой, с трудом удерживаясь на ногах, упал, поднялся и снова упал. Муха бросилась ему на помощь, но ветер свалил ее и покатил по земле. Она цеплялась пальцами за траву, силясь задержаться на месте, но трава вырывалась вместе с корнями.

Муха безуспешно пробовала кричать, ветер плотной тугой массой врывается в легкие. Она катилась с закрытыми глазами неизвестно куда, беспомощная и обессиленная ураганом.

Наконец ее прижало к какому-то облетевшему кусту. Рвущиеся из стороны в сторону ветки больно хлестнули Муху по щеке. Она открыла глаза и увидела в отдалении часового мастера, который, стоя на коленях, пытался отодрать свою шубу от белоствольной березы. Полы шубы так плотно обхватили дерево, будто прилипли к нему. В конце концов Великанов удалось стянуть шубу на траву, и он рывком бросился на нее, как зверь бросается на добычу. Отдышавшись и продолжая лежать на шубе, Великанов каким-то сложным способом просунул руки в рукава, застегнул пуговицы и сел.

Он отыскал глазами Муху и поманил ее к себе. Она не решалась оставить спасительный куст, но он звал ее снова и снова.

Муха поползла по траве и на этот раз добралась до часового мастера без всяких осложнений. Ей показалось, что ветер начал ослабевать.

— Я вижу за деревьями какие-то скалы,— прокричал в ее ухо Великанов,— там мы укроемся от урагана...

Однако укрыться в скалах от урагана им не пришлось. Как только они миновали лесные заросли, ветер налетел на них с новой силой и повалил с ног.

«Я устала и хочу домой!» — хотела крикнуть Муха часовому мастеру, но он предупредил ее, делая отчаянные знаки, чтобы она молчала.

Только теперь Муха поняла, что так беспокоило его,— в тридцати-сорока метрах от них прямо на траве сидели люди, одетые в мохнатые шкуры. Слева от этих людей поднималась угрюмая, темная скала с пещерой внизу. От подножия скалы к небу вздымались, тяжело раскачиваясь, старые, толстые деревья.

Все люди — их было не меньше пятидесяти — сидели спиной к Мухе и Великанову, и поэтому появление двух незнакомцев осталось незамеченным. К тому же их внимание целиком занимало нечто чрезвычайно важное. Они сидели не шевелясь, запрокинув головы и глядя куда-то вверх.

Сначала Мухе показалось, что они разглядывают сквозь сплетение беснующихся веток низко летящие облака. Потом она услышала пронзительное, хватающее за сердце скрипение и поняла, что так заворожило этих людей в мохнатых шкурах.

До урагана или во время урагана с вершины скалы свалилась тяжелая каменная глыба и тесно прижала ствол березы к другому такому же стволу. Ураган мощно раскачивал деревья, и поэтому ствол беспрестанно терся о ствол, издавая резкий скрип. И от того места, где стволы соприкасались, с каждым порывом урагана в воздух взлетал синий дымок, молниеносно уносимый ветром. А как только появлялся дымок, сидящие люди хором, словно по команде, радостно вскрикивали:

— Ххо-о!

Часовой мастер подергал Муху за руку и отполз назад, за куст. Она последовала его примеру, и Великанов прокричал сквозь шум ветра:

— Это поразительно, Муха! Мы видим, как сама жизнь учит наших далеких предков добывать огонь!

— А они уже давно пользуются огнем? — крикнула девочка.

— Конечно!

— Опять прошло сто тысяч лет?

— Не знаю... Может быть, пятьдесят тысяч...

— И за пятьдесят тысяч лет они не смогли научиться добывать огонь?

Часовой мастер склонился к ее уху, заслоня рот ладонями.

— Ты должна помнить, что в каменном веке образ жизни людей не менялся многие тысячелетия!.. Это только в наше время при расцвете науки и цивилизации всякие изобретения сыплются на человечество как град... А для людей каменного века найти способ добывать огонь было бóльшим событием, чем для нас открытие атомной энергии! Тысячелетия, бесконечные тысячелетия люди не гасили в своих пещерах костры! Дымящийся костер переходил в наследство от поколения к поколению... А если он угасал — это было бедствием! Надо было ждать, когда молния подожжет лес, или похитить огонь у другого племени. Из-за горячей головешки происходили кровопролитные войны!

— Но это же ужасно! — крикнула Муха.

— Что поделаешь...

— Бедные предки!

— Я не сказал бы этого. Вспомни, как знакомые тебе юноша и девушка лакомились жареной олениной. По-моему, они были счастливы!

— Все равно нашим предкам жилось очень трудно!..

— Как только на Земле появились люди, они всегда стремились устроить свою жизнь лучше. Это так и

называется — прогресс! Иногда правильные решения людей подсказывал разум: так, наверно, была придумана теплая одежда из звериных шкур. В другой раз, как, например, сейчас, людей учил случай. Можешь не сомневаться, они поймут сегодня, что огонь можно добывать при помощи трения... Но погоди, Муха, ветер утихает, и я боюсь, что стволы деревьев уже не загорятся... Так и есть, все эти люди в роскошных мехах выглядят очень разочарованными... Но это не столь важно, они уже получили необходимый урок!

— Они будут добывать огонь?

— Обязательно! А человек, добывающий Великий Огонь, сам становится в е л и к и м! — торжественно говорил часовой мастер. — Человек больше не будет привязан к костру! Он будет передвигаться по земле, искать новое и творить! Да, да, творить, дорогая Муха! Он закалит в огне камни и металлы, научится делать посуду и великолепные ору-

дия труда! Он научится строить кирпичные здания! Его труд станет творческим! В конце концов, пройдя через тысячи испытаний, он построит такое общество, в котором станет возможным первый полет в космос! Огонь — это начало цивилизации!

— Вы очень красиво говорите! — сказала Муха.

— Потому что красива жизнь человека, милейшая Муха-мушка! — с жаром проговорил Великанов. — И красивой ее делает только труд! Терпеть не могу бездельников!

Между тем ураган совсем затих, и сквозь тучи провалился яркий поток солнечных лучей. Он залил веселым светом поляну, жухлую траву и людей в меховых одеждах, которые о чем-то громко спорили у входа в пещеру. Косые лучи солнца скользнули в сумрак пещеры, осветили ее стену, испещренную рисунками каких-то животных, и упали на серую, холодную золу костра.

Муха вздрогнула.

— Кажется, в пещере погас костёр!

— Ах, какое несчастье! — сжал ей руку часовой мастер. — Нет, ты даже не представляешь себе, Муха, какое несчастье постигло этих людей! Так вот почему они так жадно смотрели на задымившиеся стволы! Но и там, увы, неудача...

У входа в пещеру кто-то громко воскликнул:

— Па!

Все почтительно расступились и умолкли. Из пещеры медленно вышел старик.

По обеим сторонам его морщинистого лица свисали длинные седые волосы. Старик сделал несколько шагов и остановился.

— Насколько я понимаю, мы видим предводителя всех этих людей, — заинтересованно проговорил Великанов. — Посмотрим, что решит этот Па...

Старик что-то спросил сипловатым, дребезжащим голосом. Молодой воин с большим тугим луком на

плече и колчаном стрел у пояса шагнул навстречу Па и быстро заговорил. Было заметно, что ему не хватает слов, он часто повторял одни и те же звуки и для большей убедительности кривлялся и помогал себе руками. Он так размахивал ими перед лицом Па, то и дело указывая на стволы деревьев, что Муха невольно ухмыльнулась.

— К сожалению, с помощью рук объясняются еще и в наши дни некоторые люди,— сказал часовой мастер.— Удивительная дикарская привычка, дошедшая до нас сквозь тысячелетия! Заметь, что он болтает и размахивает руками уже десять минут, а между тем все можно объяснить несколькими словами: стволы деревьев не загорелись!

Старый Па только один раз взглянул на стволы. А когда воин умолк, заговорил сам, точно так же двигая руками и кривя морщинистое лицо. Чем дольше говорил старик, тыча рукой то в потухший костер, то в незагоревшиеся стволы над своей головой, тем больше краснело его морщинистое лицо и тем злее и иступленнее звучал его дребезжащий голос. Под конец Па начал визжать и топать ногами.

— Кому-то придется плохо,— вздохнул Великанов,— старик, видимо, разъяснил своим людям, кого следует наказать. Наверно, костровой заснул, когда они были на охоте, и не подложил в костер хвороста... Все ясно: виновника до сих пор щадили, надеясь, что Дух Огня покровительствует ему и хочет зажечь стволы двух берез.

— Но ведь стволы не загорелись, потому что утих ураган! — сказала Муха.

— Такие тонкости непонятны в этом обществе! Раз не загорелись, значит, Дух Огня отказался покровительствовать костровому!

— Вы думаете, его накажут?

— Со всей строгостью первобытных законов!

— А что ему сделают?

— Не знаю... Да вот волокут и самого кострового... Ого! Ты посмотри, как этого беднягу скрутили ремнями!

— Но он же совсем мальчик! — вскрикнула Муха.

— Да, пожалуй, ему лет пятнадцать... Для каменного века, кстати сказать, возраст вполне достаточный, чтобы отвечать за свои поступки...

— Он стонет!

— Еще бы! Ты видишь, как ремни впились в его руки и ноги?

— Я не могу смотреть на это, товарищ Великанов!

— Меня самого подирает мороз по коже, Муха! Ведь этот юнец уже человек, а не человекообразная обезьяна! Когда ты бросалась на помощь обезьяне, рискуя жизнью, я не очень понимал тебя... Но сейчас перед нами ч е л о в е к!

— Ему надо помочь, товарищ Великанов!

— Надо, но как? Боюсь, что... боюсь, что наши милые предки собираются принести его в жертву Духу Огня!

Муха окаменела. Она не могла двинуть ни одним пальцем. Сквозь странный туман, задержавший ее глаза, она видела, как старик Па пнул ногой брошенного на землю мальчика и взял из рук какого-то воина каменный топор.

— Ах, я старый дурень! — вдруг сказал часовой мастер. — Я потерял электрический фонарик... Но я не потерял свои спички! Целый коробок спичек!

В это время племя надсадно затянуло какую-то песню, а старый Па поднял над мальчиком топор.

— Остановись, Па! — громовым басом закричал Великанов, выходя из-за куста. — Остановись, иначе Дух Огня покарает тебя самого!

Выскользнувшая следом за Великановым Муха ясно увидела, что все люди в меховых одеждах шарахнулись в сторону.

Они сейчас же оправились и взметнули свои луки, топоры и дротики, чтобы поразить двух удивительных низкорослых незнакомцев. Однако они не успели этого сделать, так как в руках часового мастера сверкнул огонек зажженной спички.

И этот крошечный огонек поразил их больше, чем мог бы поразить приставленный к сердцу нож.

— Ххо! — завопили они в один голос.

Люди в меховых одеждах бросали оружие на землю. Они падали на колени и поднимали руки с растопыренными пальцами над своими головами, показывая, что в их руках больше нет никакого оружия.

— Не надо так волноваться, граждане! — говорил Великанов, подходя к связанному мальчику и продолжая зажигать спички. — Право же, вашему племени ничего не угрожает, потому что мы пришли из такого племени, где убийство человека считается самым мерзким преступлением! Вы не понимаете

меня? Ну что ж, я на вас не в обиде... Скажу вам больше: я был уверен, что вы не поймете меня... А говорю я вам все это для того, чтобы мне самому не было страшно! Когда работает язык, как-то спокойней на душе!

— Надо развязать мальчика,— заикаясь сказала Муха.— Он так закручен, что тут и в год не разобратся!

— Па! — грозным басом рявкнул часовой мастер.

Старый Па на коленях добрался до Великанова. Лицо Па было таким же белым, как и его нечесанные седые волосы.

Осмелевший Великанов, кривляясь и жестикулируя, как дикий, дал ему понять, что мальчик должен быть освобожден. Па развязал его за несколько секунд и попятился на прежнее место.

Дрожащий всем телом мальчик продолжал лежать. Это был милый русоволосый юнец с чуть оттопыренными грязными ушами и немытым лицом.

— Ххо! — бормотали его искривленные страхом губы.— Ххо!

— Поднимайся, юный предок! — сказал часовой мастер.— Дух Великого Ххо дарует тебе жизнь!

— Зачем вы морочите ему голову каким-то духом? — с чувством некоторого возмущения проговорил Муха.— Лучше бы вы разъяснили этим людям, что на земле нет и никогда не было никаких духов!

— Может быть, я еще должен научить их таблице умножения? — усмехнулся Великанов.— Всеу свое время, Муха-мушка! Пройдет каких-нибудь полмиллиона лет, и все станет ясно без моих объяснений... Гм... Впрочем, как тебе известно, даже в наше время еще существует какое-то количество людей, которые на полном серьезе продолжают верить в разных духов...

— Это так,— сказала Муха,— но вы опять очень много говорите, а пещерные люди смотрят на нас и, чего доброго, подумают, что мы явились к ним со злыми намерениями!

— Ты права, Муха, тогда нам несдобровать! Поднимайся же, мой неумытый предок, и принимайся за дело, которое было прервано твоим несовременным сном!

Он помог мальчику подняться и жестами показал, чтобы он положил в потухший костер валежник. Мальчик немедленно повиновался указанию часового мастера.

— А теперь,— крикнул Великанов всему племени, продолжающему стоять на коленях,— смотрите сюда, мужчины, женщины и дети! Смотрите внимательно, сотворенные многовековым трудом люди! Я зажигаю ваш костер! Я пошутил, я не дух Великого Ххо! Я просто человек, такой же, как и вы, но только поопытней, чем вы, и, пожалуй, добрее. И потому что я поопытнее и добрее вас, я возвращаю вам огонь, без которого вы уже не можете жить! Я возвра-

щаю вам жизнь! Из племени в племя вы понесете легенду о том, как к вам явились добрые духи. Легенда эта скоро забудется, но потомки ваши не забудут, что огонь можно добывать при помощи трения. Сегодня вы сами убедились в этом! И очень скоро самые дотошные из вас добудут огонь своим трудом! Вот чем знаменателен сегодняшний день! Один из самых исторических дней в истории человечества! Э-э, да вы же все равно ничего не поняли из сказанного мной, дорогие предки!

Часовой мастер чиркнул спичкой.

— Гори, Великий Огонь! — пробормотал он.

— Давно бы так! — вырвалось у Мухи.

Сначала нежно-голубой, потом темно-серый дым заколебался над костром, и золотистые язычки пламени запрыгали в потрескивающем валежнике.

С каким наслаждением вдыхали пещерные люди знакомый с детства и такой невыразимо приятный, горьковатый запах горящего костра! Их ноздри раздувались и подрагивали, а глаза блестели. С священным трепетом смотрели они на Великанова и Муху.

— Ххо! — тихо сказал спасенный от смерти мальчик.

— Ххо,— как эхо, проговорили люди всего племени.

— Живите, дорогие предки! — снова раздался бас Великанова.— И пусть ваша жизнь день ото дня становится лучше!..

Он поднял глаза на тесно сдавленные стволы двух берез, с силой потер руку о руку и многозначительно прибавил:

— Ххо!

Мухе показалось, что пещерные люди поняли его. Во всяком случае, все они с большим чувством точно

так же потеряли свои руки и, глядя на березы, повторили:

— Ххо!

Муха и Великанов медленно удалились. Никто не сказал им ни слова, и никто не пытался их задерживать. Кто мог осмелиться вступать в общение с духами? Тем более что никто из пещерных людей еще не знал слов благодарности.

— Тик-так, тик-так,— все громче стучали часы веков,— тик-так, тик-так...

Путешественники обнаружили заднюю дверцу часов в огромном камне у широкого и светлого озера. Стаи диких уток кричали в сухих камышах. Вероятно, они уже собирались в дальний, повторяющийся из века в век путь на юг, в теплые земли, где обитали другие люди, другие племена...

Часовой мастер открыл дверцу, и путешественники через несколько секунд оказались в комнате.

«Мррр»,— издала кошка рокошующий звук, прыгая на пол с кресла и стараясь потереться о ногу девочки.

— До свидания, Муха-мушка,— сказал часовой мастер.

— Мы увидимся завтра? — спросила она.

— Не... знаю,— ответил он неопределенно,— у меня есть кое-какие неотложные дела...

* * *

...На этом, собственно, кончаются необычные приключения Мухи.

Автору остается только прибавить, что она больше никогда не встречала часового мастера. Возможно, он переехал в другой город. А что касается волшебных часов, то они по-прежнему стоят в столовой той са-

мой квартиры, где живет Муха. Но, увы, эти часы никогда не ходят. Впрочем, кто знает, может быть, они когда-нибудь зазвонят снова. Во всяком случае, Муха очень этого хочет и частенько напевает, глядя на них:

Не идут часы никак —
И ни тик и ни так,
Но я знаю сделать как,
Чтоб ходили тик и так.

Содержание

КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

5

ТРОЕ НА ОСТРОВЕ

115

ПУТЕШЕСТВИЕ НА УТРЕННЮЮ ЗВЕЗДУ

187

ПРЕДАНИЕ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

297

ЧАСЫ ВЕКОВ

351

К ЧИТАТЕЛЮ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «ЗАМОК ЧУДЕС»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376.
Издательство АРМАДА*

Губарев В. Г.

- Г 93** Королевство кривых зеркал: Королевство кривых зеркал;
Трое на острове; Путешествие на Утреннюю Звезду;
Преданье старины глубокой; Часы веков: Повести-сказ-
ки / Худож. Б. Калаушин, В. Алексеев, И. Ушаков.— М.:
АРМАДА, 1994.— 427 с.: ил.— (Замок чудес).
ISBN 5-87994-040-3

Повести-сказки В. Губарева переносят читателей в мир фантазии и приключений, где юные герои противостоят жестоким пиратам на необитаемом острове или сражаются с космическими врагами на загадочной планете. Благородство, мужество и сообразительность помогают им преодолеть все испытания.

Литературно-художественное издание

Замок чудес

**ГУБАРЕВ
ВИТАЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ
КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ**

Повести-сказки

Составитель серии

В. Н. Мариашин

Ответственный редактор

Л. В. Гостева

Художественный редактор

Ф. В. Дамогацкий

Технический редактор

И. В. Бегичева

Корректоры

Т. Г. Люборец, Л. Д. Лихачева

Компьютерный набор

С. Л. Старков, А. И. Шаронова

Издательская лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор 25.05.94. Подписано в печать 22.09.94. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0. Тираж 50 000 экз. Заказ № 4-225.

Издательство АРМАДА

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии Харьковской книжной фабрики «Глобус»
310012, Харьков, ул. Энгельса, 11

ЗАМОК ЧУДЕС

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ И СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

*До конца 1994 года
в серии "ЗАМОК ЧУДЕС"
будут выпущены следующие книги:*

Кир Булычев

(Полное собрание произведений о приключениях Алисы в 7 книгах)

«ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ»

«ЗАПОВЕДНИК СКАЗОК» «ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА»
«МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ» «АЛИСА И КРЕСТОНОСЦЫ»
«КОНЕЦ АТЛАНТИДЫ» «ВОЙНА С ЛИЛИПУТАМИ»

Алан Гарнер

«ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ БРИЗИНГАМЕНА»

Волшебный камень Бризингамена

Луна в канун Гомрата

Элидор

Отфрид Пройслер

«СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ»

Гном Хербе Большая Шляпа Хотценплотц-3
Гном Хербе и леший Маленькая колдунья
Разбойник Хотценплотц Маленький водяной
Снова Хотценплотц Маленькое привидение

Виталий Губарев

«КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ»

Королевство кривых зеркал Полет на Утреннюю Звезду
Трое на острове Преданье старины глубокой
Часы веков

Диана Дуэйн

(Сказочная трилогия в 3 книгах)

«ХОЧЕШЬ СТАТЬ ВОЛШЕБНИКОМ?»

«ГЛУБОКОЕ ВОЛШЕБСТВО» «ВЫСОКОЕ ВОЛШЕБСТВО»

Софья Прокофьева

«ПОВЕЛИТЕЛЬ ВОЛШЕБНЫХ КЛЮЧЕЙ»

Ученик волшебника

Остров капитанов

Астрель и Хранитель Леса

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

**ЛУЧШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И
ЗАРУБЕЖНОЙ КЛАССИКИ О ЖИВОТНОМ МИРЕ**

*До конца 1994 г. в "ЗЕЛеной СЕРИИ"
будут выпущены следующие книги:*

Джеральд Даррелл

"ТОНЧИЕ БАФУТА"

Гончие Бафута Перегруженный ковчег
Три билета до Эдвенчер

Джеральд Даррелл

"ПОМЕСТЬЕ-ЗВЕРИНЕЦ"

Под пологом пьяного леса Зоопарк в моем багаже
Поместье-зверинец

Джеральд Даррелл

"ЗЕМЛЯ ШОРОХОВ"

Земля шорохов Путь кенгуренка
Поймайте мне колобуса

Джеральд Даррелл

"ПО ВСЕМУ СВЕТУ"

По всему свету Моя семья и другие звери
Птицы, звери и родственники

Джеральд Даррелл

"ТОЛЬКО ЗВЕРИ"

Сад богов Только звери
Пикник и прочие безобразия

Джеральд Даррелл

"КОВЧЕГ НА ОСТРОВЕ"

Золотые крыланы и розовые голуби
Натуралист на мушке Ковчег на острове

Джеральд Даррелл

"ЗВЕРИ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ"

Филе из палтуса Звери в моей постели
Рози-моя слониха

*Издательство планирует также выпустить книги
Игоря АКИМУШКИНА, Джой АДАМСОН,
Конрада ЛОРЕНЦА, Дэвида ЭТТЕНБОРО
и других.*

Издательство АРМАДА

выпустило и готовит к изданию книги следующих серий:

**"РОМАНОВЫ.
Династия в романах"**

Собрание художественных произведений о русских монархах

"РЮРИКОВИЧИ"

Серия исторических романов, посвященных представителям первой российской правящей династии

"ЗАМОК ЧУДЕС"

Сказочная фантастика и волшебные сказки для детей

**"ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК"**

Произведения лучших отечественных и зарубежных мастеров современной острополетной фантастики

"ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ"

Лучшие произведения отечественных и зарубежных авторов о животных

Книги издательства АРМАДА

Вы можете приобрести у наших региональных представителей:

Москва: "Стрела" (095) 306-62-15

"Тригон" (095) 288-54-22

"Демалыс" (095) 150-07-82

Санкт-Петербург: "Русский Север" (812) 530-05-36

Новосибирск: "Дюна" (3832) 24-52-67

Ростов-на-Дону: "Успех" (8632) 64-19-85

Тверь: "Полина" (08222) 3-93-45

Воронеж: "Амитель" (0732) 23-00-02

Челябинск: "Роска" (3512) 66-83-11

Самара: "Гарт" (8462) 66-16-82

Калуга: "Азлыга" (08422) 4-49-29

Астрахань: "Форзац" (8510) 22-17-66

Пермь: "Бегемот" (3422) 44-73-54

Н.Новгород: "Логос" (8312) 36-25-80

Саранск: общество "Книга" (8342) 17-50-01

Вы можете направлять заказы на книги издательства по адресу:

123459, Москва, а/я 68

Книги будут высланы наложенным платежом.

ЗАМОК
ИВД80

ВИТАЛИЙ ГУБАРЕВ

АРМАДА